

ISSN 2074-7306

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 4, 2011

Периодичность 4 номера в год

Издается с 1997 г.

Включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»
ВАК Министерства образования и науки РФ

Регистрационный номер № 015 464 от 27 ноября 1996 г.
Комитета Российской Федерации по печати
Учредитель - Ростовский юридический институт
Северо-Кавказской академии государственной службы

Редакционный совет

Председатель совета

Ректор СКАГС, кандидат экономических наук, доцент **В.В. Рудой**

зам. директора ИГП РАН, ректор Академического правового института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Н.Ю. Хаманева** (Москва); ведущий научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **В.В. Альхименко** (Москва); ведущий научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук **М.А. Супатаев** (Москва); директор юридического института СКАГС, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **Д.Ю. Шапсугов** (Ростов-на-Дону)

Редколлегия

Главный редактор
доктор юридических наук,
академик АМАН, заслуженный юрист РФ

Д.Ю. Шапсугов

доктор юридических наук, профессор **Л.В. Акопов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ **П.П. Баранов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **А.И.Бойко** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Л.И. Волова** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **А.И. Гончаров** (Волгоград), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ **С.А. Зинченко** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **М-С А-М Исмаилов** (Махачкала); доктор юридических наук, профессор **В.Я. Любашиц** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Ю.А. Ляхов** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **А.Н. Маремкулов** (Нальчик); доктор юридических наук, профессор **С.Н. Медведев** (Ставрополь); доктор юридических наук, профессор **В.В. Момотов** (Москва); доктор юридических наук, профессор **С.Н. Назаров** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ **Ж.И. Овсепян** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **А.И. Овчинников** (Ростов-на-Дону); доктор юридических наук, профессор **И.В. Тимошенко** (Таганрог); **А.Б. Паламарчук** (ответственный секретарь)

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70;
тел.: (8-863) 2-69-62-89; e-mail: yurvestnik@skags.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Супатаев М.А.

Цивилизационное осмысление права: в контексте модернизации 7

Баранов П.П.

Проблема соотношения морали, права и самодержавия
в политико-правовой мысли России XV-XVI вв. 19

Мартыненко Б.К.

Сегодняшние метаморфозы развития политического насилия 27

Колова Н.Б.

Институт царской власти в русском государственно-правовом
и духовном пространстве XVII века 32

Ярошенко В.А.

Публичная политика и антитеррористический дискурс в современной России 37

Гутарова Н.А.

Применение метода периодизации в теории права: на примере эволюции
основных понятий и представлений о праве народов на самоопределение 41

Яхьяев Г.Я.

Памятники нормативно- правовой культуры народов Дагестана. Гидатлинские адаты 46

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ОСОБЕННОСТЯМ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ

Бойко А.И.

Особенности подготовки магистров уголовно-правовой специализации 49

Бойко А.И.

Содержательные требования к подготовке магистров уголовно-правового профиля 50

Разогреева А.М.

Образовательные технологии в практике реализации магистерских программ 55

Фоменко А.И.

К вопросу подготовки специалистов в области борьбы с преступлениями в сфере высоких
технологий 59

Попова С.А., Бокова И.Н.

Применение интегративного подхода в преподавании дисциплин криминального цикла 64

Чентеш И., Лазарева Н.

Юридическое образование в Словацкой Республике:
опыт университета Коменского (г. Братислава) 68

Лукашов А.И.

О магистратуре и подготовке магистров уголовно-правового профиля в
Республике Беларусь 71

Алауханов Е.О. Проблемы юридического образования в Казахстане	76
Пащенко Е.А. Индивидуальный подход или современные педагогические технологии: эффективность применения в магистратуре	78
Карягина А.В. Производственная (педагогическая) практика в контексте подготовки магистерской диссертации	81
Ратьков А.Н. Магистерское образование: кто в лес, кто по дрова	85
Мелешко Н.П. К вопросу о проблемах развития юридического образования в России и концепциях его специализации	86
ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	
Митусова О.А. Модернизация формального языкового образования студента-юриста через развитие европейской идентичности	91
ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА	
Акопов Л.В. Понятие административного регламента в юридической науке и практике	96
Рустамова С.М. Элементы административной юстиции в надзорной деятельности Сената и других органов власти в первой половине XIX века	99
ПЕРСОНАЛИИ	
Геннадию Илларионовичу Муромцеву – 75 лет.	106
Поздравляем с юбилеем!	108
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ	
Баранов П.П., Овчинников А.И. Круглый стол на тему: «Семья – основа стабильности общества и государства»	110
Шапсугова М.Д. Конференция «Актуальные проблемы защиты прав потребителей»	111
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Исмаилов М.А. Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М.«Елису и Горный магал в XII-XIX вв.» Махачкала, 2010; 9,7 п.л.	114
ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО Хасан Мухтарович Думанов (1942-2011)	116
УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» в 2011 году	118
НАШИ АВТОРЫ	125

CONTENTS

THE PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Supataev M.A.

Civilized comprehension of law in the context of modernization 7

Baranov P.P.

The problem of correlation of moral and law in politico-legal thought of Russia in the XV-XVIth centuries 19

Martynenko B.K.

Today's metamorphosis of political violence development 27

Komova N.B.

The institute of tsarist power in the Russian state-legal system and spiritual space in the XVIIth century 32

Yaroshenko V.A.

The public policy and anti-terrorist discourse in modern Russia 37

Gutarova N.A.

The use of the periodization method in the theory of law: on the example of evolution of the main notions and conceptions of the peoples' rights to self-determination. 41

Yachjaev G.Y.

The monuments to normative-legal culture of the Dagestan people. Gidatlin adapts. 46

SCIENTIFIC-METHODICAL SEMINAR, DEVOTED TO THE PECULIARITIES OF TRAINING MASTERS OF CRIMINAL LEGAL PROFILE

Boiko A.I.

Peculiarities of preparation of masters of the code of criminal-legal specialization. 49

Boiko A.I.

Content demands to the training of masters of criminal-legal profile 50

Razogreeva A.M.

Educational technologies in the practice of the masters' programs realizations 55

Fomenko A.I.

To the question of education of specialists in the crime struggle in the sphere of high technologies 59

Popova S.A., Bokova I.N.

The use of integrational approach in teaching disciplines of the criminal circles. 64

Tchentesht I., Lazareva N.

The legal education in the Slovak Republic: the Komensky University experience (Bratislava). . . . 68

Lukashov A.I.

On magistrate and masters' of criminal-legal profile training in the Republic of Belarus. 71

Alauchanov E.O.

The problem of legal education in Kazakchstan 76

<i>Pashenko E.A.</i> Individual approach or modern pedagogical technologies	78
<i>Karyagina A.V.</i> The major's (pedagogical) practice in the content of the Master dissertation presentation	81
<i>Ratkov A.N.</i> The master's education; all at sixes and sevens	85
<i>Meleshko N.P.</i> To the question of the Russian legal development problems on the concepts of its specialization	86
<i>THE PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION</i>	
<i>Mitusova O.A.</i> Modernization of formal language education of a law student through development of the European identity	91
<i>THE PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE LAW</i>	
<i>Akopov L.V.</i> The notion of administrative regulation in the legal science and practice	96
<i>Rustamova S.M.</i> The administrative justice elements in the supervisory activities of the Senate and other power bodies in the first half of the XIXth century	99
<i>PERSONALITIES</i>	
Muromtsev Gennady Illarionovich is 75.	106
Congratulations on the jubilee!	108
<i>THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE</i>	
<i>Baranov P.P., Ovchinnikov A.I.</i> The round-table talk on the theme: «Family is the ground of stability and statehood»	110
<i>Shapsugova M.D.</i> The conference «Actual problems of the consumers' rights defence»	111
<i>CRITICS AND BIBLIOGRAPHY</i>	
<i>Ismailov M.A.</i> <i>Aitbertov T.M., Chapisov Sh. M.</i> «Elisy and Mountain magal in the XII-XIXth centuries». <i>Machachkala, 2010; 9,7 print. sheets.</i>	114
<i>To the memory of Hasan Muchtarovich Dumanov.</i>	116
<i>THE INDEX OF MATERIALS, PUBLISHED IN THE MAGAZINE</i>	
<i>«SEVERO-KAVKAZSKY JURIDICHESKY VESTNIK» in 2011</i>	118
<i>OUR AUTHERS</i>	125

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРАВА: В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

The article analyzes main ways of interaction between traditions and current situation with legal modernization in modern world. The article considers role of civilizational aspects in such interaction.

Some general conclusions are made that successful legal modernization is only possible in a way that corresponds to formed ways of social cultural regulations.

Ключевые слова: модернизация, цивилизация, право.

Key words: modernization, civilization, law.

Опыт модернизации ряда стран, еще недавно одних из наиболее отсталых в социально-экономическом и научно-техническом отношении (например, Китая, Индии и др.), постепенно превращающихся в центры мирового притяжения, достаточно убедительно свидетельствует о том, что все больше стран, вступая на путь системного обновления общества и усваивая инструментальные компоненты западной культуры (структуру материального производства, инновационные технологии, способы трансляции информации и т.д.), в гораздо меньшей степени склонны отказываться от экзистенциальных начал своей собственной культуры, национальных традиций в политике и праве.

Сегодня, как указывается в философской литературе, идут споры о том, а не закончилась ли собственно эпоха модерна, уступая место более мощной и перспективной тенденции – процессу «постмодернизации», начавшемуся во второй половине XX в. и рассматриваемому иногда как соединение параллельных линий исторического процесса или даже как зигзаг истории, при котором процесс ориентализации может сменить процесс модернизации [1, с. 165-179]. Некоторым теоретическим результатом такого переосмысления может служить один из итоговых выводов С. Хантингтона: «Модернизация не обязательно означает вестернизацию. Незападные общества могут подвергнуться модернизации, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт...». На самом деле «модернизация, напротив, усиливает эти культуры и сокращает относительное влияние Запада. На фундаментальном уровне мир становится более современным и менее западным» [2, с. 112].

Модерн как бы продолжает и сам «модернизоваться», переживая стадию своего обновления и пытаясь как бы «на ходу» устранять допущенные ранее перекосы и деформации [3, с. 400], символизируя в области позитивного знания переход от отчетливого понимания ценности и продуктивности хаоса на излете модерна, на волне которого стала успешно набирать силу синергетика, к идее примирения двух онтологем – хаоса и коллажности, «симфонизма» и порядка классической («доиндустриальной») эпохи, некогда разрушенного самим модерном. Наложение этих двух моделей одной на другую «дает лабиринт» «в качестве зрительного образа культуры постмодерна, не придающей никакого значения пространственно-временным границам и формам...» [4, с. 85].

Во всяком случае, становится очевидным, что в социокультурном (цивилизационном) измерении широкие процессы модернизации, которая идет с восемнадцатого века, уже не соответствуют изначальным классическим представлениям о ней О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма как о макропроцессе перехода от традиционного общества к «индустриальному» (А. Сен-Симон), а выступают как сложное и неоднозначное взаимодействие традиции и современности. Не очевидным является и понимание модернизации, сохранявшееся вплоть до второй половины XX в., как распространения западных принципов и способов деятельности на остальной мир (К. Маркс и М. Вебер).

Работы современных исследователей, в частности, видного социолога и специалиста в области теории цивилизаций Ш. Эйзенштадта [5], во многом способствовали выявлению значительного разнообразия традиционных обществ по степени того, насколько присущие им институциональные

и духовные структуры задерживали или, наоборот, облегчали переход к современности. При этом существенное значение в анализе путей и принципов модернизации Ш.Эйзенштадт придает роли традиций не как дихотомного начала, противостоящего «современности», а именно как специфики (самобытности), связанной с той или иной цивилизационной системой.

В этом отношении весьма показателен анализ различных типов классификации процессов, происходящих в незападных странах. Если отвлечься от «великих революций прошлого» как одного из способов модернизации, включая революционный процесс и его результаты в «советской России», сыгравших существенную, но сложную и динамически изменчивую, амбивалентную роль не только в построении нового европейского общества, но и в расширении масштабов модернизации в остальном мире, на сегодняшний день можно выделить несколько основных вариантов взаимодействия традиционности и модернизации [6, с. 383-401].

При этом право являет нам существенную аналогию с другими культуротворческими сферами жизни общества [7].

Первая тенденция, которую, на наш взгляд, можно определить скорее как традиционность против модернизации, чем модернизацию против традиционности, оказывается особенно опасной и по сути тупиковой, весьма драматичной по своим социальным последствиям.

Речь идет о тотальном противостоянии исходных принципов организации бытия нередко под воздействием имитаторской модернизации, вызывающей ответную реакцию протеста, усиление традиционализма.

Отрицательная реакция на негативные последствия искусственного насаждения западной цивилизации и ее компонентов (в том числе западного права. – М.С.) как единственно универсальной, сводящего остальные цивилизации к «местному колориту», лишаящего их какой либо ценности, порой приводит к тотальному отторжению этих компонентов (Иран). Все это объявляется несовместимым с «подлинными основами» бытия, и поэтому подлежит не только осуждению, но и прямому искоренению.

При этом много внимания уделяется расхождению между традиционным и современным правом.

Так, влияние европейских моделей на мусульманское право, не только дополняющее ценностно-ритуальные стороны, но во многих отношениях

являющееся определяющим началом исламской цивилизации [8], ограничивается, как правило, лишь формой последнего, т.е. кодификацией мусульманского права, включением элементов мусульманского права в действующее законодательство. Но само мусульманское право исламская мысль ставит выше позитивного права, а многие современные конституции исламских стран провозглашают шариат основным источником законодательства.

Таким образом, позиция мусульманского права в диалоге исламской и европейской культур в целом не только не ослабевает, а, наоборот, даже усиливается [9, с. 315].

Подобного рода эвокация призрака прошлого в исламской культуре исламскими фундаменталистами, разумеется, может внести некий стимулирующий эффект в модернизационной ситуации. Достаточно вспомнить возрождение ортодоксальных норм мусульманского права, до того частично замененных «варварскими кодексами» во всех владениях Османской империи после ее расширения в густонаселенные земли, где арабский язык и мусульманское право никогда не теряли своей силы. Но эвокация призрака прошлого, справедливо предостерегал А.Тойнби, - «дело рискованное». Может произойти и «эффект удушения того местного гения, который и вызвал призрак к жизни» [10, с. 600].

В действительности мусульманские правоведы всегда ценили разнообразие, гибкость и практичность в подходах к мусульманскому праву, сознавая необходимость интерпретации духовных текстов и юридических документов, используемых для принятия судебных решений, и понимали, что с учетом конкретных обстоятельств следует смягчить строгость юридических положений Корана и Сунны в уникальных ситуациях, создававшихся между исламом и христианством, характерных для двух первых политической истории ислама. Не было ни малейших сомнений в формулировании юридических норм в обобщенных терминах, с тем чтобы в конкретных случаях они были исправлены

И именно понимание обстоятельств, а не все руководящие принципы ислама, на которых строились выносившиеся судебные решения, и породило различие мнений между правоведами. Мусульманское право вообще, как подчеркивает Г.Э. Грюнебаум, в значительной степени развивалось через становление нескольких правовых школ (мазхабов), между которыми развертывалось подчас острое соперничество [11, с. 153-169].

Можно не сомневаться, что нормы мусульманского права, регулировавшие ранние христианско-мусульманские отношения, не носят столь общего характера, чтобы их можно было использовать сегодня для решения диалога и взаимодействия европейской и исламской культур в условиях модернизации и глобализации современного мира.

Главная проблема, вероятно, заключается в том: как далеко можно зайти в реинтерпретации предписаний и институтов мусульманского права при создании новых норм, без того чтобы релятивизировать их традиционное толкование?

Эта задача модернизации мусульманского права в исламских странах носит интернациональный характер, но она опасна и трудна.

Преобладание западной эпистемологии в изучении религиозности человека и ее динамики вызывает немалую подозрительность среди мусульман, опасаящихся, что исследовательские методы, предложенные западной наукой, могут привести к неверию. С другой стороны, нетерпимость, проявляемая духовными лидерами некоторых стран (Саудовской Аравии, Ирана и др.), опасаящихся возрастающего влияния критической переоценки коранических текстов в их историческом контексте, предпринимающейся в исламских университетах, заставляет многих исламских ученых-правоведов, избегающих крайностей фундаментализма, уйти в подполье, а некоторых даже искать убежища на Западе. Не будет преувеличением сказать, что решение задачи модернизации (критического пересмотра) мусульманского права пока потерпело полную неудачу из-за действий традиционалистских верхов в исламских странах [12, с. 248].

Но не менее очевидно другое. Отказавшись от критической переоценки мусульманского права, исламские страны не смогут предложить никакой альтернативы, принимающей в расчет модернизацию общества, будущее всех людей на Земле, не требуя взамен, чтобы другие сообщества приняли исламскую веру. И «революционные повороты» (движения протеста), развернувшиеся сегодня в странах Магриба, Сирии и Йемене, на наш взгляд, во многом предстают как проявления разлада не только в социальном, но и в социокультурном (цивилизационном) устройстве общества, включая политико-правовую сферу.

Вторая тенденция: симбиоз прежнего достояния и заимствований, представляющий собой, по определению Б.С.Ерасова, «минимальное или регулируемое взаимодействие, при котором поддержи-

вается относительно независимое сосуществование традиций и современности, разведенных по разным социокультурным сферам [13, с. 386-387].

Ошибочно полагать, что при этом происходит замещение и «отмена» социокультурных и юридических связей прежнего типа. Большей частью имеет место их реструктуризация.

Одним из примеров подобного рода модернизации симбиозного типа могут служить пространственные характеристики состояния и развития культурных и юридических параметров статуса личности, особенности соотношения традиций и инноваций в индустриально-городской и деревенской среде в преимущественно крестьянских странах так называемой «первичной» цивилизации [14], к которым сегодня обычно относят страны Тропической Африки, т.е. в странах, характеризующихся отсутствием своей универсальной религии, соотношенной со сложившимися здесь верованиями, и тем самым, как бы, лишенных (в отличие от цивилизаций универсалистского уровня или цивилизаций «осевого времени») «верхних этажей культуры», определенных признаков цивилизационной зрелости [15, с. 102].

Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что в пространственном измерении основанный на равенстве и рассматриваемый как своего рода идеал статус личности, подпадающей под более широкую синхронную, горизонтальную систему информационных связей, нежели их прежняя коммуникативная сеть, и являющейся субъектом территориального права (*Lex loci*), преобладает в основном в городах и экономических центрах – средоточии новых форм культуры, в то время как базирующийся на неравенстве социокультурный и юридический статус личности, подчиняющийся действию диахронных связей (т.е. собственно культурных традиций) и персонального (обычного и религиозного) права (*personal law*), остается доминирующим в сельских местностях.

На периферии, на границе между городом и деревней, стихийно развивается возникший еще в колониальный период социокультурный и юридический статус личности синтезированного, «гибридного» происхождения, отражающий влияние колониальных пережитков и новых отношений, устанавливаемых национальным законодательством [16, с. 365-366].

Так рисуется картина симбиоза социокультурных и юридических статусов личности в наиболее общем, схематизированном виде во многих постко-

лониальных странах Тропической Африки, в которых привнесение новых юридических институтов и норм в традиционную правовую структуру общества осуществлялось чужеродными колониальными властями в интересах метрополий, что привело к дуализму в культурной и юридической сферах, сохраняющемуся в этих странах по настоящее время.

Справедливости ради следует признать, что засилье религиозной ортодоксии в исламских регионах Востока зачастую оказывается более обременительным для модернизации права, чем «примитивность» первичного религиозного сознания в африканских обществах.

Но верно также и то, что в полиэтничном и полирелигиозном обществе – а таковыми по преимуществу выступают постколониальные общества Тропической Африки – сохранение самобытного культурного наследия и ассимиляция достижений западных культур, в том числе и в правовой сфере, во многом будет определяться тем, в какой мере в этих обществах удастся преодолеть этнические и религиозные противоречия, урегулировать напряженность между элементами старого и нового, между прошлым и будущим. И по сути, глубинная проблема состоит в том, пойдет ли обновление права в африканских странах в обход того, что стало системообразующим каркасом правовых систем западноевропейских государств, или же юридические нормы и институты разовьются на новых исторических путях диалектического взаимодействия и активного усвоения юридической традиции и достижений Запада [17, с. 140].

Следовательно, симбиозная модернизация означает определенные структурные сдвиги в социокультурной и юридической жизни общества, ту или иную степень изменения традиционного содержания в праве и его сочетания с новыми влияниями.

Наиболее перспективной представляется третья тенденция: синтез наследия и заимствований, определяемый, зачастую, как «сочетание лучшего из обоих миров», сближение противоположных черт традиционного и современного общества, их взаимодополняемость, включающие в себя ориентацию на новое, с учетом традиций, интерпретируемых в духе новых политических и социальных реалий, использование традиций как предпосылки модернизации.

Характерным примером этой тенденции может служить модернизация права в странах так называемого конфуцианского ареала.

Как уже указывалось, если оценивать общую концепцию китайской правовой политики в контексте «социалистической» модернизации страны, вывода ее из глубокого кризиса, поразившего весь мир, всю юридическую жизнь в современном Китае, нельзя не обнаружить реальную значимость гуманистических аспектов конфуцианских политической и правовой традиций, осовремененных и детально разработанных для нужд XXI века, устремленность в будущее при определенной опоре на прошлое, реинтерпретацию прошлого. Заняв четкую проконфуцианскую позицию, современная правовая политика Китая, как бы завершает многовековую полемику легистов и конфуцианцев, начатую в V веке д.н.э. («народ для государства или «государство для народа») [18].

Ни попытки школы легистов в VI-IV вв. до н.э., ни попытки маоистско-культурной революции подорвать эти традиционные ценностно-нормативные основы права Китая не увенчались успехом.

В этом направлении и следует идти в понимании господствующей в правосознании современного китайского общества правовой традиции, базирующейся на ценностях конфуцианства и удержавшей политическое руководство страны при формировании и реализации правовой политики модернизации страны от соблазна «легкого скачка» в развитый «капитализм» посредством подготовки и принятия одних лишь так называемых правильных законов и кодификаций.

Что касается легизма, господствовавшего при императоре Цинь Шихуане (III век до н.э.), то, как следует из современной юридической политики Китая, одна из его главных теоретических находок – право и обязанность государства прочно держать в руках рычаги управления хозяйственной жизнью страны как залог стабильного развития Китая – остается в силе и в XXI в. Модернизируется и основная концепция легизма (верховенство и всеобщность закона), которая трактуется в действующей Конституции КНР 1982 г. с изменениями 1988, 1993, 1999 и 2004 гг. как строительство «социалистического гармоничного общества (ст. 17) и строительства «социалистического» правового государства (ст. 5).

В стране продолжает наращиваться и модернизироваться достаточно обширный пласт законодательства по различным отраслям права, поддерживаемый силой государственного принуждения, включающего в себя традиционно мощные уголовно-правовые аспекты (благодаря чему удалось поставить под контроль, обуздать коррупцию).

Вступление Китая в ВТО в 2001 г. потребовало дальнейших серьезных изменений в правовой политике страны. Принимаются новые редакции законов в сфере хозяйственного законодательства, принятых ранее, но не отвечающих требованиям ВТО и взятым КНР обязательствам при вступлении в эту организацию [19, с. 58-252].

Однако конфуцианская духовная традиция, нашедшая отражение в одном из наиболее часто используемых суждений Конфуция – «стремление к единству через разномыслие» – не позволяет проводить законодательные реформы методом «шоковой терапии», а предполагает постепенное и согласованное в обществе, а значит, продуманное и эффективное решение задач модернизации страны.

Вместе с тем развитие законодательства неизбежно порождает в сознании масс (пусть пока в незначительном объеме) идею субъективного права в его европейском значении, что безусловно является позитивным фактором общественного развития.

Одним из главных направлений правовой политики в контексте модернизации экономики становится всемерное формирование среднего класса, развитие законодательства о малом и среднем предпринимательстве.

А для успешного решения этих задач руководство Китая активно мобилизует раннеконфуцианскую концепцию общества «сяо кан» (общества «малого благоденствия»), получившую статус общегосударственной значимости в документах правящей КПК.

Цель концепции «сяо кан» (в интерпретации идеолога и теоретика КПК Дэн Сяо-пина, выступившего, как известно, автором теории «строительства социализма с китайской спецификой») – обеспечение «первоначального уровня зажиточности» («среднезажиточного» уровня) народа. Подъем его духовной культуры. При этом все существенное, что вкладывалось в понятие «китайской специфики», включало в себя не только традиционные национальные ценности, но и сохранение за государством ведущей роли в регулировании рыночной экономики, столь же противоречащее марксизму и не совместимое с западным пониманием рыночных отношений, сколько оказавшееся не просто жизнеспособным, но и высокоэффективным в конкретных условиях постиндустриального развития Китая. Понятие же «социализм» остается символом легитимного вхождения в современность, символом модернизации, отличной от «вестернизации».

Нетрудно заметить, что обращение руководства страны к конфуцианской концепции «сяо кан» позволило результативно увязать при разработке и осуществлении правовой политики модернизации проблему гражданской нравственности с экономическими преобразованиями [20].

В последние годы Китай ратифицировал ряд основополагающих международных актов по правам человека. В Белой книге, выпущенной информационным отделом Государственного совета КНР 28 февраля 2008 г., подчеркивается, что, основываясь на своей Конституции 1982 г., Китай предпринял ряд законодательных мер, направленных на обеспечение прав человека [21, с. 148]. И хотя большинство из международно-правовых стандартов прав человека остается пока лишь знаковой инновацией в китайском обществе, сам факт обращения к ним Китая едва ли можно рассматривать как «цивилизационную химеру», т.е. как простое включение инородных элементов одной цивилизации в другую (в терминах Г.Ю. Любарского) [22, с. 69]. Скорее он свидетельствует о тесном переплетении, если не срастании, двух мегатенденций - модернизации и глобализации, что также является позитивным фактором, который можно определить как поиски новой современности.

Это особенно важно в ситуации, когда традиционные представления о линейном, поступательном «прогессе» человечества поставлены под сомнение и приходится говорить о разломе, повороте самого русла истории. Не случайно некоторые политики и аналитики на Западе с тревогой и повышенным вниманием восприняли «западный» же прогноз о том, что в первой четверти нынешнего столетия Китай, избравший не «догоняющую», а опережающую модель модернизации при сохранении национальной культурной идентичности, цивилизационных особенностей общества и права, войдет в число лидеров мирового экономического развития.

Высокая степень модернизации общества и права по институциональным параметрам, неизменно сочетается с сохранением и культивацией традиционных стилей и элементов культуры с функциональной точки зрения. При этом юридические институты и нормы, разительно не отличающиеся от западных образцов, функционируют на иных культурных основах.

Хорошей иллюстрацией тому могут служить так называемые договоры пожизненного найма и оплата труда в зависимости от стажа работы в Япо-

нии. Лежащие в их основе семейные и общинные механизмы поддержки, круговой поруки и солидарной ответственности, закреплявшиеся прежде в традиционных законоположениях, устойчивые принципы профессионального долга, выработанные под влиянием конфуцианской этики, используются в правореализующей деятельности для налаживания рыночных отношений в современных видах производства, повышения качества и производительности труда, что сыграло большую роль в ускоренной модернизации страны. Как показывают результаты опросов в стране, доля положительно оценивающих практику «пожизненного найма» в последнее время выросла с 72,2 % в 1999 г. до 86,1 % в 2007 г. [23]. Однако ни в одном коллективном договоре нельзя найти даже пункт о «пожизненном найме»: это само собой разумеющееся правило, соблюдаемое обеими сторонами договора, но негласное, не предусмотренное действующим трудовым законодательством Японии.

В Индии, где ныне наблюдаются значительно более высокие темпы роста ВВП, нежели в Европе и США (в этом отношении Индия уступает лишь странам Восточной и Юго-Восточной Азии), заметной формой соединения старого и нового в праве стала взаимная адаптация институтов и норм права европейского происхождения (общего и континентального права) и норм традиционного (религиозного и обычного) права, что дало основание некоторым индийским ученым-компаративистам рассматривать индийскую правовую систему (по аналогии с индонезийским и филиппинским правом) как «смешанную» систему.

Возражая против включения западными юристами-компаративистами индийской правовой системы в «семью» общего права, видный индийский юрист Дж. Минаттур отмечает, что при анализе права Индии, которое, по выражению индийского социолога права У. Бакси, по своим культурным, нормативным и институциональным параметрам выступает своеобразной «виньеткой» развития страны [24, с. 41], в целом следует учитывать три потока. «Один из них – наиболее главный – поток общего права. Другой берет свое начало в религии. Наконец, третий – это гражданское (континентальное. – М.С.) право, возбуждающее энергию в правовой системе своим ровным нравственным жаром и придающее ее контурам привлекательную внешность. В русло течения также вливаются отдельные ручейки обычного права, взлелеянного племенными обществами и другими этническими общностями

ми. И подобно подземной реке Сарасвати элементы гражданского права трудно угадываемы. Но они пронизывают всю структуру индийского права» [25, с. 11].

Еще одной формой соединения старого и нового, социальной мобильности, а также сопутствующих ей особых типов мотивации в стране стала санскритизация как адаптация кастовых групп к достижительным ориентациям нового времени [5, с. 169].

Конституция Индии 1949 г., вступившая в силу в 1950 г. и образующая (в части преамбулы, руководящих принципов государственной политики в части IV Основного закона и института основных прав) своего рода «Бхагавад-гиту» (один из главных источников ведантистской традиции) индийской социологической юриспруденции [26, с. 244], хотя и запретила дискриминацию по мотивам религиозной, расовой, кастовой принадлежности, пола или места рождения (ст. 15), тем не менее не отменила кастовую систему как социальный и правовой институт. Даже религиозные общины, руководствующиеся нормами персонального религиозного права, сами делятся на касты и сохраняют многие кастовые обычаи.

Санскритизация состоит в стремлении чрезвычайно устойчивых локальных кастовых групп улучшить свое положение в рамках центральной системы ценностей через освоение в своем образе жизни некоторых аспектов брахманской идеологии и культуры (в известном смысле служивших источником всеобщей культурной идентичности и общеиндийских социальных контактов и связей) в надежде на достижение более высокого легитимного статуса в ритуальной области. Применяясь к новым, рыночным отношениям касты стали на путь укрепления межкастовых отношений. Во многом деятельность кастовых организаций смыкается с деятельностью профсоюзных организаций. На кастовые организации стремятся в дни выборов опереться отдельные политические лидеры и целые партии. Наряду с этим, кастовые организации стремятся приспособить свой организм к новым условиям и требованиям современности и играют прогрессивную роль, помогая своим членам вступить в более широкие общественные контакты, борясь с обветшалыми обычаями и изжившими себя древними правовыми предписаниями, сдерживающими поступательное развитие и модернизацию общества [27, с. 218]. Это создает возможность увеличивать активность в

новых видах деятельности без подрыва социокультурного порядка.

На смену доминировавшим в индийском обществе в 1950-1960 гг. упрощенным взглядам на скорую модернизацию традиционных обществ в настоящее время приходят новые взгляды о необходимости умеренных темпов модернизации в форме синтеза традиционных и современных структур [28, с. 298].

Это тем более так, что ближайшие к нам по времени из великих индийских мыслителей и политических деятелей, – Шри Ауробиндо (Гхош), Махатма Ганди и Дж. Неру, – сумели обратить нравственно-религиозные и философские ценности своей страны, выражающие уникальное мировосприятие индийцев, воспитанное индусской традицией религиозного и социального многообразия, терпимости и уважения ко всему живому, в, казалось бы, совсем не подходящую для этого сферу – сферу современной политики и права.

Краткая, но емкая формула подобного рода синтеза наследия и заимствований, неоднократно подчеркивавшаяся отечественными индологами, которая может быть положена в основу цивилизационной характеристики и модернизации индийского права - единство в многообразии [29, с. 116]. В этой связи можно вполне согласиться с мнением Ш.Эйзенштадта о том, что индийская цивилизация обеспечила все необходимые условия для установления демократии [30, с. 40].

Рассмотренные выше процессы модернизации права могут протекать в той или иной степени параллельно и присутствовать одновременно в рамках общества или цивилизации. Но преобладание того или иного варианта и его форм зависит от ряда существенных факторов, в том числе от цивилизационной среды (соотношения центра и периферии, изменения в типах престижных достижений и т.д.). Значительное влияние на эти процессы могут оказывать и другие факторы, в том числе степень напряженности диалога культур в процессе модернизации права.

Дело в том, что в нормальной, рутинной ситуации культура и право, как ее компонент, соотнося себя с другим и принимая что-то от другой культуры уточняют свой собственный образ и образ другого. Но в модернизационной ситуации объем информационного воздействия и социальных заимствований (в том числе правового влияния) может приблизиться и даже превысить порог ассимилятивных возможностей конкретной культуры.

Такое случалось. Архаичные малые народы (не знакомые с законом. – М.С.), не способные укрыться от воздействия вышеназванных факторов, переживают глубочайший кризис. Наблюдаемые при этом аномия, распад мотивационной и нормативно-правовой сферы и, как следствие, алкоголизм и наркомания, утрата воли к жизни, что в конечном счете ведет к вымиранию, своим истоком имеет информационный стресс, перехлестывающий адаптивные возможности архаических культур [31, с. 237].

Это рождает тенденцию к уже упоминавшемуся минимальному или регулируемому взаимодействию, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиций и современности, закона и обычая, разведенных по разным социокультурным сферам. Таким образом, симбиоз прежнего достояния и заимствований в культуре и праве характерен не только для стран, относящихся к так называемым первичным цивилизациям, в которых он остается преобладающим вариантом взаимодействия традиционности и модернизации, но в той или иной степени свойствен и для цивилизаций универсалистского уровня.

В этом отношении характерен опыт не только некоторых развитых демократических западных стран (Канады, Новой Зеландии и др.), где обычное право аборигенных народов давно уже стало составной частью их правовых систем, но и ряда незападных стран, также относящихся к цивилизациям универсалистского уровня, например, Индии.

Так, на территории автономных районов новообразованного индийского штата Мегхалая нормы обычного права так называемых зарегистрированных племен (Scheduled Tribes), включенных в Приложение №6 к Конституции Индии (кхаси, джантия, гаро и др.), применяются в качестве самостоятельных источников права (по первой инстанции) деревенскими судами с отстранением юрисдикции любого другого суда при разбирательстве указанных дел [32].

Сходная ситуация наблюдается в России.

Подтверждением тому служит закрепление в законодательстве России своего рода революционных по значимости норм федерального законодательства (ст. 14 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ, ст. 4 Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20.07.2000 г. № 104-ФЗ и ст. 2 Фе-

дерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 07.05.2001 г. № 49-ФЗ), направленных на сохранение самобытных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Речь идет не только об установлении федеральным законодательством преференций для общин как объединений лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, но и о санкционировании вышеназванными нормами федерального законодательства судебного применения по гражданским и уголовным делам традиций и обычаев этих народов в части не противоречащей федеральным законам и законам субъектов Федерации [33]. Это означает реализацию конституционных положений РФ о защите прав коренных малочисленных народов (ст. 69), переход к установленному в международном праве принципу применения к коренным народам национальных законов на основе должного учета их обычаев и обычного права (ст. 8 Конвенции МОТ № 169 1989 г.).

Среди факторов, определяющих особенности взаимодействия современности и самобытности в области культуры и права следует выделить и тип социокультурных (цивилизационных) систем.

Так, в отличие от стран Тропической Африки, являющих собой яркий пример закрытых культурных систем, зачастую отторгавших и поныне нередко отторгающих любые инокультурные правовые институты и ценности, Индия как губка впитывала в себя чужие культуры и инокультурные правовые институты, лишая их агрессивности, приспособлявала к себе и вписывала в свою историю.

Большим своеобразием характеризуется синтез наследия и заимствований в культуре и праве в странах, относящихся к так называемым промежуточным (пограничным цивилизациям), находящимся на стыке мировых цивилизаций и культур (Россия, страны Латинской Америки и др.) [34].

Уже очевидно, насколько характерными для истории российской культуры, государства и права оказались инверсионные перевороты, в которых происходила резкая смена господствующих систем культурных смыслов, государственных порядков и правовых систем, всякий раз выступавшая как очередная «модернизация», но приводившая к негативным последствиям в обществе [35].

К сожалению и сегодня проявилась тенденция к некритическому восприятию иноземного государственно-правового опыта, обрекающая Рос-

сию на «догоняющую» модернизацию государства и права и статус крайней периферии Запада. Казалось бы, скопируем западное право, западные государственные порядки и завтра будем жить как на Западе. Но, как правомерно отмечается в научной литературе, весь предыдущий опыт «догоняющего развития» отечественного государства и права говорит о том, что копирование чужих образцов неизбежно закладывает отставание в развитии. Ведь ко времени изготовления копии оригинал успевает перестроиться, измениться [36].

Он может просто не соответствовать местным условиям, как, например, институт доверительной собственности (trust), сформировавшийся в ходе многовекового развития общего (прецедентного) права в Англии, который попытались безуспешно внедрить в корпус отечественного гражданского законодательства без учета историко-культурных особенностей и юридических традиций России (Указ Президента Российской Федерации от 24.12.1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте»).

В области административных реформ можно указать на очевидную и фактически признанную самим руководством страны [37] неэффективность заимствованной в США, Великобритании и др. трехуровневой структуры правительства, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

Если обратиться к законодательным реформам в сфере местного самоуправления, признанным Советом Федерации, наряду с реформами в сфере федеративных отношений и административными реформами, реформой государственного устройства, образования и др., одними из основных модернизационных процессов (Доклад Совета Федерации Федерального Собрания РФ «О состоянии законодательства в РФ от 25.02.2005 г.), нельзя не отметить законодательные меры, направленные на разукрупнение муниципальных образований (по примеру немецкой двухуровневой модели местного самоуправления) на муниципальные районы и поселения (Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ).

Вся Европа этот путь какое-то время назад уже прошла, но, посчитав неэффективным, вновь укрупнилась. В Баварии, например, втрое сократилось число муниципальных образований. Отечественный же законодатель, опять наступая на те же

грабли, слепо пытается пройти чужой путь вплоть до деталей.

Бездумное, механическое восприятие иноземного правового опыта без надлежащего учета культурной составляющей модернизации российского права, которой в отечественных юридических исследованиях, по-прежнему, отводится незначительная роль (обычно после политических и экономических факторов) [38], часто приводит к колоссальным экономическим и социальным издержкам, утрате определенной части исторически достигнутого, отрицательно сказывается на общероссийском национальном правосознании, государственности и культуре, в конечном счете, на уровне и качестве жизни (к примеру, вирус подражания в законодательстве об образовании обусловил очевидное снижение уровня системы образования, которая обладала бесспорными преимуществами).

Было бы уместным в этой связи вспомнить слова выдающегося русского философа XIX в. П. Чаадаева: «Каково бы ни было действительное достоинство различных законодательств Европы, раз все социальные формы являются там необходимыми следствиями из великого множества предшествующих факторов, остававшихся нам чуждыми, они никоим образом не могут быть для нас пригодными» [39].

Говоря о проблеме того, «как России проложить маршрут в будущее, не перестав быть собой и не перепутав будущее с прошлым», «как не списывать с чужой тетрадки», выдвигающейся сегодня на первый план в отечественных работах, касающихся предпосылок ускорения модернизации, соотношения общих социальных закономерностей и культурного своеобразия в условиях модернизации [40], следует полагать, что избавление от вышеуказанной абсолютизации крайностей, тенденций противостояния и «раскола» в обществе достигается через формирование стабилизирующей «срединной культуры» («золотой середины»), поиски компромиссных, центристских, в том числе правовых, решений, которые максимально соответствовали бы весьма неустойчивому и трудноуловимому ценностно-смысловому цивилизационному ядру и в то же время в наибольшей мере учитывали достигательные ориентации развитых западных стран, способствовали интеграции российского общества.

Значимой частью этой задачи является развитие законодательства, направленного на формирование социального государства (ст. 7 Конституции РФ), которое, как уже отмечалось в юридической

литературе, берет на себя обязанность заботиться о благополучии своих граждан не за счет отказа от свободы, а напротив, увязывая свободу и социальную справедливость [41, с. 6-7] с учетом цивилизационной специфики свободы и справедливости в российской истории, обществе и праве [42]. И здесь перед законодателем стоят сложнейшие задачи «выравнивания социальных неравенств», неотделимого от устойчивого роста экономики, основанного на совершенствовании производства, развитии инновационных технологий и повышении профессионализма участников производственного процесса.

Стоит, как указывалось, вероятно, подумать и о том, чтобы уравновесить основные права основными обязанностями человека и гражданина.

Если продолжить эту линию анализа, то в нее встраивается и понимание того, что демократическая модернизация права в стране, как и общества в целом, может быть совместима с лучшими чертами самобытной российской культуры, в частности, сильными традициями общинной жизни, активно использовавшимися государством, земским движением, получившим большое развитие во второй половине XIX в. [43, с. 331, 351].

Как справедливо отмечают авторы книги «Модернизация, культурные изменения и демократия», основанной на опросах многолетнего социологического проекта «World Values Surveys» Р. Инглхарт и К. Вельцель, «утверждение демократии - не просто результат изощренного торга в кругах элит и «конституционной инженерии». Оно зависит от глубоко укоренившихся ценностных ориентаций народа в целом. Эта ориентация побуждает людей требовать свободы и «обратной связи» со стороны властей – подкреплять слова действиями, обеспечивающими такой результат. Подлинная демократия – не механизм, который достаточно завести, чтобы он работал автоматически. Ее дееспособность зависит от народа» [44].

Несмотря на преобладание западной культуры, в мировых культурных процессах сохраняются и структуры других цивилизаций. Мир един и не един. Россия также имеет свои цивилизационные характеристики демократии и права. И хотя эти характеристики отличаются противоречивостью, общество не может допустить отрыва от своего культурного достояния во всем его многообразии и богатстве [45].

Сегодня и сама западная культура как особый тип культуры (цивилизации), словно «очнувшаяся, от состояния беспамятства, в котором она пребыва-

ла на протяжении эпохи модерна, чем-то похожа на блудного сына, возвращающегося в отчий дом; она начинает узнавать знакомые в прошлом ценностные, смысловые и нормативные ориентиры». «В невнятном пока еще гуле слабых и неразборчивых голосов рождается нечто третье, особенное, знающее цену и модерну и классике...» [4, с. 85-86].

Высокая степень модернизации самих устоев общества, секуляризации и рационализации социальной жизни сочетается с сохранением и культивацией прежней символики, стилистики и элементов культуры доиндустриальной эпохи, тесно связанных с идеей Абсолюта и моральными ценностями христианской этики.

Даже в такой «постмодерновой» («постиндустриальной») стране, как ФРГ Основной закон 1949 г., действующий с изменениями и дополнениями, не только провозглашает ФРГ правовым, демократическим и социальным государством (ст. 20), но и декларирует в своей Преамбуле ответственность немецкого народа перед Богом и людьми, закрепляет безусловный приоритет нравственного закона перед правом каждого на развитие своей личности (ст. 2), устанавливает обязательное профессиональное обучение в государственных школах (за исключением неконфессиональных школ) (ст. 7).

При рассмотрении одного из известных дел *Zorach v. Claiborn* член Верховного Суда США В.О. Дуглас выразил мнение, что американский народ - «это религиозный народ, чьи институты предопределены Богом» [46, с. 11].

Обращение к Богу (*Invocatio Dei*) в конституционной и судебной практике западных стран (при констатации в целом светского государства) является одной из ярких индикативных черт высшего порядка, подчеркивающей особую значимость этого акта и, вместе с тем, свидетельствующей об иерархии авторитетов в данном обществе.

В высших законодательных актах ряда стран (Англии, Норвегии, Мальты и др.) не только указывается на религиозные предпочтения, но и закрепляются элементы конкретного культа («истинно протестантской религии и пресвитерианского управления, религии и благочиния», «евангелическо-лютеранской религии», «римской католической апостольской религии»). Конституция Греции 1975 г. гласит: «Господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой...» (ст.3).

Христианская идея важности такого социального института, как семья, привела к утверждению

роли и защите семьи на конституционном уровне (ст.6 Основного закона ФРГ 1949 г., п.1 ст.39 Конституции Испании 1978 г.). Аналогичные положения содержатся в конституционном законодательстве Италии и других европейских стран.

Христианские корни прослеживаются и в идее поддержки государством социально не защищенных слоев населения и трансформации самого государства в «государство всеобщего благоденствия» - социальное государство, декларируемое в конституциях рассматриваемых стран.

Весьма примечательным является и то, что в ходе обсуждения проекта Конституции ЕС целый ряд европейских стран (Италия, Испания, Нидерланды, Португалия и др.) выступили с требованием включить в Преамбулу Конституции ЕС указание на христианские ценности ЕС, единые для многих традиционных религий.

Нагрузка на религиозные и светские идеологии еще более возрастает в силу того обстоятельства, что в условиях сложного взаимодействия, сопровождаемого как обогащением, так и обеднением духовной жизни, дифференциацией субкультур и поисками новых принципов интеграции ослабевают прежние нормативно-ценностные системы, оказывающиеся в ряде случаев дисфункциональными, но еще не сложились новые прочные нравственные и правовые основы, что порой дает основание говорить о дополнительных проблемах и напряжениях в культуре, «кризисе» права в западных странах [47, с. 9, 39, 44-45, 125].

Как видим, трудные вопросы модернизации права связаны с тем, что социокультурные (цивилизационные) факторы имеют не менее определяющее значение для его полноценной и эффективной модернизации, чем создание новых технологий и нарастание глобализационных процессов, формирующих современное международное право, которое фактически становится инструментом унификации национально-правовых систем.

Другими словами, модернизация права – это не лишенный прерывности однолинейный процесс. а сложный, многосторонний и многовариантный способ системного обновления права и его институтов, в котором взаимодействуют (в пространстве и времени) синхронные и диахронные, внутренние и внешние, самобытные и заимствованные факторы.

Глубокие противоречия между различными социокультурными (цивилизационными) факторами могут приводить к кризисным явлениям и срывам модернизации права. Поэтому успешной модерни-

зация права оказывается лишь на основе взаимной адаптации культурного наследия и заимствований, выработки того варианта и пути обновления права, который отвечает сложившимся формам социокультурной регуляции.

Вместе с тем, подчеркивает Х.Дж. Берман, «всемирное» право как проявление мировой культуры, ее важнейшей нормативно-аксиологической составляющей, складывающееся в процессе глобальной интеграции современного мира, «должно черпать свои материальные и духовные ресурсы не только в достижениях Запада и ценностях христианства, но также и других религий и культур» [46, с. 11]

Былая модернизация как модель развития постепенно и исподволь неуклонно обретает новое качество и измерение, раскрывая несостоятельность эмансипаторского мифа модернизации как обязательного «разрыва с традиционностью» и самобытностью [48].

Конец и вновь начало, но уже на основе другой ценностной доминанты. Эта общая формула П.Сорокина, раскрывающая историческую и культурную динамику, эволюцию основных общественных институтов (права, этики, искусства, философии, науки и религии) [49] полностью сохраняет свою актуальность и в наши дни.

Литература

1. Неклесса А.И. Конец цивилизации, или зигзаг истории // Знамя. 1998. № 1.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
3. Грани глобализации: Трудные вопросы современности. М., 2003.
4. Бачинин В.А. Социология. СПб., 2004.
5. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
6. Подробнее об общих противоречиях модернизации, проявляющихся в различных тенденциях взаимодействия «традиций» и «современности», см.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002.
7. Для того, чтобы уяснить принципы взаимодействия традиций и современности в процессе модернизации права приходится выходить далеко за пределы права, и оказывается, что в праве, также как и в политике, в экономике и во многих других отношениях, в основе всей творческой практической деятельности людей, можно вскрыть некое социокультурное единство, вне которого остается не вполне понятной каждая из этих сфер. В

такой трактовке, как указывалось ранее, право в самом широком смысле с точки зрения общественного содержания (природы) можно оценивать как право постольку, поскольку оно удовлетворяет культуре и культурным потребностям общества с учетом дифференциации самой культуры на цивилизации, национальные и этнические культуры. Но право, как и всякий компонент культуры, подобно двуликому Янусу. Исходя из предшествующей культуры оно открывает новые пути развития общества. Сообразно культуре и ее потребностям человек (общество) создает идеал, которому должно соответствовать право известного общества на известном этапе его исторического развития. Вместе с тем понимание права как явления культуры вовсе не исключает выявления собственно юридической характеристики права, специфических критериев, позволяющих выделить из общей массы культурных явлений юридические (Супатаев М.А. О понимании права // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000, С.45).

8. Rosenthal E. Political Thought in Modern Islam. Cambridge, 1959; Gibb H. Studies on Civilization of Islam. Boston. 1962.
9. Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция прав человека // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002.
10. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.
11. Подробнее см.: Grunebaum G.E. Medieval Islam. A Study in Cultural Orientation. Chicago, 1956.
12. Супатаев М.А. Роль мусульманского права в диалоге исламской и европейской культур // Права человека и современное государственно-правовое развитие. М., 2007.
13. Ерасов Б.С. Цивилизации, универсалии и самобытность. М., 2002.
14. О типологии правовых систем по цивилизационным критериям см.: Супатаев М.А. О возможностях сравнительного изучения правовых систем по социокультурным (цивилизационным) основаниям. Пенза, 2010.
15. Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории). М., 1990.
16. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. М., 2002.
17. Супатаев М.А. Культурология и право (на материале стран Тропической Африки). М., 1998.
18. Xiaoping L.I. Le esprit du droit chinois: perspectives comparatives. – Revue international de droit comparé, P., 1997, № 1; Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР М., 2007; он же: Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М., 2009.
19. Concise Chinese Law. Peking, 2007.
20. Подробнее см.: Супатаев М.А. Право и модернизационные стратегии в Китае. Цивилизационное измерение // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 1.
21. China Laws. Peking, 2010.

22. Любарский Г.Ю. Морфология истории. Сравнительный метод и историческое развитие.
23. Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. М., 2010, С. 156; Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М., 2011.
24. Baxi U. The Crisis of the Indian Legal System. Delhi, 1992.
25. Introduction to The Indian Legal System. Bombay, 1988, P. X1.
26. Dhyam S.N. Fundamentals of Jurisprudence. The Indian Approach. Allahabad, 1987.
27. Гусева Н.Р. Индия в зеркале веков. М., 2002.
28. Крашенинникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009.
29. Сунатаев М.А. О социокультурной характеристике индийского права // Правовые культуры: история, эволюция, тенденции развития: Материалы межвузовской научной конференции, 26 марта 2003 г. М., 2003.
30. Eisenstadt S.N. The Protestant Ethic. Theses in the Framework of Sociological Theory and Weber's Work // The Protestant Ethic and Modernization: A Comparative View. New York. 1968.
31. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. М., 2008.
32. Kusum and Bakshi R.M. Customary Law and Justice in the Meghalaya. Bombay. 1982.
33. Сунатаев М.А. Обычай и традиции малочисленных народов в правовой системе России // Структура права: вопросы теории, истории и методологии: Материалы межвузовской научной конференции, 7 апреля 2004 г. М., 2004; Кочетыгова Н.И. Этнический правовой обычай как источник права России. Ростов-на-Дону, 2007; Кряжско В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.
34. См., например: Шемякин Я.Г. Типы межцивилизационного взаимодействия в «пограничных» цивилизациях: Россия и Ибероамерика в сравнительно-исторической перспективе // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002.
35. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1-2. Новосибирск, 1997-1998.
36. Княгинин В. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы (archipelago.ru 2002).
37. [Ria.ru>Справка>20070921/80261686.html](http://ria.ru/Справка/20070921/80261686.html)
38. Власенко Н.А., Иванюк О.А. Законодательство России в условиях преобразований // Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.
39. Цит. по: Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России XI-XX вв. М., 1995.
40. См., например: Аузан А. Национальные ценности и модернизация. М., 2010; Пути модернизации: траектории, развилки, тупики. СПб., 2010.
41. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2006.
42. Сунатаев М.А. Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект) // Государство и право. 2010. № 4.
43. Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М., 2005.
44. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011.
45. При определении специфики культурного достояния России нельзя согласиться со ставшей модной в последнее время тенденцией характеризовать российскую цивилизацию и право по одному только религиозному – православному признаку (См., например: Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007). Даже в царское время триединая формула «Православие, самодержавие, народность» сковывала не только православие, но нередко оказывалась обременительной для имперских властей, сталкивавшихся с многотрудной задачей стабилизации государства, населенного многочисленными «иноверцами». Как правильно отмечают авторы энциклопедии «Российская цивилизация». М., 2001, недостаточность определения специфики России по одному только «православному признаку» особенно очевидна, если в полной мере учитывать, что общий культурный ареал (евразийские просторы России) включает разные, но в равной мере автохтонные этноконфессиональные общности, хотя «по степени воздействия на историю, культуру России с православием не может сравниться ни одна религия... Поэтому в контексте концепции российской цивилизации (и права. – М.С.) важно было бы не только выделять и обосновывать место и роль определенных традиционных религий в создании и поддержании специфических этноконфессиональных ценностей, но и освещать взаимовлияние и взаимообогащение этноконфессиональных общностей, совместное создание, поддержание и защиту ими общих ценностей» в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве России» (С.6).
46. Цит. по: Berman H.J. Law and Revolution. 11. The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition. L., 2003.
47. Luhmann N. Le droit comme system social // Droit et societe. P., 1989, №11/12, p. 9, 39, 44-45, 125.
48. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития, С. 397-400; Толстых В.И. Цивилизация и модернизация в контексте глобализации // Философия. Наука. Цивилизация. М., 1999; Федотова В.Г. Типология модернизаций и способы их изучения. – Вопросы философии. 2000. № 4.

УДК 340.11

Баранов П.П.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МОРАЛИ, ПРАВА И САМОДЕРЖАВИЯ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ XV-XVI ВЕКОВ

В статье рассматривается генезис политико-правовой мысли в России XV-XVI вв. Автор анализирует мировоззренческие предпосылки становления русского самодержавия, указывает на его идейные истоки в православии, выделяя в качестве ключевой проблему взаимосвязи морали и права в русском средневековом политическом сознании.

The article discusses the genesis of political and legal thought in Russia of the XV-XVI centuries. The author analyzes the ideological prerequisites of the formation of Russian monarchy, he points to its roots in Orthodoxy, identifying as a key problem the problem of the relation of morality and law in medieval Russian political consciousness.

Ключевые слова: мораль, право, самодержавие, государство, церковь, православие.

Keywords: morality, law, monarchy, state, church, Orthodoxy.

Многовековой исторический опыт российского общества вобрал в себя всю палитру различных особенностей и характерных национальных традиций в развитии государственности и правовой системы. Без детального изучения и осмысления этого опыта в политико-правовой сфере, на наш взгляд, совершенно невозможно в достаточной мере полно и точно понять и оценить многие процессы, которые происходили в нашей стране.

Предыстория русского самодержавия внешне кажется весьма специфической. И действительно, такого тонкого переплетения элементов восточной цивилизации с внешне западными корнями нельзя встретить более нигде в мире. Тем не менее процесс усиления царской власти во многом характерен для общеевропейских тенденций развития формы государства; именно через период абсолютной монархии, представленной единоличным царем, собравшим в своих руках власть над некогда раздробленной на мелкие княжества-уделы территорий, и происходит дальнейшее развитие общества. Единственным отличием России здесь является отставание от более-менее единого общеевропейского исторического процесса. Так, если Англия уже в XIII в. получила первый прообраз Парламента, ограничивающего власть монарха, аналогичный орган – Земский Собор – в полной мере окреп в XV-XVI вв. и так и не получил сколько-нибудь значимого влияния в отношении монарха.

С другой стороны, власть русского царя подкрепляли идеи, более глубокие в плане духовном, нежели идеи западных мыслителей. Полагаясь скорее

на внутреннюю интуицию и чувство христианского долга, все политико-правовые течения рассматриваемого периода предполагали власть монарха легитимной и легальной не по причине признания ее народом, но по причине соответствия самого облика царя христианскому идеалу. Царь-батюшка – живое воплощение христианской добродетели, высшая точка морали стремления (выделяемой нами вслед за Л.Л.Фуллером). Моральная легитимность в дальнейшем обосновывает и легальность власти царя, а также оказывает серьезное влияние на форму монархии. Вообще почти все учения рассматриваемого периода, имеющие отношение к политико-правовой сфере, пронизаны высоким христианским идеалом. Царь, не терпящий ограничения со стороны людей – своих подданных – непременно будет отвечать перед Высшим судом. Поэтому тот, в чьих руках оказывается формирование представления о загробном суде, приобретает возможность влиять и на государственно-властную сферу, т.к. царь необходимо обязан придерживаться заявленных в таком учении позиций.

По этой причине представляется разумным и целесообразным для установления истинной природы воззрений мыслителей XV-XVI вв. рассмотреть и проанализировать, а кое-где и представить компаративный анализ основных идей именно в контексте выяснения соотношения между моралью и правом, или, иначе, между идеальным образом государственной власти и реальным положением дел.

Вера, исповедуемая населением России, по своему источнику – византийское православие, а по

сути – сложный конгломерат идей, в которых существо греческого православия искажается, проходя через языческую культуру раннего периода развития русского государства. Отсюда проистекает характерный для русского религиозного сознания феномен двоеверия. Большое значение для распространения христианства на Руси имел перевод священных христианских текстов на созданный на основе разговорного церковнославянский язык. Эта работа моравских братьев, Кирилла и Мефодия, получившая одобрение даже в самом Риме [1, с. 15-22], позволила с легкостью, фактически на родном языке осмысливать вновь обретенную веру. Доступность христианства, заявленного в блеске и великолепии, да еще и на понятном языке, не могла не вызвать доверия, но существовавшие веками языческие традиции и верования не изменились, влившись в новую веру и несколько исказив ее смысл.

Нельзя не признать правоты В.В.Зеньковского, считавшего, что «греческий язык не стал на Руси богослужебным языком, и эта языковая изолированность русского мира имела, конечно, громадное значение в путях русской культуры» [2, с. 38]. Кроме того, языковая обособленность русского православия также становится одной из причин, во-первых, «затяжного русского молчания», т.е. периода, связанного прежде всего с накоплением духовных сил, с оформлением собственной мыслительной парадигмы, а во-вторых, внутренней переработки духовной идеи своими силами, собственным (даже в чем-то уникальным) способом.

Разрыв с Западом, имеющим свои корни в античной культуре (например, Августин в своей «Исповеди» не гнушается платоновской диалектики; обличение ересей принимает у него форму философской полемики), несомненно, приводит к тому, что в России «средневековая этика опирается не на моральный логос, а на моральный этос – нравственный опыт, запечатленный во всей полноте его вербальных и невербальных форм (жизненно-поведенческих, эстетических, духовно-религиозных и т.д.)» [3, с. 14].

Христианский идеал (в том виде, в котором понимала его Византийская церковь), причем идеал моральный, столкнулся на Руси с поляризованностью русского народа, ведущей к возникновению лишь двух полярных позиций [4, с. 13]. Эти «магнитные полюса» религиозной нравственности обладают примерно одинаковым зарядом и в равной мере способны «притягивать» к себе. Кроме того, моральное начало русского христианства нашло

свое первоначальное выражение не в этике, но скорее в эстетике, получив наиболее яркое воплощение в иконописи. Многие авторы отмечают феномен «иконопочитания», например, кн. Е.Трубецкой даже называл иконопись «умозрением в красках».

Для средних веков характерно и слияние права с моралью, вплоть до смешения. Распространение в древнейшем праве Руси ордалий, «поля» - судебного поединка и т.п. свидетельствует о том, что проявления «божьей воли» в этих случаях есть проявления внечеловеческой Правды, и тем самым они обуславливают непосредственность и неотъемлемость (в случае с «полем» еще и обусловленную объективной причиной – частой смертью одной из сторон; впрочем, более поздние варианты поединка исключали бой до смерти) состоявшегося решения. И если первоначально такие формы совершения суда, уходящие корнями, вероятно, в язычество, имели место и регулярно практиковались, то в более позднее время, с развитием христианской мысли, с развитием духовного, нравоучительного христианства, ставятся вне закона.

Резкий слом описанной традиции происходит с падением Константинополя в 1453 г. под ударами турецкой армии, возглавляемой Мехмедом II. В основе концепции «Москва – третий Рим» лежала Византия – одряхлевшее православное государство, сложенное на основании теории «симфонии царств», т.е. разделении власти церковной и светской. С победой турок над Царьградом, вторым Римом, русская мысль не могла прийти к мысли об избрании приведшей к падению мирового царства концепции за основу.

Впрочем, прежде остановимся на значимом и, безусловно, имеющем объективные причины церковно-идеологическом конфликте – противостоянии нестяжателей и иосифлян. Внешне ярче всего он проявился в спорах о монастырском имуществе. Но изначально спор зародился на несколько иной почве.

Так, Максим Грек, представитель Афона (неоднократно осужденный русскими религиозными властями), предостерегает Россию от ошибок Византийского государства [5, с. 95-96], хотя и удерживает еще в своих рассуждениях названную симфонию властей. Предостережение же заключается скорее в неприятии внешнего, показного благочестия, предпочтении «не стяжания» и личного труда. Он «...вообще оценивает источник приобретения и умножения крупной частной собственности как несправедливый, расходящийся с евангельскими

принципами жизни людей» [6, с. 228]. Т.е. право собственности противопоставляется праведности, а возникновение субъективного права, приобретение, причем в том виде, в котором оно существовало в римском праве Юстиниановского образца (такое отношение к собственности, несомненно, было известно Греку, практически дословно пересказывающему новеллы Юстиниана в своих посланиях), есть прямое нарушение норм христианской морали.

По его словам, «...корень всех зол сребролюбие, и происходящие от него росты (проценты) и то, чтобы без милости лихоимствовать, и безбожно похищать чужое добро, и предаваться скверному плотскому неистовству, и то, чтобы не знать самого себя и никогда не иметь памяти смертной, и верх всякого зла – это нисколько не бояться Бога и не трепетать будущего страшного суда, а жить только всегда подобно бессловесным животным в ненасытном угождении чреву и плотским похотениям, считая эти телесные наслаждения за совершенное благо» [7, с. 393]. Любопытна своеобразная иерархия «зол»: проистекая из сребролюбия, стяжания мирских благ и всевозможной прибыли, на свет производится хищение чужого, плотские наслаждения (обжорство, пьянство и т.д.), что влечет забвение своей смертной природы и, наконец, отпадание от веры Христовой. Эта схема достаточно логична: страх смерти, из которого произрастает, по мнению нестяжателей, вера в Бога, создает отношение ко всему материальному как к преходящему, что делает обогащение мирскими благами много ниже обогащения духовного и жизни в соответствии с нормами христианской морали.

Иными словами, право, ограничивая стяжание (например, запрещая татьбу), оказывается нижней «чертой» нравственности, определяемой непогрешимым царем. Закон, установленный властью, есть приближенное уподобление Закону Божьему, причем неправедность народа или правителя может быть «исцелена» Богом путем насылания «дальних племен», болезней и прочих несчастий. Таким образом, правителю, издающему законы, следует учитывать и воплощать даже в праве высокий нравственный идеал под страхом наступления страшных последствий. Возможно, отчасти с этим связано большое число правовых актов, издаваемых царями в рассматриваемый нами период. Достаточно вспомнить Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. После появления первого из них «...начался духовно-нравственный и, как следствие, государственно-правовой и административно-политический

процесс укрепления собранных русских земель вокруг Москвы» [8, с. 23]: получив свое нравственное оправдание, власть приобрела легитимность, причем единственно легитимной стала власть московских князей (в дальнейшем – царей). Судебник 1497 г. переставляет акценты со сферы религиозно-нравственной на сферу государственно-правовую, обрекая в будущем противестественное установление норм морали на усмотрение государства. Становится явным процесс овеществления, материализации концепции Филофея в писаном праве: государство впервые с таких размахом заявляет о себе и своей главенствующей роли в обществе.

«Падение Византии повергло весь мир в ужас: его считали возмездием. На Западе папа Николай V увидел в нем наказание за отказ от унии, заключенной во Флоренции. В Москве, напротив, митрополит Иона в 1458 г. связал его именно с унией, ибо, пока Константинополь придерживался истинной веры, он противостоял всем вторжениям, а предав ее и объединившись с латинянами, подпал под иго неверных» [9, с. 429]. Идея Вселенского царя, чисто светского владыки, была дискредитирована; заключение союза с католиками было расценено как предательство, повлекшее наказание свыше. В дальнейшем, при Иване Грозном, произойдет даже отказ от равноправия церковной и царской властей.

С другой стороны, существует и иная позиция, согласно которой концепция «симфонии» всего лишь своеобразно исказилась, но сохранилась на Руси: «...в российской истории церковно-государственных отношений X - XVII вв. победа византийской идеологии «симфонии» Церкви и царства не означала победу византийской исторической практики фактического подчинения Церкви царству. Формула русской «симфонии» - «по воле великого князя (царя) и благословению митрополита (патриарха) с Собором», рожденная в Киевский период преимущественно в сакральной области христианской миссионерской деятельности князей и духовенства, в Московской Руси реализуется и в сфере правительственной – церковного управления и суда» [10, с. 10-11]. Такой подход не может не вызывать некоторых вопросов. Так, в позднейших источниках, вплоть даже до самой эпохи Петра I, ни разу и ни в коей мере не упоминается даже сам термин «симфония». Но это чисто терминологическая сторона. Что касается исторической практики, то царская власть на Руси никоим образом не отрицала, во всяком случае начиная с XV-XVI вв., своего надцерковного значения. Более того, по мнению

С.А. Салтыковой «Союз Церкви и царства, «симфоническое» их взаимодействие являются основанием единения духовной и светской юрисдикции. Единения, но не такого слияния», но разве не такое слияние произошло при Иване IV, считавшем, что он поставлен Богом править даже душами людскими? Неужели столь серьезное искажение первоначального смысла учения, в котором император и патриарх представляли собой «тело» и «душу» государства, можно назвать усвоением «симфонии»? Что же касается того, например, что «границей для участия христианского монарха в жизни Церкви является соответствие его деятельности каноническому праву», то явным тому опровержением является заточение в монастырь Василием III митрополита Варлаама или, скажем, казнь митрополита Филиппа Иваном IV: эти деяния никак не могут быть основаны на нормах канонического права. Однако нашей целью является не столько критика выводов отдельных исследователей, сколько попытка представить мораль и право в их значении на протяжении достаточно длительной эпохи. Здесь лишь оговоримся, что нельзя при ответе на поставленные выше вопросы идеализировать императорскую власть Византии: ей так же, как и Руси позднее, присущи были и цезарепапистские настроения верховной светской власти, посягавшей на Церковь (вспомним хотя бы «иконборцев»), а равно и допускать смешения церковного и светского начал власти.

Брак Ивана III и Софьи Палеолог позволяет принять всеобъемлющую власть царю московскому, ставшему единственным православным царем. Более того, отказ от Флорентийской унии не оставляет Москве выбора, устанавливая ее в качестве противостоящего «латинским ересям» града, а Московское царство делая единственным истинным царством, могущим спасти мир от антихриста. Помимо этого, возможной делается, по верному замечанию Н. Бердяева, национализация православия, во главе которого встает именно православный русский царь.

Приятие этой идеи заключалось, пожалуй, в ранее упомянутой мысли о выведении власти от Бога, т.е. по сути – производное обожествление царя; первые отголоски такого понимания царской власти можно найти у Максима Грека и нестяжателей, считавших, что государь проявляет божью волю и рассматривается как «образ одушевлен самого царя небесного» [6, с. 228]. Отсюда следует весьма характерное понимание права как «правды», воплощаемой в законе, соответствующем православной

морали тогда, когда царь выдерживает нравственный идеал и в своей жизни руководствуется скорее религиозным, духовным, нежели мирским, материальным, не подвержен страстям; в противном случае царь объявляется «мучителем», а его веления – «неправда», т.е. не соответствуют «закону». Это суть первые проявления теории ограничения верховной власти.

Присуждение же победы иосифлянам, но не нестяжателям связано в первую очередь с признанием Иосифом Волоцким идеи сильной власти Москвы, утверждением импонирующей власти имперской идеи. Даже отказ нестяжателей от монастырской собственности и, как следствие, переход церковного имущества в руки государства не смог побороть силы идеи единого, поставленного во исполнение воли божьей вселенского царя. Сам Иосиф Волоцкий, настоятель богатого Волоколамского монастыря, всячески содействует утверждению идеи сильного, централизованного государства, союза власти и церкви, причем царь в этом союзе – значительно более «сильная» сторона. Разница в отношении иосифлян и нестяжателей к возросшему разладу в монастырях также весьма значительна. Первые, ратуя за оставление собственности у монастырей и ограничение ее у монахов, полагают достаточным для удержания монашеского благочестия установления строгих, догматичных правил, а вторые, и в их числе Нил Сорский, излагают куда более сложную для восприятия и понимания модель «умной молитвы» и благого делания вместо внешнего благолепия богатейших монастырей. Налицо противостояние христианской морали долга и морали стремления, приведшее к тому, что материальное, легко воспринимаемое сознанием начало преодолело идеал устремлений и более активно воплотилось в жизнь. Отсюда и право, органически связанное с моралью, сменило ориентацию от естественного направления к позитивному.

Но стоит избегать односторонней оценки исхода спора с чрезмерной идеализацией фигуры Нила Сорского и взглядов нестяжателей: «Иосиф же для того времени был своего рода «новатором»: он подчеркивал, говоря современным языком и применительно к тогдашним условиям, социально-политическую миссию православия, которую он видел в исправлении нравов через строгость и истовость обряда и устава и в теснейшем сотрудничестве с великокняжеской властью. Идеалы же Нила фактически проводились в жизнь на заре христианства на Руси, когда церковь не была так тесно свя-

зана с политической жизнью страны и заботилась больше о нравственном просвещении народа» [11, с. 44777 (17)]. Здесь необходимость удержания разросшегося государства, наличие социального заказа на таковое явилась значимой причиной соединения церкви и государства под знаменем иосифлян. Даже в отношении вопроса о противостоянии ереси жидовствующих иосифляне отдавали приоритет прямому преследованию еретиков с использованием государственного принуждения (необходимо, кстати, облаченного в правовую форму), в то время как нестяжатели предлагали бороться «словом», не признавая в сфере духовной юрисдикции царя и государства.

Несомненно, что русское государство в этот период более всего склонилось по виду в сторону восточной деспотии, где верховный правитель есть Бог и верховный хозяин всего, что может только существовать на подчиненной ему земле. Потому-то и называет Бердяев московский период «душным», «азиатско-татарским». Кажется, только обоснование глубокого христианского нравственного идеала государя и спасло Русь от окончательной и бесповоротной «остернизации», обращения к Востоку. Вероятно, именно усвоение народом идеи права как «правды», обоснованной трансцендентно, не связанной с властью светской, и дало нам феномен правового нигилизма: царь-тиран, царь-злодей, не считающий своим долгом благоустройство государства и обеспечение жизни подданных, теряет в глазах народа Божескую поддержку и право творить «правду», «закон». Впрочем, это пока не более чем гипотетическое построение, требующее дальнейшего изучения.

Более глубоко и полно, но в то же время в более мрачных тонах идея богоизбранности царя, его высокой нравственной ответственности, в том числе в делах государственных, представлена в посланиях монаха Филофея, где обосновывается впервые промелькнувшая еще на полтора столетия ранее [12, с. 113] концепция «Москва – третий Рим».

В ее основе многие авторы видят различные причины, однако несомненным является тот факт, что с момента женитьбы на Софье Палеолог Иван III стал преемником традиции православной империи. Так, Русь переняла себе герб Палеологов – знаменитого двуглавого орла; аналогичный герб был принят Священной Римской империей. «Царю принадлежали заботы не только об интересах государства, но и о спасении души», – утверждает Бердяев [4, с. 20]. Отсюда – необходимость терпеть даже и

внешне несправедливое наказание. Царская власть соединяет в себе нравственный идеал православия, но не в духе подхода, подобного идее естественного права, предлагаемого нестяжателями. Нет, царь у Филофея – абсолютный монарх, что не позволяет признавать его веления неправовыми. Воля его и есть право, причем обеспеченное высшей силой, но сам царь должен следовать закону (Максим Грек, следуя таковой мысли, поддерживал издание Иваном IV единого Судебника 1550 г., увидев в Грозном царе ближайшее воплощение истинно православного государя-самодержца).

Абсолютная непогрешимость государства не признается Филофеем: он «логическим путем выводит, что человеческие грехи воспринимаются государством. Государство, как и человек, наказывается Богом за грехи, даже гибелью». Соответственно, если Москва лишь укрепляется и расширяет свое влияние, то действия ее правителей не могут быть греховными.

Мораль же, обосновывающая право, была изложена старцем в сравнительном толковании Ветхого завета с логикой падения государственности «арамейской, египетской и прочих». Иными словами, в концепции Филофея религиозная, христианская мораль снова оказывается в основе права. Отличие от предшествующего периода в соотношении этих понятий заключается в наличии «посредника» – царя, преобразующего мораль в право. Кроме того, если ранее превалировал эстетический, созерцательный элемент морали, то с падением Константинополя и освобождением Руси от ига она становится практической, т.е. выходит из сферы духа в «мир», огрубляется и отрывается от экзальтированного религиозного опыта.

Равным образом и право из «божьего промысла» становится промыслом государевым, особенно проявившись во внутренней политике Ивана Грозного, причем сознательно допускается возможность произвольного толкования смысла права самодержцем. «Правда» отныне сохраняется разве что в народе и интеллигенции, отходит от детерминации содержания законов, приобретает черты идеала, увлекая к себе творчески и свободно мыслящие умы; право становится «минимумом нравственности», но нравственности, обусловленной позицией государства; мораль и право снова сливаются в неразрывное целое, утратив при этом свой изначальный смысл и значение в жизни общества, но способствуя укреплению государства и его усилению во всех сферах

жизни. Монополия духовного начала в определении правил и принципов жизни общества утрачивается.

Напрасное же наказание, злоупотребление «грозой» и «страхом» не могло быть признано «правдой», обосновывающей право в глазах народа: «правда», излагаемая устами юродивых, (с которыми, кстати, считался даже Иван IV), несомненно, выше права государственного, творимого правителем. Именно на этот период, XIV-XVII вв., приходится расцвет юродства, признаваемого, по мнению Ключевского, «ходячей мирской совестью, живым образом обличения людских пороков» [3, с. 21].

Иван Васильевич, развязывая в государстве политику террора, считая себя всецело властвующим над душами и телами своих подданных; легитимация власти царя возводилась к Богу без каких бы то ни было посредников, даже в лице церкви. Что же касается бытия царя как нравственного идеала, воплощающего христианские добродетели, то Ивана IV нисколько не заботила эта сторона вопроса. В.С. Нерсесянц считает, что Иван IV «...даже в некоторой мере кичится своей «скверной», для него имеет значение только наследственное происхождение власти» [6, с. 263]. Грозный объявляет себя единственным источником власти и суда, считая, что именно его слово и определяет, чему и как надлежит быть в государстве. Мораль и право, по сути, низводятся до произвола облаченной властью личности, утратив не только «обмирщенное» значение, но даже и всякую связь с конкретными социальными реалиями.

Однако речь здесь можно вести также и об отживших свое представлениях о морали и праве, а равно и о самом государстве и его назначении. Старорусская идея, приведшая Русь на пару столетий под власть иноземцев, равным образом не могла более оправдывать свою замечательную значимость. Тому тоже имеются достаточные основания. Не секрет, что вкратце рассмотренный выше спор иосифлян и нестяжателей имел и вполне конкретные материальные причины: распущенность нравов в монастырях, безграмотность низшего духовенства и, как следствие, невозможность локальной борьбы с различными еретическими течениями, подрывавшими едва закрепившееся единство Государства Московского, усиление, хотя бы и церковно-идеологическое, а затем – даже военное и политическое (вспомним, например, события периода Смуты) западных соседей Руси. Таких причин, угрожавших существованию мощного, цельного государства, было множество. И Иван Грозный, про-

водя свою политику «закручивания гаек», стягивал к единому центру все, что могло подорвать мощь русского государства и повлиять на его суверенность. Поэтому «факт завершившегося образования государства идеологически запечатлелся принятием идеи третьего Рима как официального мировоззрения уже ответственных руководителей царства.

Венчание Ивана на царство и победа иосифлян на Стоглавом соборе ставили точки над «i» государственной и церковной политики царя Ивана и митрополита Макария» [13, с. 39621]. И эта политика усиления возымела некоторые успехи даже в создании нового права и новой морали, проявившись в неоднократно уже упомянутом Судебнике Грозного царя и «Домострое» - первом письменном своде правил благонравного поведения, устроенными в полном соответствии с новой идеологией; предписания и поучения полностью удовлетворяли качествам морали долга, а само поведение государя, в свою очередь, официально исключило идеал устремлений жизни человека.

Так, в Домострое описываются обязанности всякого мирянина по отношению к царю: «Царя бойся и служи ему с верою, и всегда о нем Бога моли, и тем паче не лги ему, но кротко правду ему говори, как самому Богу, и во всем повинуйся ему; если земному царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя бояться: этот временный, а небесный вечен и, судья нелицеприятный, каждому воздаст по делам его» [7, с. 557]. Послушание царю земному – первейший моральный долг истинного православного, что не позволяет нарушать и законы, данные государем. Поэтому «кто противится властителям, царю и князю и всякому вельможе, и клеветою и лукавством вредит, тот Божию повелению противится» [7, с. 586-587]. Кроме того, Домострой собирает воедино, на равных правах, проступки моральные и правовые, называя совершение таких действий «неправедной жизнью» и обещая всякому, их совершившему, Божий суд. Преступления, однако, влекли и вполне светское наказание, поэтому здесь, пожалуй, тоже виден, хотя и сильно ослабевший, отблеск принятого за основу учения Иосифа Волоцкого, предлагавшего предавать еретиков двойственному суду: духовному и светскому.

Не только Домострой явился провозвестником централизации: «в 1550 г. был принят Судебник, который ограничивал власть наместников. Выборные земские старосты теперь были обязаны принимать участие в разбирательстве дел на местах. Старосты

избирались из числа местных служилых людей. Судебник ограничивал податные привилегии крупных светских и духовных феодалов, что укрепляло централизованную власть. Принятие Судебника положило начало серии реформ Ивана IV, направленных на укрепление социально-экономических и политических основ Русского государства» [14, с. 16]. Государь, не желая довольствоваться установлением благонравия, предвзывает свои замыслы изданием нормативного акта, в каком-то смысле, пожалуй, предвзывает мораль правом, с той разницей, что Судебник ограничивал лиц более самовластных, занимающих высокое положение, в то время как Домострой принадлежал в большей мере низшим и средним сословиям.

Все устроилось по принципу иерархии и соподчинения; проявилась «центростремительная» модель государства, церкви и общества, поскольку разграничение морали и права, особенно с введением опричнины, утратило свой смысл: царь получил возможность казнить и миловать по своему усмотрению, причем не только за деяния, но и за одни только мысли (можно, пожалуй, даже ввести сюда оруэлловский термин «мыслепреступление»).

Интересной предстает идея Т.А. Фасгиева, согласно которой «процесс территориального расширения страны в Москве начали преподносить как освобождение православного мира от духовного и политического порабощения» [15, с. 17]. В таком контексте идеи Ивана Грозного получают высшее оправдание: царь, даже порой и жестокий, помогает стране изжить чуждые идеи, неприятные православной вере. К ним можно отнести все, что угодно: разнообразные ереси, католичество – «ересь латинскую», множество политико-правовых и религиозных доктрин соседних народов, чьи земли некогда принадлежали Руси. Фасгиев считает, что, «по твердому убеждению Ивана IV, власть над Нижним Поволжьем в свое время принадлежала Владимиру Святославичу и его непосредственным потомкам... следовательно, возврат утраченных земель возможен только параллельно с восстановлением поруганного православия» [15, с. 18]. Царь обретает, благодаря взятию Астрахани и Казани, сияющий ореол «освободителя» и подтверждение своего высокого статуса как исполнитель Божьей миссии. Его движение на расширение территории – утверждение истинного православия, следовательно, и идей политико-правовых: в расширении территории они находят свое высшее оправдание.

Но нельзя просто так закрыть этот вопрос, не рассмотрев и иного, отличающегося от официального, взгляда на политическую организацию общества, а также природу и сущность морали и права. Наиболее контрастным будет анализ полемики Андрея Курбского и Ивана Грозного.

Перед анализом переписки (всего в 5 писем) рассмотрим адресованные царю предложения И.С. Пересветова, поддерживавшего проводимую Иваном IV политику, дабы установить некоторые ее особенные черты в глазах современников. В своих «челобитных» он весьма полно и обстоятельно анализирует причины падения Византии, делая акцент на сильных чертах турецкой государственности. Этот анализ затем он полагает в основу предложений по организации органов власти, армии, укреплению «правды». В то же время Пересветов разъясняет, в чем видится ему поправимый упадок русской государственности: бесполезность, а порой и вредительство бояр, отсутствие «правды» и т.п. Он обращает внимание царя на Восток, призывая взять Казань, богатую плодородными землями, разъясняет, как можно побороть угрозу набегов иноземцев на приграничные области.

В сфере моральной и правовой Пересветов делает акцент на справедливости устройства грозной царской власти: «И так начинают мудрые философы, что такой справедливости, как в твоём царстве-государстве, не будет во всей вселенной: от великой грозы твоей мудрости как от сна проснутся царские лукавые судьи, чтобы устыдиться своих лукавых дел, и сами на себя будут удивляться, что обирали без счета... Ты, грозный и мудрый государь, приведешь к покаянию грешников, введешь в свое царство справедливость, а Богу воздашь сердечную радость». При этом только «Христос есть истинная правда», причем «в каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимется Божий гнев на это царство». «Правда» заключается не только в справедливом суде, организованном на профессиональной основе и получающем содержание за счет казны, но также и в строгом удержании православной, что позволит государству стать истинно сильным и благоустроенным. В подтверждение своих слов автор «Челобитной» ссылается на пример турецкого царя Магомета, который, установив правду в своем государстве (в том числе даже дав купцам единый устав), совершил благое дело и тем самым гарантировал благорасположение Бога, что способствовало многочисленным победам (в том числе и над одержимым «дьяволом» Константином) и общему про-

цветанию Турции. Именуя царя «самодержцем», он, тем не менее, не является сторонником ничем не ограниченной власти, защищая «политический деспотизм в интересах социальной правды» [2, с. 57].

Во взглядах И.С. Пересветова отслеживается концепция служения монарха Богу; сам царь необходимо должен был представлять собой образец христианина, но в то же время его персона – посредник между Всевышним и подданными, проводящий в народ правду, стоящую даже выше веры (ведь Византию сгубило не отсутствие веры, а именно беззаконие, «дьяволова» неправда, широко распространившаяся из-за того, что ей подвержен был прежде всего сам император). Разницы между моралью и правом им не проводится, поскольку правда объединяет их в себе. Характерной чертой является направленность всех «челобитных» к будущему, где Иван Грозный, исходя из их содержания, непременно должен все устроить по предлагаемым образцам. И, как явствует из переписки царя с Андреем Курбским, в 40-50 гг. XVI в. не только Пересветов с оптимизмом смотрел в будущее.

Письма Грозного Курбскому, по словам В.О. Ключевского, «наполовину политические трактаты о царской власти и наполовину политические памфлеты против боярства и его притязаний». В первом своем послании царь, хотя и непоследовательно, но весьма явно преподносит мысль о своей богоизбранности, в то же время принимая и глубоко, можно сказать, даже переживая ее, идею великой миссии Руси, доставшуюся ей в наследство от Византии: «Богом нашим Иисусом Христом дана была едиnorodного сына божия победоносная и вовеки непобедимая хоругвь — крест честной первому из благочестивых царю Константину и всем православным царям и хранителям православия. И после того как исполнилась повсюду воля Провидения и божественные слуги слова божьего, словно орлы, облетели всю вселенную, искра благочестия достигла и Российского царства» [16, с. 122-162]. Эта позиция, достаточно подробно, хотя и несколько бессистемно изложенная царем, ложится в основу ответа его на послание князя Курбского. Иван IV через признание себя помазанником божьим активно продвигает идею всевластия, когда царская воля есть единственный источник закона и морали. Подтверждение тому, пусть подобное утверждение в буквальном виде отсутствует, можно найти в письмах царя. Так, отвечая на второе письмо Курбского, он пишет: «Писал ты, что я растлен разумом, как не встретишь и у неверных. Я же ставлю тебя са-

мого судьей между мной и тобой: вы ли растлены разумом или я, который хотел над вами господствовать, а вы не хотели быть под моей властью, и я за то разгневался на вас?» Иными словами, «растленными разумом» является не царь, желающий властвовать и претворяющий свое желание в жизнь, но те, кто противится этой власти; высший моральный принцип, таким образом, заключается в полном и безоговорочном подчинении.

Курбский, в свою очередь, помимо оправдания своей измены, высказывает и весьма интересные мысли. Он «остался верен идеям сословно-представительной монархии», став, пожалуй, первым (и единственным в то время) политиком России «с радикальной «прозападной» ориентацией» [17, с. 102]. Не чуждался князь и совершенно неприемлемой для Московской Руси XVI в. идеи естественного права. Взятая из христианского мировоззрения она находит отражение и в его переписке с царем: «Курбский ... в своей полемике с Иоанном IV обвиняет его ... в том, что он «затворил русскую землю, сиречь естество человеческое, аки в адовой твердыне» [2, с. 57]. Обличая иосифлян в своем послании в Печерский монастырь, Курбский говорит о том, что они были «подкуплены царем и богатства ради угождают властям». Жестокость власти в его посланиях предстает земным воплощением власти Антихриста, а церковное стяжание не соответствует высокой миссии истинно православной церкви. Эсхатологический привкус присутствует уже в первом послании князя царю, завершившему его словами: «Знаю я из Священного Писания, что будет дьяволом послан на род христианский губитель, в блюде зачатый богоборец Антихрист, и ныне вижу советника <твоего> всем известного, от прелюбодеяния рожденного, который сегодня шепчет в уши царские ложь и проливает кровь христианскую, словно воду, и погубил уже <стольких> сильных в Израиле, по делам своим <он подобен> Антихристу: не пристало тебе, царь, таким потакать!» Царь должен, судя по всему, не прислушиваться к голосу антихриста и посланников дьявола, но отвергнуть его, став истинно благочестивым христианином и властвуя не по воле Бога, но во исполнение ее. Мораль и право в таком случае будут подобны морали и праву в понимании нестяжателей, а скорее даже – Максима Грека, также претерпевшего за свои воззрения. Что касается влияний, то, наверное, можно говорить и о том, что идея естественного права в мыслях Курбского произрастает из римской правовой мысли, широко известной в католических государствах.

Ведь князь, этот «политический беженец», прибыл именно в Польшу – сильное католическое государство, в котором есть даже знакомые с философией люди, и, несомненно, как человек образованный, не мог не ознакомиться с существующими политико-правовыми воззрениями, а также отношением к праву, особенно после своего фактического поступления на службу к Сигизмунду. Эти идеи в то же время постепенно стали оказывать все большее влияние на слугу польского государя, пока окончательно не утвердились в его сознании. К тому времени, к середине 60-х гг. XVI в., «эмигрант более не выражал сожаления о «божьей земле» и не выставял себя защитником всех преследуемых и гонимых на Руси. Круг предательства замкнулся: Курбский поднял меч на родную землю» [18, с. 300]. Так прекратилась всякая полемика между князем, почитавшим мораль и право происходящими в силу естества человеческого, и царем-самодержцем. Влияние «безбородого» Запада, в том числе и в сфере политико-правовой, иссякает, чтобы вновь полно разлиться в России лишь с приходом Петра Великого.

Литература

1. Камчатнов А.А. Старославянский язык. Курс лекций. М., 2009.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Ростов-на-Дону, 1999. Т. 1.
3. Назаров В.Н. История русской этики: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2006.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. М.; Харьков, 2004.
5. История политических и правовых учений: Учебное пособие для высших учебных заведений. / Под ред. проф. В.И. Власова. Ростов-на-Дону, 2004.
6. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2006.
7. Беседа души с умом. Библиотека русской классики. Вып. 5. Русская философская мысль XI-XVII вв. М., 2007.
8. Осипян Б.А. Русский судебник 1497 г. как право-идеологическая основа зарождения централизованного государства // История государства и права. 2011. № 4.
9. Из истории русской культуры. Т. II. Кн. I. Киевская и Московская Русь. М., 2002.
10. Салтыкова С.А. Реализация православного идеала «симфонии» Церкви и царства: византийская и русская исторические формы церковно-государственных отношений // История государства и права. 2009. № 21.
11. Левицкий С. Очерки по истории русской философии. В 2 т. Т. 1 / История философии (электронная библиотека). М., 2005.
12. Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976.
13. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии / История философии (электронная библиотека). М., 2005.
14. Хацкилов А.А. Развитие государственного аппарата и государственной службы при Иване IV // История государства и права. 2008. № 4.
15. Фасгиев Т.А. Идея защиты православия в арсенале средств внутренней и внешней политики Московской Руси // История государства и права. 2011. № 1.
16. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1979.
17. Власов В.И., Власова Г.Б., Напалкова И.Г., Цечоев В.К. История политических и правовых учений: Учебное пособие для высших учебных заведений / под ред. проф. Власова В.И. Ростов-на-Дону, 2004.
18. Скрынников Р.Г. Бегство Курбского // Прометей. М., 1977. Вып. 11.

УДК 340.11

Мартыненко Б. К.

СЕГОДНЯШНИЕ МЕТАМАРФОЗЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

В статье рассматривается проблематика метамарфоз развития политического насилия.

The article considers the problems of metamorphosis development of political violence.

Ключевые слова: *насилие, превращение, соотношение, право, деформация, цинизм, связи, характер, рационализация насилия, идеологизация насилия.*

Key words: *violence, conversion ratio, right, deformation, cynicism, connection, character, rationalization of violence, ideologization of violence.*

Традиционная социология сводила движущие силы мирового исторического развития к классово-вой борьбе и возникающим на её основе революциям. Однако движущие силы общества следует дополнить, кроме того, рождением, расширением и сменой этносов и новых цивилизаций, а также войнами как своеобразным механизмом такой смены. Именно в процессе войн и военных столкновений между народами материальные ресурсы попадали в руки наиболее активных и жизнеспособных этносов и возникающих на их основе государств, что приводило, в конечном счёте, к ускорению развития всего общественного организма. С помощью войн происходила также смена различных цивилизаций, осуществлялось устранение отживших этнических образований и замена их новыми, более жизнеспособными [1, с. 366].

А.М. Ковалев подчеркивает, что прежде всего большинство теорий обращают внимание на причины, которые коренятся в природе отдельных социальных групп, классов, этносов и т. д. и оставляют в тени те причины, которые заключены в обществе в целом как определённом природно-социальном организме. А между тем действия индивидов и социальных общностей, в конечном счёте, подчинены обеспечению укрепления единства общества и ускорению его развития. Именно общество как целое посредством войн и революций укрепляет себя и развивается по пути прогресса. Что же касается индивидов и социальных групп, то они выполняют в этих процессах служебную роль. Не случайно поэтому, что и после вышешприведенного объяснения остаётся неясным, почему же человечество вынуждено прибегать к таким античеловеческим действиям и безжалостно губить в войнах и других социальных конфликтах свой высший цвет, не говоря уже о бесчисленных материальных жертвах, которыми они сопровождаются. История неопровержимо свидетельствует, что человеческое общество строится на незыблемых принципах рациональности, и если какое-либо явление приходит в противоречие с этими принципами, действует во вред оптимальной самореализации, то оно рано или поздно будет преодолено. И если войны сопутствуют фактически всей человеческой истории, то из этого можно сделать лишь один вывод, что благодаря войнам человечество извлекает для себя какую-то пользу. Но в таком случае возникает вопрос, какую же пользу приносят человечеству войны и другие социальные конфликты [1, с. 357-358].

Важнейшей причиной конфликтов в истории общества выступает, с одной стороны, соревновательность, действие закона преимущественного развития, а с другой – дефицит материальных ресурсов, возникающий либо в результате собственного саморазвития системы, либо в результате нехватки их в окружающей среде. Для того, чтобы в таких условиях выиграть соревнование и быть впереди других, необходимо либо пополнить свои запасы продуктами природы, либо произвести их, либо отнять у другого при помощи силы. При этом далеко не всегда и дефицит приводит к конфликту и войнам между народами. Он приводит к войнам лишь в том случае, если представляется возможным легче их отнять у другого, чем собрать или произвести самому. В качестве примера можно привести Японию и Германию, которые в целях преодоления возникшего у них к XX в. дефицита источников сырья и рынков сбыта, явились инициаторами ряда войн, в том числе и Второй мировой войны. И лишь после того, как на Японию была сброшена атомная бомба, а Германия потерпела поражение в двух связанных ею войнах, они отказались от политики военных захватов и стали на путь производства необходимых материальных ресурсов [1, с. 358-359].

И далее А.М. Ковалев продолжает: причины и роль войн в истории следует выводить, исходя из интересов всего человечества как некоей целостности, в которой отдельные индивиды, народы, цивилизации выполняют своеобразную служебную роль, направленную на обеспечение развития того общества, к которому они принадлежат. Войны в истории общества, в конечном счёте, представляют своеобразную форму столкновения социальных структур в условиях дефицита материальных ресурсов, жизненных условий, пространства и т.д. Кроме того, столкновения представляют собой закономерный результат единства и качественного многообразия общества и его развития. В мире, представляющем определённую целостность, существование и активность одних структур может иметь место лишь за счёт чего-то другого. Всё это порождает борьбу между ними [1, с. 358-359].

Исследователь подчеркивает, что причины войн и революций заключены не только в разнородности общества, состоящего из отдельных индивидов, этносов, социальных групп и т. д., но и в его целостности. Именно целостность общества, которая реализует себя через многообразие, и приводит к тому, что на определенном этапе оно самореализует себя и развивается путем всевозможных

конфликтов и войн внутри и между народами. В конечном счете, и войны и революции представляют собой извращенную форму проявления в обществе закона преимущественного развития в условиях острейшей необеспеченности и недостаточности. Именно в такой обстановке этот закон начинает действовать путем ущемления и даже истребления себе подобных, или в лучшем случае насильственного перераспределения накопленных богатств. С помощью закона преимущественного развития и перераспределенных материальных ресурсов в пользу сильнейших обеспечивается динамическое равновесие в рамках целостности, которое время от времени нарушается в результате неравномерности развития различных общественных структур. Таким образом, война – одна из форм проявления в обществе закона поддержания целостности, ее динамического равновесия, когда целостность и ее части испытывают дефицит и перегрузки. В таких условиях начинают действовать хищнически, путем прямого устранения или подавления конкурентов, в конечном счете, все это результат единства и качественного многообразия мира [1, с. 360].

Убеждение в том, что насилие полезно для достижения дефицитных ценностей, может оказаться независимым источником политического насилия, однако в рамках политических общностей наиболее вероятно, что оно, будучи рационализированным, окажется вторичным; первичным же выступает мотивация. Широко распространившаяся неудовлетворенность обеспечивает общий импульс для коллективного насилия. Однако огромное большинство актов коллективного насилия в последние десятилетия имели в качестве своей цели по меньшей мере несколько политических объектов. При этом более интенсивными являются те акты насилия, которые с большей вероятностью сосредоточены – первично или вторично – на политической системе. Интенсивная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; первичное воздействие нормативных и утилитарных аттитюдов к насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать этот потенциал в какой-то точке.

Сила политического насилия в системе, и формы, которые оно принимает, частично детерминированы масштабами и интенсивностью политизированной неудовлетворенности, которая выступает необходимым условием обращения к насилию в политике. Однако каким бы интенсивным и сосредоточенным ни был порыв к насилию, на его актуализацию в конкретной политической общности

оказывают сильное влияние типы коерсивного [2] контроля и институциональной поддержки. Если режим и те, кто ему противостоит, обладают приблизительно равными степенями коерсивного контроля и институциональной поддержки, мы будем иметь дело с политическим насилием максимальной величины, и оно с наибольшей вероятностью примет форму внутренней войны. Коерсивные возможности режима и обычная практика их применения – это решающие переменные, оказывающие влияние и на формы, и на длительность насилия как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Имеется немало свидетельств того, что определенные формы коерсивного контроля скорее увеличивают, нежели уменьшают интенсивность неудовлетворенности и могут способствовать трансформации беспорядков в широкомасштабные революционные движения. Диссиденты же, напротив, используют любые степени коерсивных возможностей, приобретаемых ими для групповой обороны и атак на режим. Степень институциональной поддержки диссидентов и режимов является функцией относительных пропорций численности национальных организаций, которые им удалось мобилизовать на службу себе, сложности и сплоченности этих организаций, их ресурсов и той степени, в которой они способны обеспечить упорядоченные процедуры для получения ценностей, разрешения конфликтов и каналирования агрессивности [3]. Рост организации диссидентов может в короткие сроки способствовать развитию политического насилия, но он также, вероятно, может обеспечить неудовлетворенных новыми средствами облегчения лишений в долгосрочной перспективе, минимизируя таким образом насилие [4, с. 52-54].

Следует наметить, как нам представляется, современные тенденции метамарфоз насилия:

Первое. Существуют многозначные взаимные связи между историческими формами осознания человеком своей природы, общественной эволюции власти и насилием.

Политическая власть в формах своего государственного развития постепенно монополизирует, упорядочивает и регулирует применение насилия с помощью рычагов права и морали, сообщая жизни людей рациональность и предсказуемость.

Соответственно, на планете сокращаются пространства общественной анархии, лишенной практики гуманистического правового регулирования: сегодня это самопровозглашенные, непризнанные националистические, религиозные квазигосудар-

ства, приграничные спорные регионы, территории, контролируемые бандами, мафией, и пр. Они могут стать детонаторами ретровозвращений насилия в его прежних качествах.

Развитие антрополого-этических представлений в сторону эскалации эмпатии и роста ценностного статуса человека определяет: приоритетные сферы применения насилия, маркеры «свой - чужой», обеспечивает ресурсы легализации и оправдания определенных направлений насилия [5].

Второе. Исторически меняется характер существования насилия:

– уменьшается частота явления одиозных, жестоких, публичных актов насилия, и это – следствие развития чувств сострадания и неприятия грубости.

Не то чтобы все люди стали более сострадательны и мягкосердечны – всегда есть антропологические и социальные категории, более других склонные к насилию [6], просто сейчас всерьез озабочены тем, чтобы скрывать насилие от общественности;

– происходит символизация, «окультуривание» насилия. Принуждение уже идет не напролом, в своей физической или же директивно-волевой направленности. Оно более терпеливо, методично-последовательно осаждает свой объект, «душа его любовью». Это насилие «в шелковых перчатках». Неважно кто воздействует на объект своих притязаний, главное, что давление здесь замаскировано озабоченностью с лейтмотивом: «делай так-то и так-то, поступай таким-то образом – это все ради твоего же блага» и т. п. Эти тенденции стали возможными в формате нарастания интериоризации насилия или же его «овнутрения», перемещения процессов корректирующего ограничивающего своеволия извне вовнутрь. Фундаментальная подоплека этого процесса – в одном из когнитивных атрибутов нашего вида: способности в индоктринации. Это «способность к специальному формированию диспозиции, обеспечивающей принятие групповых характеристик и идентификацию с ними, которая тем самым служит сплочению и демаркации «мы – они»» [7, с. 51]. Как и у животных, в сенситивные периоды детства у людей формируется групповая верность, и они становятся впоследствии, во взрослом состоянии, очень резистентными к формированию других культурных представлений и измене чувствам родовой или этнической сопричастности.

Появившееся государство, используя этот биологический механизм, в дальнейшем уже преднамеренно внушает идентичность верности более

крупным, нежели кровнородственным, социальным группам с помощью систематического повторения («вдалбливания») соответствующих верноподданнических моральных и религиозных императивов.

Назойливый обман формирует внутри сознания мощную структуру «совести» или «супер-эго», как говаривал Фрейд, создавая тем самым репрессивный формат культуры как таковой, которая «передает» свое насилие вовнутрь индивида, переименовываает его, снимая с себя ответственность за него – в итоге мы имеем «культурного человека», который «самонасилием» ограничивает в себе то, что культура (скорее господствующие группы, государство) полагает вредным.

Практика показывает, что всевозможные социальные взрывы и катаклизмы могут происходить не только в обстановке дефицита свободы для проявления определенных потенций, но и в условиях её избытка, что чаще всего ведет к беспределу. Избыточная энергия ищет выхода и при отсутствии адекватных условий она приобретает извращенную форму и действует слепо, стихийно и разрушительно, подобно реке в узком русле. Именно в результате беспредела, возникающего в условиях расширения рамок свободы, к которой общество в данный момент не готово, может происходить своеобразный откат общества или его части к беспределу [1, с. 364].

В трех стадиях процесса политического насилия – там, где неудовлетворенность зарождается, актуализируется и реализуется, – каждая из них зависит от предшествующей, как указывает этот набросок. Вероятно, хотя и не обязательно, между тремя этими стадиями существует определенная темпоральная [8] зависимость, которая выражается в том, что резкое возрастание интенсивности неудовлетворенности предшествует формулировке доктрин, оправдывающих насильственное действие, с последующими сдвигами баланса коерсивного контроля и институционального соблюдения правил. Однако все эти условия могут вступать в действие и одновременно, как это было при вспышке контрреволюционного движения в Вандее: введение процедуры воинской повинности интенсифицировало неудовлетворенность рабочих и крестьян, и без того враждебно настроенных по отношению к правительству и буржуазии. Массовые акции протеста против буржуазии начались в считанные дни; социальный контекст для действий диссидентов был отчасти обеспечен существованием сложившейся к этому времени коммунальной и политической

организации, а также слабостью правительственных сил и институтов в регионе [9]. Суть в том, что многие из агитиудов и социетальных условий, способствующих политическому насилию, могут присутствовать в обществе в относительно неизменном виде на протяжении длительного периода; они становятся релевантными политическому насилию и действенными в его генезисе только тогда, когда относительная депривация увеличивается в масштабах и возрастает по интенсивности. Интенсивно политизированная неудовлетворенность также может быть широкомасштабной и устойчивой в течение длительного периода, причем без явного выражения ее, поскольку коерсивный контроль и институциональная поддержка монополизированы режимом. Ослабление контроля со стороны режима или развитие диссидентской организации в такой ситуации с высокой степенью вероятности могут привести к массовому насилию [10, с. 54-55].

Сегодня насилия не стало меньше, оно стало другим: в своих механизмах, формах и частоте проявления [11]:

1. Произошла рационализация насилия.

При этом положительно разумное лимитирование насилия:

– запрет варварских практик наказаний и смертной казни;

– смягчение отношения к преступлениям, не несущим большой общественной опасности;

– реабилитация в правах социальных изгоев - женщин, детей, умалишенных;

– повышение эффективности в деле раскрываемости преступлений, снижения преступности и ее профилактики. Однако, последнее порождает негативную сторону в рационализации насилия:

– инструментализацию насилия в виде создания больших бюрократических машин насилия (полиции, спецслужб и т. д.);

– анонимизацию насилия – данные о его носителях помещаются в гигантские картотеки; компетенции и ответственности борцов с насилием распределяются и строго прописываются;

– деморализацию насилия как следствие функционализации и насильников, и защитников от насилия.

2. Налицо сильнейшая идеологизация насилия: сегодня идеологические враги могут быть везде - и вовне, и среди своих: шпионы, вредители, саботажники, контрреволюционеры, партизаны, агенты влияния, бунтовщики, заговорщики, пятая колонна и т. п. Насилие «упаковывается» идеологически

изошренно и применяется исключительно «правильными ребятами» против «плохих» ради счастья всех людей, за свободу и права человека.

3. Вследствие рационализации и идеологизации насилия происходит, на первый взгляд, относительное снижение частоты насильственных актов, в том числе в его грубых, варварских форм.

Однако это почти всегда компенсируется аритмизацией насилия: его уплотнением в отрезки массового и жесточайшего насилия, в которое вовлекаются все большие людские массы (две мировые войны XX века).

Следует признать, что насилие в современном обществе является сдерживающим фактором. И любой выход за рамки законов приводит к применению различных форм насилия.

Вместе с тем и войны, и революции, и товарообмен в условиях общества представляют собой конкретные общественные формы проявления более общего закона, присущего всему природному миру – закона перераспределения материальной энергии и ресурсов в соответствии со значимостью для целого материальных и социальных объектов. В свою очередь закон перераспределения материальной энергии, как уже отмечалось, вытекает и выступает необходимым следствием более общего закона – единства мира и его многообразия, относительной самостоятельности и активности его частей, которые также сталкиваются между собой, вступают в противоречия и конфликты, в результате чего энергия переходит из одной системы в другую, обеспечивая действие закона динамического равновесия.

Таким образом, при помощи революций и войн на определённом этапе, в условиях неадекватности развития в обществе:

а) реализуется закон целостности системы путём преодоления дисгармоничности в её развитии и утверждения динамического равновесия между её элементами;

б) обеспечивается действие закона преимущественного развития тех элементов, социальных сил и структур, которые наилучшим образом способны обеспечить её оптимальную самореализацию. Это достигается путем перераспределения материальных ресурсов от одних социальных сил, классов или государств в другие;

в) поддерживается оптимальное состояние в действии обоих указанных законов.

В заключение, подводя итоги, отметим, что чем ниже уровень производства, тем соответственно выше роль войн и революций в прогрессе челове-

ства и, наоборот, по мере повышения уровня производственного потенциала человечества, роль войн, революций, да и масштабов насилия в целом снижается [1, с. 373].

Литература

1. Ковалев А.М. Общество - развивающийся организм. М., 2000. Т. 4.
2. В оригинале – coercive, т.е. подавляющий; далее везде при использовании данного понятия мы будем прибегать к этой русскоязычной кальке. - Примеч. пер.
3. То есть выбора тех форм, в которые может выливаться эта агрессивность, и тех мишеней, на которые она может быть направлена. – Примеч. пер.
4. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
5. Как правило, против: чужаков, иноверцев, увечных, маргиналов, ненормальных, идеологических или классовых врагов и т. п. – *авт.*
6. Вообще антропологически самая склонная к насилию группа – это мужчины от 15 до 25 лет; замкнутые, мужские в основном, коллективы: армейская среда – последние примеры «дедовщины» и т. п.
7. Eible-Eibesfeldt I. (1998), & Salter E K. (Eds.), Indoctrinability, ideology, and warfare: Evolutionary perspectives. New York: Berghahn Books.
8. Временная. – Примеч. пер.
9. Charles Tilly. The Vendee (Cambridge: Harvard University Press, 1964), *passim*.
10. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
11. Красиков В.И. Насилие и эволюция сознания // http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/credo_02_2008/2152-nasilie-i-jevoljucija-soznaniya.html

УДК 340.15

Комова Н.Б.

ИНСТИТУТ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ И ДУХОВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ XVII ВЕКА

В статье рассмотрены важные аспекты трансформации монархической власти в правовом пространстве России XVII в., выделены и проанализированы позиции ряда русских мыслителей, а также зарубежных исследователей монархической правовой политики, определяющей стратегию национального государственного строительства в последний предимперский век.

In the article important aspects of the monarch power in the legal space of the XVIIth century Russia are described. The position of the row of the Russia thinkers and also foreign researchers of the monarchist legal policy determining the strategy of national state building in the last pre-imperial century are singled out and analyzed.

Ключевые слова: Православный монархизм, монархическая власть, легитимность, империя, реформы, традиционные ценности, государство, законность, народ.

Keywords: Orthodox monarchism, monarch power, legitimacy, imperia, reforms, traditional values, state, legality, people.

Вообще, в отечественной исторической науке как в рамках имперской традиции, так и в советский период большого интереса к «допетровским Романовым» не проявлялось. Результаты их правления чаще всего оценивались более чем скромно, на этом фоне в весьма и весьма позитивном ракурсе высвечивались деяния первого Всероссийского императора, отмечалась ценность его реформ, их буквально «спасительный» для национальной государственности (якобы серьезно отставшей по всем основным политико-правовым и социально-

экономическим показателям от стран западного мира) характер.

Конечно, возвеличивая Петра I, дореволюционные и советские исследователи преследовали разные цели, а поэтому делали различные акценты. Впрочем, не было единства и в понимании значимости петровских реформ для России и в классической русской философско-правовой и исторической науках: славянофилы и позже евразийцы критически относились к петровским преобразованиям, т.к. видели в них прежде всего борьбу за имперское величие отечественного государства через

насилованную институционализацию западных государственно-правовых и культурных форм, стандартов и принципов жизнедеятельности, их «продавливание» в совершенно чуждое российское духовное и социально-политическое пространство; напротив, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев и некоторые иные консерваторы дают высокую оценку петровским реформам). Однако суть проблемы от этого не менялась: Московское царство как традиционный (на фоне имперско-модернизационного) для русской государственности способ организации властного пространства рассматривалось как абсолютно «бесперспективный» «тупиковый (в контексте прогрессистской методологии понимания истории права и государства, национальной экономики) проект», т.е. в качестве того, что «должно было быть преодолено».

«Царствование Алексея Михайловича являет собой взору внимательному и пытливому поучительную картину того, сколь плодотворно сказывается на жизни государственной неспешное, тихое, религиозно осмысленное самосознание власти. Несмотря на Раскол, несмотря на драматическую судьбу Никона и кризис русской «симфонии властей», царствование это можно назвать одним из самых плодотворных и удачных в русской истории. Традиционная точка зрения современной исторической «науки» предполагает, что в XVII в. Московская Русь как общественный, государственный, культурный, политический и военный организм совершенно изжила себя, и лишь воцарение Петра I, царя-реформатора, вдохнуло в страну новую жизнь. О Петре I речь особая, что же касается Московской Руси, то деятельность Тишайшего царя блестяще опровергает этот убогий вывод» [1, с. 224-225].

В правотворческом плане также в полной мере справедливо отмечается, что «одно лишь знаменитое «Уложение» Алексея Михайловича, именуемое иначе «Свод всех законов», могло бы... «составить славу целого царствования». А ведь оно – лишь малая толика того, что успел совершить Тишайший властелин России» [1, с. 225].

Советские (как и многие досоветские) историки, в том числе и историки права, юристы, философы, по сути своей, пошли «на поводу» у не всегда компетентных или беспристрастных в отношении оценок отечественной государственно-правовой действительности западных исследователей, утверждающих, что «уровень права Древнерусского государства в целом соответствовал уровню правового развития Англии и Скандинавии того

времени», а «правовая система России в XIV-XV вв. уже представляет собой разительный контраст с государственным законодательством Западной Европы... Даже, когда царь Алексей Михайлович издал в 1649 году свое Уложение, стало ясно, насколько значительно русская техника законодательства отставала от западноевропейской» [2, с. 253].

Подобные выводы представляются, мягко говоря, недостаточно обоснованными, более того, противоречащими фактам из истории самой же западноевропейской политико-правовой мысли: многие авторитетные европейские ученые XVIII и XIX вв. признавали, что Соборное Уложение именно по уровню законодательной техники превосходило многие западноевропейские кодификации, поэтому оно и было издано на немецком, французском, латинском и датском языках.

«В 1777 г. Вольтер пишет, что получил немецкий перевод российского Свода Законов и начал переводить его на язык «варваров-французов». Французскую юриспруденцию Вольтер оценивал как «смешную» и «варварскую», построенную на декретах папы и церковных нормах. Вольтер и его коллега даже внесли по 50 ливров в пользу того, кто составит уголовный кодекс, близкий к русским законам и наиболее пригодный для его страны» [3, с. 217].

Ясно, что противоречивость эпох, событий и явлений в истории российского права и государства неизбежно порождает не менее противоречивые оценки их результатов, тем более что «бунташный век» был тем весьма важным и своеобразным периодом, который собственно и отделил Древнюю Русь от России Нового времени.

В русской общественно-политической мысли этого переходного периода возникает острая борьба новых идеологических и идейно-эстетических начал с устойчивыми средневековыми традициями, а в национальной правовой жизни происходит столкновение тенденций светских и церковных, правящей верхушки и народа. Смута воочию показала, что «тишина и покой» канули в вечность. Русь пережила тяжелейший кризис – династический, государственный, социальный. Рушились средневековые авторитеты, и, прежде всего, авторитет власти. Процессы по «слову и делу» содержат на этот счет весьма красноречивые свидетельства [4].

В этом социально-историческом контексте в отечественной политико-правовой мысли, естественно, получает новый импульс поиск оптимальной для возрожденного после Смуты Московского

царства модели организации монархической власти. Такая ситуация, впрочем, несколько ранее была типична и для многих государств Западной Европы, переживших в эпоху Средневековья период напряженного поиска новой правовой, политической и духовной идентичности, связанный с разрушением античного мира и вхождением в христианскую парадигму миропонимания и жизнедеятельности в различных сферах социального бытия.

Позже в XVI-XVII вв., конечно же, возникло множество обстоятельств, факторов, обусловивших секуляризацию системы правовых и властных отношений в Западной Европе., изменение самих подходов и принципов организации национальной правовой и политической жизни.

В русском же государстве XVII в. только намечается тенденция постепенного освобождения общественной мысли от церковно-религиозного влияния [5]. Однако этот процесс идет крайне медленно и совершенно в иных, незнакомых для Европы формах, что в итоге и приводит к отличающимся результатам.

Вообще, философская мысль (включающая в себя, естественно, и правовые идеи) в этот период не порывает еще с богословием и развивается в форме схоластики. Ее центрами являются Киево-Могилянская (основанная в 1632 г. как коллегия, незадолго до присоединения Украины к России, с 1701 г. – академия) и Московская славяно-греко-латинская духовные академии (открыта в 1687 году, первое российское высшее учебное заведение).

В полной мере следует согласиться и с суждениями ряда современных исследователей, придерживающихся марксистской научной методологии (юридического экономизма) и считающих, что, «когда в средневековой Европе господствовало натуральное хозяйство, а производство для рынка и торговля не имели широкого распространения, не было нужды и в римском праве. Но как только промышленность и торговля сперва в Италии, а позже в других странах развили дальше частную собственность, тотчас же было восстановлено и вновь получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право. Римское право – классическое выражение жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует частная собственность» [6, с. 250].

В этом теоретико-методологическом ракурсе невозможность реализации каких-либо западных государственно-правовых моделей в России очевидна: возникновение, развитие и функциониро-

вание русской монархии сопряжено с развитием ее не как государства (*stato*) в подлинном смысле данной категории, а как частного удела – вотчины, где все отношения регулируются собственником по своему усмотрению, а права даруются, «жалуются» отдельным лицам либо целым социальным группам. Поэтому и аксиологический контекст русской монархии должен быть принципиально иным: никакие универсалистские или «прогрессистские» теоретико-методологические схемы здесь не дадут адекватных результатов.

Б.Н. Чичерин обращал внимание на иной аспект национального государственно-правового и социального бытия и считал, что только с XV в., когда в московской земле утверждается единодержавие, можно вообще говорить о русском государстве как таковом., а до тех пор – «это общество, гражданское общество, если хотите, но имени государства ему нельзя дать, ибо в нем нет понятия об обществе как о едином теле управляемом единой верховной властью; в нем господствует не общественное право, а частное» [7, с. 26].

Не случайно и то, что в трудах, созданных после русской Смуты рубежа XVI-XVII вв., в основном разрешался вопрос, волновавший всех ее современников: «Отчего произошла смута, отчего государство и нация оказались на краю гибели?» [8, с. 303]. Этим темам посвящено и Сказание Авраамия Палицына [9], участника смоленских переговоров с польским королем, человека осведомленного и образованного. Он начинает свое повествование с анализа событий, предшествовавших Смуте.

Причины всего случившегося со страной и его народом Авраамий усматривает в падении нравов в обществе, наступившем в результате тиранического правления монарха, Ивана IV. Запуганные кровавым террором русские люди не решались отстаивать Правду. В итоге, они стали «предателями самих себя».

В целом же, Авраамий выступает активным сторонником сословно-представительной монархии. Избрание царя законно только в случае признания (легитимации) этого акта «всем народом». Такой порядок поставления на царство обязывает царя править совместно с боярами и «всим чином воинствующим» (дворянами). Царская тирания, попирающие «синклита» и «совета чинов» неизбежно приводят к беспорядкам и в конечном результате к «самовластию рабов» [10].

В.С. Шульгин полагал, что господствующим в публицистике XVII в. течением была идея единства

народа и совершенствования общества, которая приобрела сходное звучание как во «Временнике Ивана Тимофеева» и «Сказании Авраама Палицына», так и в псковских повестях XVII в., составленных представителями посадского населения. В связи с этим он подверг критике мнение тех исследователей, которые преувеличили антифеодальную направленность творчества этих выдающихся мыслителей [11, с. 136].

Интересной историко-правовой особенностью организации публично-властного пространства в допетровской государственности представляется то, что характерными ее формами являются земское самоуправление и земские соборы. Именно местное самоуправление, как историческая форма организации публично-властного пространства, содержит в себе немало конкретных способов взаимодействия монархической власти и местных обществ, что, конечно же, самым положительным образом влияет на легитимность царской власти, определяет устойчивый характер этой формы правления.

Именно в характере взаимоотношений местной и верховной властей, распределении их компетенций, целей создания и реорганизации местных институтов наиболее ярко проявляются те или иные особенности российской правовой культуры. Причем анализ эмпирического материала позволяет выделить ряд таких основополагающих и значимых вопросов, как роль личности монарха в данных институтах, специфика самой монархии, политико-юридические и духовные принципы организации местных (общинных) институтов, значение обычаев и институтов позитивного права и т.д.

«Самодержавие противоречит самоуправлению только в том случае, если «самоуправление» превращается в партию и если самодержавие превращается в диктатуру. В Москве этого не было. В Санкт-Петербурге это было...» [12, с. 63].

Вообще же, укрепление на российском престоле династии Романовых [12, с. 63], возрождение русского православного монархизма (до эпохи Петра I) связывалось, кроме всего прочего, и с созданием стабильной законодательной основы Российского государства. Это было более чем важно после кризиса начала XVII в., свидетельствующего о несовершенстве либо об отсутствии многих законов. Только с воцарением на престоле в 1645 году царя Алексея Михайловича началась работа по созданию нового законодательства.

За один год эта талантливая и немногочисленная команда (князя Н.И. Одоевский, С.В. Прозоров-

ский и Ф.Ф. Волконский и два дьяка: Г. Левонтьев и Ф. Грибоедов) создала большой сводный кодекс и представила его Земскому собору на утверждение 29 января 1649 г. Уложение было принято, распечатано и разослано во все судебные органы с предписанием «всякие дела делать по тому Уложению».

Как отмечает П.П. Епифанов, с историко-юридической точки зрения Уложение представляет собой крупный шаг вперед в развитии феодального права не только России, но и Европы того времени (о чем уже говорилось выше), являя собой нормативно-правовое выражение созидательного потенциала русской монархии [14, с. 29].

До принятия этого основополагающего для развития отечественной государственности нормативно-правового акта пробелы в законодательстве, возникавшие при ликвидации последствий Смуты, восполнялись указами и приговорами: возврат имущества, утраченного в ходе военных действий, отсрочка явки в суд для «служилых людей» и выборных лиц местной администрации и т. п. Не снималось с повестки дня и разоблачение «лживых речей», взяточничества среди лиц, отправляющих правосудие, и т. п. Суды же были переполнены исками, во многом спровоцированными Смутой и некачественной работой судебных органов различных уровней.

Тем не менее уставные книги при всей бессистемности их составления были важнейшим источником права для правоприменителей и законодателей, поэтому тщательно изучались составителями Соборного Уложения 1649 г.

Важно отметить и тот факт, что к середине XVII в. вопрос о создании новой Судебной книги активно обсуждался в обществе. Причем такие требования содержались и в челобитных, поступавших на имя царя из разных социальных групп. Разные представители социума считали, что, во-первых, изменения в судебной сфере давно назрели, более того, национальная судебная система должна быть в общем-то создана заново (прежняя система правосудия была практически уничтожена Смутой), во-вторых, царское правительство, система имеющих место правовых и политических институтов, институциональная среда способны создать новую систему судов, эффективность работы которых, безусловно, влияет на уровень легитимности царской власти, является значимым элементом процессов ее легитимизации (прежняя легитимность государственной власти, очевидно, за время Смуты и смены правящей династии «приказала долго жить», поэтому в середине

XVII в. идет поиск новых способов и формы легитимизации российской монархии).

В целом же, во второй половине XVII в. усиливаются тенденции к сосредоточению всей полноты государственной власти в руках царя, в связи с чем возникают и успешно осуществляются различные изменения в системе органов власти и управления, естественно, потребовавшие расширения правовой базы, обеспечивавшей их организацию и деятельность.

Царь Алексей Михайлович и его правительство сумели ликвидировать последствия Смутного времени, укрепить и развить госаппарат («приказы»), узаконить сформировавшуюся социальную структуру (новые привилегии дворян и некоторые права городских общин), провести церковные реформы, причем эти процессы и результаты деятельности власти в полной мере получили отражение и на доктринальном уровне.

Следует отметить и то, что в эту эпоху борьба шла вокруг идеи «равенства» людей именно перед царем, а не перед «законом». По мысли Аввакума, царь достоин своего положения, если он «не превозносится, не безчинствует... не гордится, не раздражается... не радуется о неправде, радуется о истине, вся любит». И здесь в качестве итогового требования выдвигалась мысль об идеале справедливости как любви царя ко всем. Тем не менее идее равенства людей перед православным монархом и его судом Аввакум противопоставил идею равенства перед Богом.

Симеон Полоцкий совершенно точно и неоднократно выражал в своих трудах (стихах) идею «равного» монаршего суда над всеми подданными, в обращениях к царю Алексею и после его кончины он наставлял молодого царя Федора Алексеевича. Едва ли можно сомневаться и в том, что современники считали утверждение этих принципов власти подлинным благом, которое после боярско-феодалных раздоров казалось им возвращением к заветам христианской справедливости.

Стремление же Алексея Михайловича относиться ко всем «равно», «равен суд творить» подтверждалось и долго гостившим в Москве писателем Яковом Рейтенфельсом, который писал: «Вследствие того что царь пользуется высшей и снисходительной властью над подчиненными, права дворян и народа почти одинаковы» (разумеется, что в формально-правовом плане их права, конечно же различались, что можно увидеть в том же Соборном Уложении).

В целом же, сложившиеся в это же время социально-экономические и политические условия благоприятствовали становлению российского абсолютизма, являлись факторами формирования государства особого типа – Российской православной империи, причем развивающейся на подлинно национальной политико-правовой основе.

Тем более что уже к концу XVII в. «московская монархия имела, разумеется, свою неписаную конституцию, однако эта конституция свое торжественное выражение имела не в хартиях и договорах, не в законах, изданных учредительным собранием... а в том чисто нравственном убеждении, что порядок, устанавливающий характер внешней мощи государства и его распорядителей... установлен свыше, освящен верою отцов и традициями старины» [15, с. 529].

Литература

1. *Иоани*, митрополит. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994.
2. *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1996.
3. *Бойцова В.В., Бойцова Л.В.* Российская школа сравнительного права: традиции и инновации // Ученые записки. Сборник научных трудов юридического факультета РГУ. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2002.
4. *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1.
5. Слова «секуляризация», «обмирщение», «эмансипация», «освобождение», «личностное начало», «индивидуализация» – едва ли не самые частые в современных историко-культурных размышлениях о XVII веке (см.: *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X-XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 138-164).
6. *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение. М., 2007.
7. *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858.
8. История русской литературы XI-XIX вв. Т. I. М.;Л., 1980.
9. Данное сочинение приобрело большую популярность в силу своей патриотической направленности и утверждения политических идей, распространившихся в обществе в последние десятилетия и ставших «ходячими выражениями новых понятий» (**Ключевский В.О.** Курс русской истории. Ч. III. С. 105-106).
10. РИБ. Т. XIII. Стб. 477-478, 479, 492.
11. Очерки русской культуры XVII века: В 2 ч. М., 1979. Ч. 1; Русская культура IX-XVIII вв.
12. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 2003.
13. Можно отчасти согласиться и с тем, что вся последующая трехсотлетняя история России представляет собой или доминацию «интернациональных» принципов

в государственном строительстве, или попытку их ассимилирования с национальными российскими началами (см.: *Величко А.М.* Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. С. 130).

14. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года. М., 1962.

15. *Алексеев Н.Н.* Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М., 1998.

УДК 340.12

Ярошенко В.А.

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье исследуются процессы, происходившие в мировом сообществе в последнее десятилетие, охваченное современной волной терроризма, начавшейся после 11 сентября 2001 года. Говоря о первоочередных задачах формирования новой публичной политики противодействия терроризму в России, автор приходит к выводу о недостаточности применения силовых методов для обеспечения политического порядка и настаивает на необходимости создания системы антитеррористического образования и бесплатной юридической помощи лицам, содействующим выявлению проявлений террористической активности.

The processes that were developing in the world community during the last decade, caught up by the modern wave of terror after 09/11/2001, are investigated in the article.

Speaking about the priority problems of moulding new public policy of opposing terrorism in Russia, the author comes to the conclusion about the insufficiency of the methods of strong force to ensure the public order and insists on the imperative of establishing the system of anti-terror education and free legal assistance to people who facilitate exposing terrorist activity.

Ключевые слова: Политика; терроризм; безопасность; антитеррористическая политика; коррупция.

Key words: Politics; terrorism; security; anti-terror committee; corruption.

На глобальном уровне террористическая активность развивается волнами. Современная волна терроризма, начавшаяся после 11 сентября 2001 года, заставила многие государства сосредоточиться на опасности глобального терроризма для общественного развития и их собственных потенциалах безопасности при очевидной недостаточности военных инструментов разрешения локальных конфликтов. Терракты 11 сентября 2001 года неузнаваемо изменили мир, и по истечении десяти лет уже почти не осталось надежд, что негативные изменения удастся преодолеть.

В эти процессы включились и СМИ, в частности, подготовившие общественное мнение к оправданию вторжения США в Ирак и Афганистан. Американская общественность была потрясена признанием, что территория страны и безопасность ее граждан уязвимы для терактов с катастрофическими последствиями. Аналогичные изменения

общественного мнения произошли и в других странах.

Новая эра в истории цивилизации началась с глобальной войны с террором, что привело даже в странах с демократическими режимами к узакониванию политических репрессий и военной интервенции в рамках «войны с терроризмом». Правящие элиты, используя угрозу терроризма, стали манипулировать общественным мнением и усиливать социальный контроль над инакомыслящими.

Новая волна террористической активности способствовала развитию так называемой «сетевой войны», в рамках которой государства как институциональные акторы сталкиваются с необходимостью давать ассиметричные ответы на угрозы небольших по численности групп. Сталкиваясь с вездесущими внутренними террористами и более традиционными внешними угрозами, государства стали разви-

вать контртеррористические средства, полезные в большом межгосударственном конфликте.

Новая волна террористической активности привела и к необходимости существенной трансформации «публичной политики». В работах А.Ю. Сунгурова отражена сложность проблематики «публичной политики», в частности, он пишет: «Как известно, и сам термин «политика» имеет, по крайней мере, два смысла. Во-первых, политика (politics) означает действия по завоеванию и удержанию власти и связана с тактикой политических действий, планированием политических кампаний, выборными технологиями и политической борьбой. Во-вторых, под политикой (policy) понимают также разработку политической стратегии по отношению ко всему обществу или отдельным отраслям, территориям» [1]. Для политической социализации и акторов, ее стимулирующих, важно понять полисемантику термина «терроризм». С ним связаны самые разные смысловые ассоциации: философская идея, политическая доктрина, убеждение, технология власти, метод борьбы, вид преступления, способ ведения боевых действий и т.п.

Американский исследователь А. Климбург заметил: «Широкая публика часто полностью не сознает, насколько то, что мы обычно называем «безопасность», зависит от работы неофициальных групп и сетей добровольцев» [2, с. 199-202]. В полной мере вышеупомянутое может быть отнесено и к России в качестве вектора развития антитеррористической политики.

Терроризм сегодня – сложное и комплексное явление. В силу подобной комплексности терроризм не является гомогенным феноменом. В настоящее время происходит плюрализация терроризма. То есть сегодня уже вряд ли можно просто говорить о том, что терроризм «многолик». Формами проявления современного терроризма выступают разные явления как на содержательном, так и на сущностном уровнях. Это, в частности, подтверждается проведенным нами социолингвистическим анализом определений терроризма, существовавших до и после появления в обществе нелинейной социокультурной динамики [3]. События 11 сентября 2001 г. застали правящие элиты большинства стран мира врасплох. К новой волне терроризма никто оказался не готов. За прошедшее десятилетие в политической науке происходило расширение понимания новых реалий.

Упомянутые события стали рубежными для появления новой волны террористической активности и поэтому привлекли к проблеме террориз-

ма внимание не только мировой общественности, но и ученых. Так, профессор Эндрю Курт Кронин напоминает нам, что использование террористами ядерного, химического или биологического оружия может кардинально изменить политику или восприятие крупной державы. Таким образом, терроризм может вызвать отрицательный каскад политических реакций, приводящих к гораздо более серьезным формам межгосударственного насилия, вплоть до ядерной войны [4, с. 96].

Кронин признает, что «цикл насилия отражает основные факторы, которые могут продолжать существовать и воспроизводиться в зависимости от степени, в которой правительство способно осуществлять, контролировать насилие внутри общества» [4, с. 96]. Необходимы реальные политические реформы. К примеру, если бы части Ирландии были объединены, то не было бы террористической Ирландской республиканской армии (ИРА). Аналогичная ситуация наблюдается и в других странах с развитой террористической активностью.

Вместе с тем терроризм – это международная криминальная сила, технологически хорошо оснащенная, ставящая политические цели и выступающая в роли политического актора. Ее действия направлены против своего или чужого государства не напрямую, а в форме атак на гражданское население. Террористами движут ненависть, зависть, жадность и желание наживы. Это преступность, сопутствующая разрушению традиционного общества без одновременной успешной его модернизации.

Соответственно, при осуществлении антитеррористической социализации важной частью политического действия должно быть повышение легитимации власти, что возможно не в рамках пропагандистской деятельности, а при принятии реальных шагов по существенному снижению системной коррупции и обеспечению верховенства закона. Если власть будет декларировать противодействие экономической поддержке терроризма, а чиновники сами будут участвовать в коррупционной практике, ни о какой эффективной антитеррористической политической социализации не может идти и речи.

Подобная характеристика терроризма сочетает в себе три описанных выше подхода, но интегральной не является. Комбинация социального протеста, культурного конфликта и психологической ярости увеличивает число угроз в мире, уподобляет их непредсказуемым природным катаклизмам, превращая тем самым и общество в квазиприродную реальность.

Кроме того, говоря о политическом характере нового терроризма, следует помнить, что современная общественная мысль не обязательно связывает понятие «политическое» со специализированной деятельностью государства [5]. Немецкий юрист и политолог Карл Шмитт, например, полагал, что специфику политической деятельности можно определить, обозначив главную проблему, решаемую политикой, – как и при определении особенностей эстетического, этического и экономического. Первое из них решает вопрос о соотношении прекрасного и безобразного, второе – добра и зла, третье – пригодного и непригодного, рентабельного и нерентабельного. «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага» [6, с. 40]. Необходимо признать, что на протяжении десятилетия действия современной волны террористической активности различия между друзьями и врагами в значительной мере стерлись.

Американский политолог Уолтер Лакер еще до 11 сентября 2001 г. опубликовал книгу, в которой заговорил о новом терроризме [7], менее многоликом, но зато технологически более оснащенном, чем прежний, а потому приводящем к многочисленным разрушениям и жертвам. Проблема взаимосвязи технического прогресса и новой волны терроризма достойна отдельного исследования, но мы для иллюстрации ее важности приведем несколько политических фактов.

Директор службы безопасности Израиля «ША-БАК» Юваль Дискин в октябре 2010 г. заявил, что современные интернет-технологии могут стать для исламских экстремистов более удобным способом сбора разведанных, чем традиционный шпионаж. По мнению Дискаина, наибольшую опасность представляют онлайн-видеосистемы, которые позволяют наблюдать за разными уголками мира, например, Google Earth, или приложения для iPhone, дающие возможность получения точных данных о выбранной местности в режиме реального времени [8]. Кроме того, несмотря на усиление технических средств контроля в аэропортах, попытки любыми способами обойти антитеррористический контроль будут иметь множественные побочные нежелательные для общества эффекты.

Так, аэропорты будут вынуждены ужесточить контроль за грузами и перевозимыми животными, и это коснется пассажирских полетов, так как 80% авиаперевозок приходится именно на пассажирские рейсы. «Совершенствование технологий заставляет готовиться к худшему», – считает эксперт в вопро-

сах безопасности Кристоф Ноден. По его словам, западные спецслужбы обеспокоены также возможностью использования совсем юных смертников – детей, попадающих в руки проповедников-фанатиков. Наибольшим фанатизмом отличаются дети младше 10 лет, так как после этого возраста они мыслят более самостоятельно и могут в последний момент отказаться от самопожертвования, подчеркивают эксперты [9]. Подобные примеры можно приводить достаточно долго, но для нас важнее иное.

Хотя террористические атаки на США имели глубокое социальное и политическое воздействие, правящие элиты использовали фактор терроризма для усиления социального контроля над инакомыслящими. Эта тенденция характерна практически для всех стран, независимо от степени демократичности правящего режима.

Принятие в 2009 г. новой Стратегии обеспечения национальной безопасности России [10] подтвердило тезис о том, что большинство угроз безопасности граждан является следствием не решаемых многие годы системных проблем экономики. Под влиянием современных СМИ меняется и характер терроризма. В условиях, когда происходит спектаклизация социальной реальности [11, с. 143], трансформируется и публичная политика правящей элиты. Инициация кризиса легитимности всегда будет определенным образом выгодна части населения, ввиду её неоднозначного отношения к власти [12, с. 782-784]. Соответственно, успех стратегий противодействия терроризму зависит от степени его «социальной укорененности» в данном обществе, которая характеризуется не только наличием объективных условий производства и воспроизводства террористической деятельности в регионе, но и степенью его поддержки населением региона. Соответственно, становятся актуальными изменения в идентичности граждан, проживающих на подверженной воздействию террористических акторов территориях.

Проективная идентичность формирует субъекта политического действия, что означает, если следовать А. Турену, желание индивидов создавать персонифицированную историю, наделять смыслом всю область опыта индивидуальной жизни [13]. Применительно к рассматриваемой нами проблематике эта идентичность должна быть ориентирована на неприятие терроризма в любой его форме, как на индивидуальном уровне восприятия, так и в рамках групповой идентичности территориального социума. На практике мы видим снижение социальной

энергии россиян, происходящее в силу различных детерминант, одной из которых является игнорирование правящей элитой практического участия в вопросах создания в обществе нетерпимости к силовым методам решения политических проблем.

Терроризм присутствует в сознании россиян в качестве цивилизационных рисков современности, но не приобретает значения актуально-мобилизационного фактора. При этом наблюдается тенденция, в соответствии с которой в случае возникновения каких-либо проблем с проявлениями терроризма спецслужбы стараются переложить ответственность с себя на иных акторов. Говоря иными словами, в силу многогранности проблемы терроризма спецслужбы не в состоянии эффективно противостоять распространению вирусов этой формы политического насилия, однако признавать этого не желают.

Тот факт, что указанный дискурс формируется не в обществе, а внутри того же государственного аппарата и в прессе его почти не слышно, – это опасная ситуация, поскольку замалчивание системных проблем играет только на руку воспроизводству практик терроризма. Дискурс на воспроизводство во власти неправовых структур ситуации необратимости не создает, что неизбежно приводит к правовой неопределенности и связанным с нею террористическим практикам.

В деятельности местных сообществ этические нормы тесно переплетены с экономическими интересами. Экономический подход к противодействию терроризму, за немногими исключениями, следует этой линии [14], основанной на рациональном подходе к выбору вариантов политического поведения [15, с. 169-217], согласно которому все лица, в том числе преступники, систематически реагируют на изменения в относительной «стоимости» того или иного действия, в нашем случае – действия, связанного с совершением теракта.

Нередко тяжесть возможного наказания побуждает вернуться к ненасильственной деятельности. Как показывают зарубежные исследования, указанный дискурс распространяется и на потенциальных террористов [16, с. 1-3]. Вместе с тем рациональный подход к политическому действию, ориентированный на возможные негативные санкции и связанное с ними сдерживание насильственного поведения, имеет тенденцию игнорировать другие возможности по трансформации дискурса.

Как показывают результаты социологических опросов, современное российское общество в угрожающей мере одобряет насилие и не верит в суще-

ствование универсальных этических норм, а также низко оценивает качество правового пространства. Такие условия являются питательной почвой для терроризма. Ключевая задача общества – обеспечить реальное единство для всей страны, в том числе и для Кавказа. Бессмысленно говорить о гражданской нации, если мы миримся с существованием политических и правовых оффшоров.

Очевидно, что российская публичная политика нуждается в качественной перезагрузке. Модернизационная риторика правящей элиты на практике не предполагает настоящей политической либерализации в вопросах публичной политики противодействия терроризму. Одно из направлений соответствующих практик – делегирование чиновников в публичную политику через участие в деятельности политических партий и общественных организаций, поднимающих вопросы противодействия терроризму.

На современном этапе развития страны региональные элиты уже должны не просто контролировать ситуацию в регионах, но и возглавить процесс их модернизации, предложив соответствующие стратегии, взяв на себя роль межрегиональных инновационных политических центров, в том числе и в вопросах формирования новой публичной политики противодействия терроризму. В противном случае будет продолжаться инфляция антитеррористических идей, ценностей, институтов, а также понизится уровень политической конкуренции и легитимности власти.

В России необходимо создание системы антитеррористического образования и бесплатной юридической помощи лицам, содействующим выявлению проявлений террористической активности. Если этого не сделать, то рост экстремистских проявлений может спровоцировать новую волну миграции думающих и образованных россиян. Важно разъяснять людям происходящие в обществе процессы, а не только применять силовые методы для обеспечения политического порядка.

Литература

1. *Сунгуров А.Ю.* Развитие публичной политики на Северо-Западе РФ // Когита.ру. 2009. 27 июля.
2. *Klimburg A.* Whole-of-Nation Cyber Security / In: Carr J. (eds.). Inside Cyber Warfare: Mapping the Cyber Underworld. Sebastopol, CA., 2009.
3. *Камрич Л.В.* Современные тенденции исследования терроризма // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Философия – Социология

– Культурология / Под ред. А.Ю. Шатина. Челябинск, 2007. № 16; Катрич Л.В. Проблема определения терроризма: социолингвистический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. Н.Новгород, 2009. № 1.

4. Cronin A.K. How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2009. P. 96.

5. Федотова В. Терроризм: попытка концептуализации // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. Осень.

6. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1.

7. Laqueur W. The New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction. Oxford: Oxford Univ. Press., 1999.

8. Internet 'gives militants access to top-level spy systems' // The Daily Telegraph. 2010. 01.11.

9. Цит. по: Leclerc J.-M. Avions de ligne: la menace des chiens kamikazes // Le Figaro. 2010. 01.11.

10. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»// Российская газета. 2009. 19 мая.

11. Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М., 2006.

12. Скиперских А.В. К вопросу о современной типологии легитимности политической власти // Матеріали Міжнародної наукової конференції «Людина-Світ-Культура». Актуальні проблеми філософських, політологічних и релігієзнавчих досліджень. Київ. 20-21 квітня 2004.

13. Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998.

14. Frey B.S. Dealing with Terrorism - Stick or Carrot? Cheltenham, UK, and Northampton, MA, 2004; Krueger Alan B. What Makes a Terrorist? Economics and the Roots of Terrorism. Princeton, NJ, 2007.

15. Becker Gary S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 2.

16. Landes W.M. An Economic Study of US Aircraft Hijacking, 1961-1976 // Journal of Law and Economics. 1978. Vol. 21. № 1.

УДК 340.15

Гутарова Н.А.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ПЕРИОДИЗАЦИИ В ТЕОРИИ ПРАВА: НА ПРИМЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВЕ НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В статье рассмотрена периодизация как метод научного исследования, новейшие научные подходы в теории периодизации, возможности их применения в общей теории права.

This article is concerning of periodization as a method of scientific researches, newest approaches to the theory of periodization and possibility of its application in the General theory of Law.

Ключевые слова: периодизация, метод научного исследования, критерии, право на самоопределение.

Key words: periodization, method of scientific researches, criteria, self-determination right.

Всякое научное познание опирается на широкое применение различных методов познания. Под методом понимается совокупность приемов и способов, позволяющих из имеющегося научного материала получить качественно новое знание. Метод – это путь исследования, способ построения и обоснования знаний. По словам Ф. Бэкона, научный метод подобен фонарю, освещающему дорогу бредущему в темноте путнику. Объясняя значение научного метода, Бэкон любил приводить еще один афоризм: даже хромой, идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги. Только верный

метод может привести к получению истинного знания, подлинной картины познаваемого предмета [1, с. 26].

Научный метод выступает и как форма опосредования познания и практики. Метод объединяет теорию и практику, поскольку аккумулирует обобщенный практикой исторический опыт познания мира. Именно этот опыт придает методу способность направлять, ориентировать процесс познания.

Объектом научного познания являются конкретные явления и процессы объективной реальности. И от того, насколько познавательно-

исследовательские методы будут отвечать целям и задачам конкретного исследования, будет зависеть успешность всего исследования в целом. Выбор методов научного исследования определяется особенностями объекта познания и сутью исследовательской задачи.

На сегодняшний день современной науке известно множество методов научного познания, что, с одной стороны, связано с большим многообразием изучаемых объектов реальности с присущими им свойствами, закономерностями их функционирования и развития, а с другой - обусловлено возможностями отдельного исследователя применить существующий либо создать свой методологический инструментарий для решения научной проблемы. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено наличие в каждой науке огромного числа специально-исследовательских методов. Однако вне зависимости от направления того или иного научного знания для всех отраслей последнего характерно наличие общих методов, именуемых общенаучными.

Каждый из этих методов характеризует один из аспектов исследовательской деятельности, рассчитан на решение той или иной исследовательской процедуры, а вся их совокупность охватывает исследовательский процесс, начиная с постановки задачи и кончая формулированием полученного нового знания в его высшей форме, какой являются научные теории. К числу наиболее распространенных общенаучных методов относятся: наблюдение и эксперимент, реконструкция и имитация, описание и измерение, абстрагирование и абсолютизация, формализация и идеализация, анализ и синтез, индукция и дедукция, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, классификация и типологизация, а также методы исторический и логический, статический и динамический, аналогии, моделирования, методы структурного и функционального анализа и др. [2].

Однако с помощью общенаучных методов нельзя осуществить подлинно глубокие и всесторонние исследования, они дают возможность изучать предмет в первом приближении, тогда как специально-научные методы позволяют достичь этой цели с учетом узкой специфики каждого конкретного предмета научного исследования.

Теория права знает множество специально-научных методов, однако к некоторым их видам исследователи обращаются недостаточно широко, что, по нашему мнению, является существенным

упущением. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим возможности использования в теории права метода периодизации, его значение и перспективы использования.

Специально-исторические методы исследования довольно избирательно используются в правовой науке. Это, как правило, методы: хронологический (изложение историко-юридического материала в хронологической последовательности), синхронный (одновременное изучение историко-юридических событий) и дихронный (метода периодизации) [3].

Метод периодизации получил широкое распространение в методологии наук социально-гуманитарного цикла, в том числе юриспруденции, как дихронный специально-исторический метод исследования. Понятие «дихронность» образовано от двух греческих слов (*dis* – дважды, двойной и *chronos* – время), буквально оно означает «двоевремие». Концептуальный смысл принципа дихронности заключается в трактовке общественного развития «как процесса и результата интеграции двух социокультурных времен, его собственного и взаимодействующего с ним внешнего» [4].

Периодизация остается обязательным методом исследовательской работы в целом и исследовательской работы в области теории права в частности. Это продиктовано мотивами целесообразности, концентрации внимания на предмете изучения, а в итоге получения полного, детального представления о нем. Ведь буквально ежедневно политико-правовые явления и общественные отношения претерпевают изменения, в итоге их сущность, строение, содержание наполняются новыми свойствами, и это уже совсем другое явление [5, с. 7-8].

Метод периодизации позволяет выделить ряд этапов в развитии различных социальных, и в том числе правовых, явлений. Представляется, что в теории права периодизация может иметь несколько уровней. Если представить уровни периодизаций по восходящей, то открывается возможность говорить об уровнях разного порядка. Так, на низшем уровне может находиться периодизация становления и развития конкретного института права, далее возможно создание периодизации развития разных отраслей права, еще на более высоком уровне можно представить периодизацию эволюции той или иной системы права. И так возможно выделение уровней периодизации вплоть до глобальной периодизации права как феномена цивилизационного масштаба.

В настоящее время существует несколько фундаментальных подходов к построению периодизации социальных явлений и процессов.

Одним из наиболее известных ученых, исследующих проблемы теории периодизаций, является Вильям Грин. Он утверждает, что в основе всякой периодизации должна лежать некая теория исторического изменения.

Его концепция опирается на существование двух основных подходов к построению периодизаций - агрегатный и подход лидирующего сектора. При агрегатном подходе на временной оси выбирается та точка, вокруг которой сосредотачиваются многие значимые исторические события [6, с. 133-148]. Подход лидирующего сектора заключается в выделении главного источника изменений (например, открытие Америки или промышленная революция), соответственно даты, разделяющие периоды, выбираются именно по событиям данного сектора. Нетрудно заметить, что привычная для российской читательской аудитории марксистская периодизация являет собой подход лидирующего сектора, где точками перехода считаются социальные революции, разделяющие формации и знаменующие смену способов производства, что, собственно, и является лидирующим сектором (материальным базисом) в марксизме [7, с. 57].

Подход лидирующего сектора, на наш взгляд, актуален для построения периодизаций в теории права, т.к. он позволяет установить конкретные социально-исторические факты (принятие какого-либо нормативно-правового акта, создание различных учреждений, правовая реформа), представляющие собой разделительные рубежи между периодами, различающимися по своему содержанию и характеру правового регулирования.

Следующим заслуживающим внимания представляется подход, разработанный Джорджем Модельски, специалистом в области социальной эволюции, анализа мировых систем и длительных геополитических циклов. Теоретическим базисом его является концепция «постоянного спидизма», суть которой состоит в обусловленности постоянной скорости исторических процессов постоянством фундаментальных биологических структур - длительности сменяющих друг друга человеческих поколений [7, с. 59].

Согласно Дж. Модельски, поколенческий цикл формирует личность, но не институты, которые образуются в локальных и глобальных экономических, политических, правовых, социальных и

культурных процессах. В то же время поколенческий цикл составляет как бы первичный субстрат, в котором затем укореняются институциональные инновации. При этом переходы между эрами объясняются истощением инновационных импульсов, оформлявших прежнюю эру, которое ведет к распространению продуктов инновации в более широкие области [8].

Данный подход, учитывая социальную обусловленность права, также может объяснить многие явления из области развития права и государства. Так, неоспоримой инновацией даже на современном этапе является формирование новейших отраслей права, таких как космическое право, информационное право, экологическое право, не говоря уже о возникновении новых институтов классических отраслей права.

Особый интерес представляет формально-логический подход Йохана Гудсблома, который полагает, что основанием периодизации может выступать, кроме прочего, освоение наиболее эффективных в текущем периоде новшеств. Так, четкий и остроумный критерий периодизации Й. Гудсблом дает в работе «Человеческая история и длительные социальные процессы: к синтезу хронологии и фазеологии». Он выделяет условные человеческие достижения X (например, использование огня) и вводит простой четырехступенчатый критерий:

- 1) данного достижения X нет ни у одной социальной группы;
- 2) X имеется у одной социальной группы;
- 3) X имеется у некоторых социальных групп;
- 4) X имеется у всех социальных групп.

Жизненный цикл завершается той стадией, когда

- 5) некоторой социальной группе X уже не требуется (поскольку X заменен новшеством Y, вступающим в свой собственный жизненный цикл) [9, с. 117-132].

Заслуживает внимания сам формальный подход к конструированию стадий. При наполнении «новшества X» различными содержаниями мы получаем мощное орудие производства и сопоставления самых разных периодизаций. В том числе данный универсальный подход позволяет провести периодизацию и такого сложного политико-правового явления, как эволюция любого института права.

В последние годы из отечественных специалистов наиболее значительный вклад в методологию периодизации внес И. М. Дьяконов [10, с. 384.]. Наряду с марксистским критерием уровня раз-

вития технологии и связанных с ним социально-экономических отношений, И.М. Дьяконов впервые вводит критерий развития общественного сознания (в первую очередь, появление принципиально новых систем ценностей).

Несмотря на то, что И.М. Дьяконов работает в области истории Древнего Востока, его новаторская идея о периодизации развития общественной жизни, где критерием выступает возникновение новых систем ценностей и эволюции общественного сознания, может оказаться актуальной и для построения периодизации любого политико-правового явления. Ведь не что иное, как изменение общественного сознания, впервые в истории человечества поставило вопрос о правах человека и гражданина как о высшей ценности. Появление новой системы ценностей повлекло изменения во всех сферах социальной жизни.

Очевидное достоинство рассмотренных подходов состоит в том, что центральное место в них занимает идея о том, что для конструирования периодизации первостепенное значение имеет формулирование исходных посылок, оснований периодизации, а также метода построения периодизации. Именно это позволяет избежать возможных логических ошибок при построении периодизации эволюции какого-либо явления.

Методология построения обоснованной периодизации предполагает закладку концептуального решения, создание логического каркаса исходных принципов и, разумеется, установление критериев определения хронологических границ периодов.

Непосредственно на стадии закладки концептуального решения может проявиться нестандартность научного мышления исследователя, с одной стороны, тогда как, с другой стороны, пороки концептуального решения могут привести к несостоятельности всей периодизации в целом.

Избежать этого позволяет ряд требований, которым должна отвечать всякая периодизация, претендующая на обоснованность:

- определение прежде всего гносеологических, онтологических, научных и ценностных оснований периодизации;
- объективный характер периодизации;
- наличие предмета периодизации, т.е. явления, объективно допускающего такую возможность;
- системно-исторический характер, т.е. соотносимость периодизации отдельного явления с глобальным ходом исторического развития;

- полнота и целостность периодизации;
- единство принципов и критериев выделения частей и границ периодизации;
- требование верификации периодизации.

При построении обоснованной периодизации, т.е. периодизации, в которой учитываются указанные требования, необходимо выбрать критерии, отвечающие задачам научного исследования.

Критерий – важный инструмент методологии построения периодизации. Критерий (гр. *kriterion* – признак для суждения) – основание, основополагающий признак для оценки, сравнения альтернатив, классификации объектов и явлений. Основное значение критерия в процессе конструирования периодизации состоит в его целевой нагрузке, нацеленности на достижение результата – разграничении этапов и стадий.

При этом построение конкретной периодизации может предполагать использование как одного, так и нескольких критериев. Критерии периодизации в каждом случае могут избираться различные, но при этом они должны отражать сущностные характеристики периодизируемого явления.

Специфика периодизации правовых явлений заключается в том, что основой для такой периодизации является прежде всего, массив нормативно-правовых актов, регулирующих какое-либо явление общественных отношений. Вместе с тем, создатель нормативно-правовых актов не всегда адекватно может отразить особенности общественных отношений и предложить соразмерный механизм правового регулирования. Исходя из этого, полагаем, что периодизация правовых явлений не может строиться только на основе существующего нормативного закрепления правового института. Представляется, что такими характеристиками в конечном счете будут выступать субъекты, являющиеся носителями прав и обязанностей, а также существующие возможности для реализации субъективных прав и юридических обязанностей.

Данные критерии позволяют провести обоснованную периодизацию правового явления и проследить наиболее значимые этапы его развития. Для доказательства этого тезиса, рассмотрим предлагаемую модель на примере формирования и развития понятий и представлений о праве народов на самоопределение, содержания данного права и форм его реализации.

При конструировании периодизации используем сочетание методологических подходов: подход лидирующего сектора В. Грина, формально-

логический подход Й. Гудсблома, а также подход фаз социального развития И. М. Дьяконова. Такой выбор объясняется следующим:

1. Подход лидирующего сектора позволяет выделить главный источник изменений, принципиальные события данного сектора, формирующие среду, в условиях которой осуществляется формирование и развитие того или иного правового явления. В данном случае событиями, определяющими специфику развития представлений о праве народов на самоопределение, являются такие события развития государств и права глобального цивилизационного масштаба, как Великая Французская революция, принятие Декларации Независимости США, Октябрьская революция 1917г., принятие Устава ООН и тому подобные события, которые стали опорными точками на временной оси, позволяющими разграничивать этапы эволюции ПНС.

2. Формально-логический подход Й. Гудсблома дает возможность продуктивно проанализировать каждый из выделенных этапов на предмет наличия, отсутствия и степени развитости сразу нескольких критериев. Так, допустим, что X – это право народов на самоопределение, тогда:

а) исходное состояние – X не признано ни за одним субъектом (народом, нацией, этносом, населением того или иного государства и т.п.);

б) первый этап – X закреплено в отношении одного субъекта (право народов на самоопределение впервые закреплено в Конституции РСФСР 1918 г. за всем трудящимся и эксплуатируемым народом);

в) второй этап – X закрепляется в отношении некоторых субъектов (народы, борющиеся с колониальной зависимостью);

г) третий этап – X формально закреплено за всеми народами;

д) четвертый этап – согласно теории Й. Гудсблома на определенном этапе X может утратить свое значение в связи с изменением системы общественных отношений (например, в результате глобализации) [9, с. 117-132].

3. Подход фаз социального развития И. М. Дьяконова принципиально важен тем, что выдвигает критерий возникновения новых систем ценностей и эволюции общественного сознания. Применительно к периодизации права народов на самоопределение можно сказать, что именно изменение общественного сознания в период Великой Французской Революции впервые в истории человечества поставило вопрос о правах человека и гражданина

как о высшей ценности. Появление новой системы ценностей повлекло изменения во всех сферах социальной жизни, в том числе в сфере правовых отношений в области государства и права, поставило вопрос о соотношении прав государства и прав личности, суверенитета как признака государства либо как правомочия носителя суверенитета — народа и т. п. Не что иное, как изменение общественного сознания, привело к провозглашению равенства всех народов и признанию их права на выбор собственного пути развития и многое другое.

Рассматривая предложенные критерии, применимые к праву народов на самоопределение, можно отметить следующее.

Содержание прав и обязанностей в пределах отдельного правового института также отражает развитие уровня общественных отношений. На первых этапах своего развития содержание права на самоопределение сводилось к праву на отделение, позднее - к признанию равенства всех наций и народов, свободный выбор собственного пути развития и т.д.

Субъектный состав как критерий периодизации позволяет проследить развитие общественных представлений о том, кто может быть носителем прав и обязанностей. Так, за всю историю своего развития субъектный состав права народов на самоопределение неоднократно изменялся. В разное время субъектами права на самоопределение выступали нации, национальности, колониальные народы, а в настоящее время в науке ставится вопрос о статусе национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в качестве субъекта данного права.

Наконец, механизм реализации субъектами своих прав и обязанностей показывает, насколько эффективным является правовое регулирование и способствует ли оно достижению тех целей, которые ставил перед собой создатель нормативно-правового акта, или же позволяет увидеть истинные цели нормотворца. Так, если на первом этапе единственной формой реализации права на самоопределение признавалась сецессия, то в дальнейшем были созданы такие механизмы реализации как, федерализация, деволюция и т. п.

Применяя данные критерии, можно предложить следующую периодизацию развития права народов на самоопределение.

Первый этап берет начало со времен Великой Французской Революции вплоть до конца Первой мировой войны, второй этап – с конца Первой ми-

ровой войны до конца Второй мировой войны, третий этап – с конца Второй мировой войны до распада СССР в 1991 г., четвертый этап – с 1991 г. по настоящее время.

Таким образом, критериями, позволяющими построить логичную периодизацию правового явления, следует считать:

- наличие или отсутствие нормативного регулирования какого-либо явления общественной жизни;
- субъектный состав участников регулируемых отношений;
- содержание прав и обязанностей участников регулируемых отношений;
- существующий механизм реализации прав и обязанностей участников отношений.

В заключение необходимо сказать, что, несмотря на особое значение метода периодизации в процессе научного познания вообще, данный специально-исторический метод находит необоснованно малое применение в теории права. Причиной тому расхожее заблуждение, что периодизация заключается не более чем в выделении временных отрезков, границы которых определяются в зависимости от избранного критерия и не более. Тогда как достижения теории периодизации позволяют провести глубокое исследование не только государственно-правовых явлений, которые имеют продолжительное хронологическое развитие, но и большинства институтов права вне зависимости от их отраслевой принадлежности.

Литература

1. *Найдыш В.М.* Концепции современного естествознания. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. .
2. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
3. Некоторые авторы высказываются в пользу более широкого применения специально-исторических методов в юриспруденции. См. напр. *Рысина Е.П.* Специально-исторические методы исследования правовой политики // История государства и права. 2010. № 12.
4. Цит по: *Ромашов Р.А., Анисимова А.Н.* Действие права во времени // История государства и права. СПб., 2004. Вып. 1.
5. *Рысина Е.П.* Специально-исторические методы исследования правовой политики // История государства и права. 2010. № 12.
6. *Грин В.А.* Периодизируя всемирную историю // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, геополитике, макросоциологии, анализу мировых систем и цивилизаций. 2001. Вып. 2.
7. *Розов Н.С.* Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2002.
8. *Время мира.* Вып. 2: Структуры истории / Под ред. *Н.С. Розова.* Новосибирск, 2001.
9. *Гудсблом Й.* История человечества и долговременные социальные процессы: к синтезу хронологии и фазеологии // *Время мира.* 2001. Вып. 2, Перевод осуществлен по: *Goudsblom J.* Human History and Long-Term Social Processes: Toward a Synthesis of Chronology and Phaseology in *Goudsblom J., Jones enne'l S.* The Course of Human Human History. History. Economic Growth, Social Process, and M. E. Sharpe, N. Y.; L., 1996. Ch. 1. P. 15-30.
10. *Дьяконов И.М.* Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 1994.

УДК 340.15

Яхьяев Г.Я.

ПАМЯТНИКИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

ГИДАТЛИНСКИЕ АДАТЫ

Большинство материалов обычного права народов Дагестана, введенных в научный оборот, записано и опубликовано в XIX в., представителями русской администрации. Весьма интересные материалы адатного права, характеризующие различные стороны правового строя Дагестана, остались вне поля зрения составителей официальных сборников. Изучению одного из них – Гидатлинских адатов, и посвящена данная статья.

The most part of the materials on customary law of peoples of Dagestan, introduced in the scientific turnout, are recorded and published in the XIXth century by the representatives of the Russian administration. Rather interesting materials of the adat law, characterizing different sides of the legal system of Dagestan are left out of

the focus of attention of the official collections' authors. The given article is devoted to one of them – the study of Gitadlin adats.

Ключевые слова: адат, шариат, сельское общество, старейшина, совет, судебник, джамаат, союз сельских обществ, конфликт, соглашение.

Key-words: *adat, shariat, the rural community, the oldest man, council, conflict, agreement.*

Сборники местных правовых обычаев, опубликованные в 60 годах XIX в., служили руководством в судебной практике, в силу чего в них вошли в основном нормы уголовно-процессуального права [1], каковым является и судебник Гидатлинского общества. В тексте судебного указывается, что старейшины этого общества «согласились ради торжества справедливости принять следующее», т.е. перечисленные далее постановления. Это указание, несомненно, удостоверяет существование в XV–XVI вв. специального органа власти союза «вольных» обществ – совета представителей джамаатов. В его функции входило решение важнейших вопросов, которые касались всех джамаатов, входивших в состав объединения. К ним относится и вопрос об установлении единообразных норм на всей территории союза. Совет представителей общин собирался в необходимых случаях в главном селении союза. Кто кроме старейшин туда входил и в какой мере его власть была ограничена собранием всех жителей союза из содержания судебного установить не удастся, но его значительная роль в регулировании взаимоотношений джамаатов, входивших в состав союза, не вызывает сомнений.

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в судебнике в качестве субъекта правоотношений выступают не только частные лица, но и джамааты. Так, в ст. 39 указано, что отказ целого селения от охраны моста повлечет за собой штраф в размере двух котлов. Надо полагать, что установление этого факта и принуждение селения к выплате штрафа требовало решения совета представителей общин. Специальных исполнительных органов у совета представителей общин не было, но, очевидно, что исполнительные функции возлагались на все или отдельные джамааты, как это имело место и в Аварском ханстве данного периода, о чем говорит ряд норм, зафиксированных в судебнике Аварского ханства – Кодексе Умма-хана Аварского [2, с. 343].

Эти памятники права в известной мере содействовали установлению стабильного правопорядка на определенной территории, но не могли выполнить свою задачу до конца, так как в условиях децентрализованной власти нередко сильные и мно-

голюдные джамааты, пользуясь кулачным правом, нарушали интересы более слабых общин и захватывали их земли, пастбища и т. д.

Такая обстановка вызывала, как известно, многочисленные конфликты и столкновения, имевшие своим исходом поранения и убийства. А раз убийство произошло, то вступал в свою силу обычай кровной мести, который, переходя из поколения в поколение, надолго омрачал отношения между соседними «вольными» обществами.

Ослабление сплоченности, конфликты и противоречия между общинами незамедлительно использовали феодальные правители, которые усиливали свою экспансию и ставили в еще большую зависимость общины и группы «вольных» общин.

В этой сложной социально-политической обстановке «вольные» общества для сохранения своей территориальной целостности и политической независимости должны были всемерно укреплять свою сплоченность и единство. Одним из важных средств было устранение конфликтов между общинами, возникавших вследствие преступлений, совершаемых жителями одних общин против жизни и имущества соседних общин, входивших в союз.

Жизнь настоятельно требовала ликвидации правового партикуляризма внутри объединения и обеспечения мирных правовых средств для разрешения спорных моментов между общинами.

Сборнику предшествует небольшой раздел, озаглавленный «Сведения о тех, кто первыми обосновались на гидатлинской земле, о том, как ее распределили между собой и установили границы». Он состоит из очень краткого, всего девять строк, рассказа «О первых поселенцах», а также небольших по объему глав «Раздел земель шамхала между его сыновьями», «О границах земель». «Сведения об оставленных на пограничной полосе гидатлинского общества» [3], за которыми следуют сами адаты, состоящие из пронумерованных издателями для удобства пользования правовых норм. В конце памятника приложены два документа: «Сведения о договоре между ахвахцами и ратлубцами». Причем в первом из этих документов имеется пометка: «Переписано в 1070 г. хиджры» [3, с. 37]. По суще-

ству, эта дата и явилась основанием для определения времени составления сборника. «Можно предполагать, ..., что он составлен не позже XV – начала XVI в. Публикуемый список датирован переписчиком 1070 г. хиджры, т.е. 1060 г. н. э.

В тексте не упоминается Мачада, которое образовалось в начале XV в., а упоминается несуществующее ныне Чолода» [3, с. 3]. Однако при датировке памятника прежде всего следует выяснить, относится ли указанная в одном из документов дата ко всему сборнику. Поэтому следовало бы разъяснить, почему она обозначена не на последнем документе, как это делается во всех трудах. Ведь не исключена возможность, что эти документы – «договоры – могли быть приобщены к сборнику позже, и притом в разное время. Кстати сказать, такое допускают и сами издатели. «Не исключена возможность, – читаем в предисловии, – что отдельные положения, а также отдельные соглашения гидатлинского общества с другими обществами добавлялись к основным текстам гидатлинских адатов» [3, с. 23].

Упоминание в сборнике селения Мачада, принятое издателями одним из аргументов его датировки, также не решает вопроса, ибо и в этом случае можно говорить лишь о том, что нормы сборника записаны ранее XVI в., но не позволяет определить более точное время его составления. Уже одно это говорит, что исследователям предстоит не только датировать время составления данного сборника, но и установить время возникновения тех или иных адатно-правовых норм. Это чрезвычайно сложная задача. Но решить ее просто необходимо. По всей

вероятности, кратчайший путь к этому лежит через глубокое и всестороннее изучение самих адатно-правовых норм документа. Известную роль в этом отношении могут сыграть нормы, раскрывающие особенности родства, семейно-бытовых отношений, мер наказания и др. Характерной чертой судебногоника является то, что с виновных взыскиваются штрафы холстом и скотом, но более всего медными котлами. Некоторые нормы определяли штрафы в размере ста и более котлов. Причем, согласно большинству норм, штрафы должны были идти в пользу потерпевшего джамаата и даже всего союза сельских обществ. «Если житель гидатлинского общества во вред своему селению или всему обществу переселялся в другое общество, то все его имущество переходило в собственность Гидатлинского общества» [3, с. 230].

Все это говорит о том, что Гидатлинский судебник – важный памятник права, вобравший в себя различные нормы, возникшие и действовавшие в разное время.

Литература

1. Они нашли некоторое отражение в научных трудах М. М. Ковалевского, Ф. И. Леонтовича, Н. С. Семенова и других авторов, а также в описаниях местных этнографов и лиц, служивших в Дагестане.
2. Омаров А.С., Маршаев Р.Г. Об одном памятнике по истории Аварии XVII в. // УЗ ИИЯЛ Даг. Филиала АН СССР. Вып. 5, 1958.
3. Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ОСОБЕННОСТЯМ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ

Бойко А.И.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Для кафедры уголовно-правовых дисциплин бывшей Северо-Кавказской академии государственной службы (СКАГС), а теперь Южно-Российского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ стало правилом один раз в аккредитационное пятилетие проводить значимые для вузовской среды мероприятия. На этот раз, 27-28 июня 2011 года, кафедра организовала и провела международный научно-методический семинар, посвященный особенностям подготовки магистров уголовно-правовой специализации. Патронировался он Учебно-методическим объединением по уголовному праву Минобрнауки РФ, которое в Ростове представлял проф. В.П. Коняхин. К участию в семинаре официально приглашались, чаще после получения с их стороны предварительного согласия, заведующие кафедрами, известные ученые и методисты Беларуси (проф. В.М. Хомич и доцент А.И. Лукашов из Белорусского университета), Казахстана (проф. Е.О. Алауханов – Казахский национальный университет им. аль-Фараби), Украины (проф. П.П. Андрушко – Киевский университет, проф. В.А. Навроцкий – Львовский университет внутренних дел, проф. В.А. Туляков – Одесская национальная юридическая академия, проф. В.И. Тютюгин – Украинская национальная юридическая академия из г. Харькова) и, разумеется, России (из Волгограда – В.Г. Беляев и Л.В. Лобанова, Воронеж – С.В. Векленко, Краснодар – В.П. Коняхин, Москвы – Н.Г. Иванов, А.Э. Жалинский, В.И. Зажицкий, А.И. Рарог, В.Ф. Цепелев, Нижнего Новгорода – А.П. Кузнецов, Самары – В.К. Дуюнов и Т.В. Кленова, Саратова – Б.Т. Разгильдиев, Ставрополя – А.Г. Кибальник, Ярославля – Л.Л. Кругликов). К сожалению, не всем удалось приехать.

Принимающий вуз и его структурное подразделение, отвечающее за подготовку юристов, были представлены гостям форума первым проректором СКАГС, доцентом О.В. Локота и директором

Юридического института СКАГС, профессором Д.Ю. Шапсуговым. Во время двухдневных баталий участники семинара последовательно ознакомились с технологией разработки и согласования учебных планов, макетом Индивидуального плана обучения магистров, документационным и архивным сопровождением учебного процесса, организацией учетной работы с документами по магистрам (методист Юридического института СКАГС Г.В. Заводынская), нормативной основой и опытом обучения магистров в Республике Беларусь (доцент БГУ А.И. Лукашов), координационной деятельностью отраслевого УМО (проф. В.П. Коняхин), впечатлениями трех магистров СКАГС, обучающихся по программе «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право» (последние выступили с краткими сообщениями, смысл которых можно передать так: 1) за и против приема в магистратуру лиц без профильного образования; 2) ожидания и реальность после первого года обучения; 3) представление научно-исследовательской работы об итогах рассмотрения в Европейском суде по правам человека жалоб россиян по уголовным делам).

Центральный доклад на семинаре сделал заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин СКАГС, руководитель магистерской программы «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право», д.ю.н., проф. А.И. Бойко. В нем он осветил наиболее сложные и важные участки магистерской подготовки, а именно: а) особая роль и ответственность руководителя магистерской подготовки по Федеральному образовательному стандарту; б) требования данного нормативного акта и проблемы его реализации; в) предпочтительные технологии по обеспечению связи нескольких ступеней образования (бакалавриат – специалитет – магистратура – аспирантура); г) программы вступительных испытаний для профильников и непрофильников (неизбежность абитуриентов без юридического образования, позиция

Стандарта, различие в требованиях, адаптационные курсы); д) перечень дисциплин из учебного плана СКАГС – с учетом уровня подготовки магистров в структуре высшего образования и компетенций по Стандарту (комментарий необходимости предметов, их согласования с компетенциями, формы их реализации); е) представление разработанных по программе и изданных в вузе учебно-методических комплексов (координирующее письмо руководителя программы другим кафедрам – назначение – структура – визуальная демонстрация изготовленных комплексов, целесообразность тестов); ж) программы НИР и практик (назначение и наполнение содержанием, комментарий); з) тематика магистерских диссертаций (требования к их содержанию и оформлению, объяснения тем, их соответствие увлечениям и возможностям профессорско-преподавательского состава, отличие от обычных кандидатских диссертаций); и) итоговые испытания (содержание, подгонка под индивидуальный характер обучения, согласование с требованиями по аспирантуре).

Организаторы отмечают особенно активное участие в дискуссии со стороны прибывших на семинар представителей Южного федерального университета (доценты А.М. Разогреева и Н.Г. Шимбарева) и Таганрогского института управления и экономики (Карягина А.В.).

Большинство положений, мыслей и предложений по улучшению качества подготовки магистров хозяева семинара представили в форме компьютерных презентаций, что оживляло их восприятие в аудитории и влекло значительное число вопросов. С особым интересом опытный преподавательский состав воспринял выступления магистров кафедры уголовно-правовых дисциплин – охватывающие различные аспекты обучения, содержательные по существу, искренние по форме. В соответствии с правилами южного гостеприимства гостям семинара была предложена экскурсионная поездка на теплоходе по Дону в древнюю столицу вольного казачества – станицу Старочеркасскую.

Ниже читателям предлагаются тексты выступлений участников семинара. Редакция журнала уверена, что столь обильный материал будет полезен юристам различных вузов, готовящих магистров по различным программам, ведь переход к двухуровневой подготовке кадров только начался и, как любое новое дело, вызывает множество вопросов и сомнений, часть из которых может быть разрешена либо развеяна посредством ознакомления с первым опытом, преданным огласке в форме семинара.

Бойко А.И.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ МАГИСТРОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования для подготовки магистров (в том числе по направлению подготовки 030900 – «Юриспруденция») особая ответственность возложена на руководителей магистерских программ (п. 7.17 Стандарта) в форме «общего руководства». Это значит, что руководитель: а) подбирает кадры; б) в первую очередь готовит и согласует учебный план; в) контролирует методическую составляющую процесса обучения; г) в первоочередном режиме ищет и поддерживает контакты с потенциальными работодателями окончивших обучение магистров; д) вырабатывает концепцию понимания и формирует содержательную часть НИР и практик; е) обеспечивает высокое

качество учебного процесса; ж) должен помнить о видах профессиональной деятельности, предписанных Стандартом (раздел IV); з) ориентирует преподавательский состав на общекультурные и профессиональные компетенции (раздел V Стандарта); и) обеспечивает органичное сочетание общенаучного и профессионального цикла при составлении и реализации основной образовательной программы магистров; к) не выпускает из поля внимания требования Стандарта к условиям реализации «своей» программы... И т.д., и т.п.

Понятно, что все эти и прочие направления руководства и влияния на процесс подготовки магистров сам руководитель программы не может выполнить, а потому он должен опираться на профильную кафедру, обладать координационными

способностями и умением контактировать с ректором. Наш вуз только первый год ведет подготовку магистров, в том числе по программе «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право», которой я руковожу. Опыт небольшой, но весьма полезный для других вузов. Именно поэтому мы рискнули созвать семинар, на котором планируем рассказать о том, что у нас получается, а что – не очень, а также надеемся получить дельные советы от коллег из других учебных заведений по тем участкам подготовки магистров, которые допускают «своеволие» руководителей программ и других преподавателей. Тезисно это выглядит следующим образом.

1. Вначале сообщу, что мы начали работу с первым набором магистров по «старому» (2000г.) Стандарту, а в этом году нам предстоит набор по новому (2010г.) федеральному магистерскому «Уставу». Между ними есть разница, и это обстоятельство налагает на нас дополнительные трудности. Основные различия Вы можете посмотреть на экране.

2. Надо сказать, что увязка двух Стандартов – не самая сложная вещь. Главную трудность мы видим в сочетании нескольких ступеней образования: уже работающего бакалавриата – пока существующего специалитета – только начинающей жизнь магистратуры – и давно функционирующей аспирантуры. Понятно, что проблема сочетания магистратуры со специалитетом – временная, она уйдет после завершения «советского» по духу обучения уже набранных на 5-летний срок студентов. Содержательное и дидактическое разграничение двух новых ступеней образования более-менее понятно, хотя для юристов бакалавриат выглядит авантюрой по причине перспективы массовой безработицы выпускников из-за «поголовного», хищнического обучения этой профессии всех желающих и имеющих деньги лиц в последние два десятилетия. Значительно сложнее представляется дифференциация старых представлений об аспирантуре с появившейся магистратурой. И дело не только в том, что выпускные работы на этих формах обучения именуется одинаково – «диссертациями». На наш взгляд, главное для вузов и преподавательского состава нужно состоит в том, чтобы соблюдать последовательность и принцип постепенного повышения глубины знаний (при движении от магистратуры к аспирантуре) плюс исключение повторов материала. Это я Вам покажу, в том числе на экране, при ознакомлении с нашим видением содержания и назначения основных фрагментов обучения магистров по нашей программе.

3. Но вначале поговорим о программах вступительных испытаний для абитуриентов. Сложность здесь в том, что Стандарт допускает обучение магистров из состава лиц, уже имеющих базовое юридическое образование (так называемых «профильников»), и так называемых непрофильников. Понятно, что юрист-бакалавр или юрист-специалист предпочтительнее для приема в магистратуру. Однако мы фиксируем устойчивый интерес к данной ступени образования преимущественно со стороны непрофильников. Причина очевидна, она прагматична и естественна для рыночного общества: зачем физики, химику, строителю и т.д. поступать за деньги на второе высшее образование и получать его в течение 4-х лет, если Стандарт предоставляет им возможность за меньшую плату и в более короткий срок получить более значимое по статусу образование; кто там из работодателей будет разбираться с тем, что представитель естественных наук получил степень магистра юриспруденции вприпрыжку, не зная азов правоведения?

Что делать? Полагаем, что в ближайшее время, пока на рынке труда для уже завершивших обучение юристов любой ступени [1] почти нет предложений, именно непрофильники будут осаждать приемные комиссии и кассы вузов с надеждой в экстренном режиме стать вождленным магистром юриспруденции, а позже вступить в конкуренцию с бакалаврами [2] и специалистами. В этих условиях вузы как бы вынуждены будут принимать на обучение данный спецконтингент абитуриентов. Как отобрать лучших и что делать с поступившими магистрами, вообще не обучавшимися праву, в тех условиях, когда Стандарт требует изучения не азов юриспруденции, а углубленного постижения отдельных и преимущественно самых трудных проблем (спецдисциплин)?

Мы начали реагировать на данную неприятность двумя способами. *Во-первых*, поступление для лиц без юридического образования проводится по билетам из 3-х вопросов, которые последовательно представляют теорию государства и права (1), какую-то основную отрасль юриспруденции (2) и собственно уголовное право (3). Разумеется, вопросы общеобразовательные, в стиле советских «Основ государства и права». Например, один из билетов выглядит так: «1. Понятие и признаки государства. 2. Время труда и отдыха. 3. Наказание и его цели». С полным пакетом вопросов, включенных в программу вступительных экзаменов для поступающих на нашу магистерскую

программу абитуриентов, вы можете ознакомиться на кафедре или у моего помощника. *Во-вторых*, решением кафедры по моему настоянию небольшая часть учебного времени по каждой дисциплине отводится на представление общеправовых азов (понятие государства и права, системы законодательства, правоотношения, правопорядка и законности и т.д.).

4. Разумеется, главное в магистратуре – ее наполнение отдельными дисциплинами. В этом вопросе, явно либо нет, сказываются такие обстоятельства, как кругозор и предпочтения руководителя программы, а также его коллег из числа профессорско-преподавательского состава, их понимание назначения и специфики магистратуры, их видение перспектив трудоустройства выпускников, переживаемого Россией этапа развития, их возможности лично (аудиторно, методически) реализовать задуманное. А еще нужно помнить о статусе вуза: мы готовим представителей власти, преимущественно представителей общей администрации; значит, в структуре обучения должны быть проблемы борьбы с коррупцией, должностные преступления и преступления против порядка управления. А еще нельзя упускать из виду федеральную комплектацию программы – уголовное право + криминология + пенитенциарное право и региональные (Юг России) особенности и проблемы.

Мы эту часть дистанции прошли, разумеется, с трудами и сомнениями. Вначале мы определились со списком базовых (основных) и элективных предметов. Назову их. *Первый разряд*: Социальные основания уголовного права, Нравственно-религиозные основы уголовного права, Язык уголовного закона и его понимание, Римское и современное уголовное право, Конституция и уголовный закон, Уголовная политика и принципы уголовного права, Научные основы квалификации преступлений, История уголовно-правовых воззрений в России, Просветительские идеи в уголовном праве, Актуальные проблемы пенологии, Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, Практика как источник уголовного права, Международные пенитенциарные стандарты, Служебные преступления, Теория эффективности уголовно-правовых средств, Теория криминализации и пенализации деяний, Стратегии борьбы с преступностью, Международное уголовное право, Зарубежный опыт борьбы с преступностью и т.д.

Второй разряд: Память и уголовное право, Имущественное неравенство и уголовное право,

Бюджетные и налоговые преступления, Глобализация и преступность, Коррупция и уголовное право, Аналогия и законность в уголовном праве, Межотраслевые связи уголовного права, Особенности уголовного права, Мироззрение – идеология – политика – методология уголовного права, Правоприменительные ошибки по уголовным делам, Отношение осужденных к наказанию, Аксиомы, презумпции и фикции в сфере борьбы с преступностью, Проблемные участки уголовно-правового регулирования, Национальная безопасность и уголовное право, Региональные особенности преступности, Прогрессивная система отбывания наказаний, Криминологические измерения и т.д.

Известно, что наука всегда развивается в соперничестве двух векторов – специализации и кооперации. Известны также успехи дисциплинарной организации знания. Однако данное направление дает и сбои, может привести к снижению кругозора специалистов юриспруденции, к невозможности их карьерного роста и передвижения по ведомствам (проблема «социальных лифтов»). Исходя из этих опасений, мы заготовили курсы третьего разряда – на случай разумного обмена дисциплинами с кафедрой процессуального права: Потерпевший от преступлений, Классификация преступлений и ее межотраслевое значение, Назначение наказания по материальному и процессуальному праву, Межотраслевые аспекты освобождения от уголовной ответственности и наказания, «Острые углы» сочетания уголовного и уголовно-процессуального закона, Юридическая природа актов толкования закона Верховным Судом Российской Федерации, Конституционное правосудие по уголовным делам и т.д.

5. Магистратура только начинает свое развитие. Это – аксиома. Отсюда следует, что руководители программ и профильные кафедры выступают в данном деле первопроходцами, инициаторами, застрельщиками для других учебных подразделений, вовлеченных в подготовку магистров. Отсюда мы еще на старте заготовили и разослали в структурные подразделения СКАГС [3] «Образцы составления учебно-методического комплекса дисциплины для магистерской подготовки» – Вы его видите на экране в виде образца по моему предмету «Социальные основы уголовного права». Обратите внимание на разделы: Пояснительная записка – учебно-тематический план – содержание лекций – планы семинарских занятий – методические рекомендации по самостоятельной работе – глоссарий

– вопросы для подготовки к экзамену – и рекомендуемая литература ко всем темам курса. Наверняка вы удивитесь отсутствию в структуре комплекса тестов. Наша позиция по данному вопросу осмысленна и аргументируется двумя доводами: тем, что юридическая профессия разговорная, а не тестовая; тем, что уровень магистерской подготовки настолько высок, что обращение к помощи примитивного компьютерного опроса выглядит издевательством.

К началу нашего симпозиума кафедра подготовила учебно-методические комплексы по 11 дисциплинам, но отпечатаны в типографии только четыре: мои – «Социальные основы уголовного права», «Стратегии борьбы с преступностью», «Конституция и уголовный закон», а также пособие доцента Н.Ю. Лазаревой «Коррупция». Участники семинара имеют возможность (при их желании, конечно) получить наши разработки в компьютерном варианте (на флешки на кафедре).

6. Самой творческой частью работы над программой подготовки магистров оказалось понимание и содержательное наполнение научно-исследовательской работы обучающихся и различных практик. Мы проделали эту работу пока только по старому Стандарту. Вот как выглядит наше видение этих разделов обучения (смотрите на экранную трансляцию).

Научно-исследовательская работа в семестре (НИРМ-01) – 522 часа: 1. Подготовка и участие в кафедральных диспутах. 2. Аннотации периодики по криминологии, уголовному и уголовно-исполнительному праву. 3. Критический анализ диссертаций (по указанию руководителя программы). 4. Отбор и анализ тематических ошибок правоприменителей. 5. «Рецензирование» постановлений Конституционного Суда РФ. 6. Обзор решений Европейского Суда по правам человека. 7. Участие в конкурсе на лучшую организацию научного исследования. 8. Эксперименты с составлением заявок на Гранты. 9. Пробелы в УК и УИК РФ: поиск и предложения по устранению. 10. Анализ бланкетных норм УК РФ. 11. Алгоритмы квалификации (подготовка программ по отдельным видам преступлений). 12. Юридическая аргументация в науке и практике (подготовка рефератов).

Научно-исследовательская практика (НИРМ-02) – 378 часов: 1. Проведение анкетирований, опросов, интервью (по заранее подготовленным и согласованным с научным руководителем программам). 2. Сбор и анализ типичных ошибок в практике (по теме магистерской диссертации). 3. Участие

в хоздоговорной работе по кафедре. 5. Тренинг по составлению программ научного исследования. 6. Составление проектов отзывов на авторефераты кандидатских диссертаций. 7. Подготовка проектов рецензий на готовящиеся решения Научно-консультативных советов при правоохранительных органах и заключений на уже состоявшиеся подобные решения. 8. Работа на учебном полигоне Юридического института СКАГС. 9. Подготовка библиографических списков для дипломников кафедры – по соответствующим темам. 10. Аннотирование тематических сборников конференций в МГУ (Конгрессы уголовного права) и МПЮА (ежегодные симпозиумы).

Научно-педагогическая практика (НИРМ-03) – 378 часов: 1. Разработка проекта индивидуального плана обучения. 2. Организация и проведение студенческих диспутов по дисциплинам кафедры. 3. Консультирование студентов – докладчиков на конференции. 4. Участие в научно-методических семинарах и конференциях для аспирантов и молодых преподавателей СКАГС. 5. Обзоры научных поступлений в библиотеку СКАГС – на заседаниях кафедры. 6. Подготовка отзывов на открытые лекции ППС кафедры. 7. Выступления с лекциями в школах и средних специальных учебных заведениях. 8. Подготовка текста лекций по отдельным темам с последующим обсуждением на кафедре. 9. Аннотации методических материалов по проблемам обучения магистров. 10. Участие в заседаниях кафедры по вопросам качества и методики преподавательского мастерства.

Предлагаем обсудить наше понимание научно-исследовательской работы и практик магистров после моего доклада. Будем весьма признательны за критику и, особенно, за дельные поправки.

7. Венец обучения у магистров – диссертация. С учетом незначительного срока обучения (всего два года на стационаре) руководитель программы и кафедра были вынуждены определяться с данным образовательным разделом очень рано, буквально после зачисления первых студентов. Мы нашли, что выбор темы диссертации должен осуществляться магистрантом самостоятельно и, желательно, заблаговременно (начало 10 семестра). Студенты ориентируются на примерный объем в 100 страниц машинописного текста, включая список литературы и прочие приложения. В беседах с обучающимися преподаватели ориентируют их на творчество, подсказывают, что сами магистранты должны помнить о квалификационных требованиях к ним (образо-

вательная, научно-исследовательская, экспертно-аналитическая и организационно-правовая работа) и подтверждать эти государственные ожидания в тексте своих магистерских диссертаций. Мы советуем им, чтобы в Заключении к диссертации наличествовали три типа выводного знания – теоретические постулаты, предложения *de lege ferenda* и практические рекомендации. Разумеется, процесс работы над магистерской диссертацией должен включать в себя в качестве органичной части, помимо специально выделенного на это времени по учебному плану (756 часов), всю научно-исследовательскую работу (НИР в семестре, научно-исследовательскую и научно-педагогическую практику).

Представляю нашу тематику итоговых работ магистров по программе «уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право»: 1. Проблемные участки уголовно-правового регулирования. 2. Просветительские идеи в уголовном праве. 3. Уголовное право Древнего Рима. 4. Особенности уголовного права. 5. Имущественное неравенство и уголовное право. 6. Аналогия и законность в уголовном праве. 7. Прогрессивная система отбывания наказаний. 8. Межотраслевые связи и проблемы уголовного права. 9. Глобализация и преступность. 10. Уголовная политика и принципы уголовного права. 11. Мировоззрение, идеология и политика в уголовном праве. 12. Криминологические измерения. 13. Отношение осужденных к наказанию. 14. Память и уголовное право. 15. Темпоральные аспекты уголовного права. 16. Научные школы криминалистов на Юге России. 17. Менталитет, преступность, уголовный закон. 18. Проблема источников уголовного права. 19. Мониторинг уголовного закона. 20. Конституционные основы уголовного права. 21. Термины в УК РФ и пользование ими. 22. Идея компромисса в уголовном праве. 23. Бланкетные основы уголовного права. 24. Административная преюдиция: за и против. 25. Преступление и состав преступления.

В заключение рассуждений по данному разделу доклада представляю Вам на экране «МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ по написанию и оформлению магистерских диссертаций» общим объемом 51 страница, которые пока не отпечатаны и, возможно, будут откорректированы благодаря Вашим замечаниям и предложениям. Как видите, в структуру методического пособия для наших обучающихся мы включили советы по оформлению магистерской диссертации и сведения о процедуре защиты (с целью ее унификации и достижения максимума

результата) а также 12 приложений – этикетки обложки, титульного листа, содержания (оглавления), введения, основной части и заключения, списка использованных источников, справки о внедрении полученных результатов исследования, выступления на публичной защите и презентации (при необходимости), а также (даже) образцы отзывов и рецензий на работу.

8. Согласно Стандарту в структуру итоговой государственной аттестации магистров помимо выпускной квалификационной работы (диссертации) входит также государственный экзамен, причем оговорено, что его программа «разрабатывается вузами самостоятельно», а «для объективной оценки компетенций выпускника тематика экзаменационных вопросов и заданий должна быть комплексной и соответствовать избранным разделам из различных учебных циклов, формирующих конкретные компетенции» (ст. 8.7 Стандарта 2010 г.). Признаться, мы еще не начали полноценную работу на данном направлении, хотя видим ее параметры: а) структура – все ли дисциплины, входящие в программу (уголовное и уголовно-исполнительное право, а также криминология), должны быть отражены в вопросах и каждом билете; б) допустимость творческих либо даже игровых заданий на выпускном экзамене; в) размер подгонки испытаний под индивидуальную в принципе систему обучения магистров; г) согласование (занижение – ?) вопросов итогового экзамена магистров с содержанием вступительных и кандидатских экзаменов аспирантов. Будем очень благодарны участникам семинара, если они помогут нам в отладке настоящего раздела образовательного процесса магистров.

Литература

1. В Ростове-на-Дону несколько кандидатов юридических наук работают в должности секретаря судебных заседаний (клерка, письмоводителя, подъячего) в надежде хоть когда-то стать судьей. Зачем было переходить на двухуровневую систему подготовки юридических кадров и плодить безработных с зачаточными знаниями?

2. Перспектива абсолютной безработицы (по юридической профессии) автоматически приговаривает всех выпускников юридического бакалавриата к поступлению в магистратуру. Но данная ступень предполагает прием не всех, а только самых лучших и их последующую штучную подготовку. Впереди человеческие драмы и вузовские проблемы.

3. В ближайшее время в соответствии с Указом Президента РФ Д.А. Медведева наш вуз будет именоваться по-новому: «Южно-Российский институт Россий-

ской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

УДК 378

Разогреева А.М.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ

Цикл образовательной программы: этапы жизненного пути.

Любая образовательная программа, идет ли речь о подготовке специалиста, бакалавра, магистра, о программе дополнительного образования или повышения квалификации, обладает сходным жизненным циклом. Все начинается с разработки концепции и анализа ресурсов: о чем, для кого, в чем особенности данной программы, какие компетенции должны быть освоены на выходе, какой набор курсов должен обеспечивать программу, каким может быть персональный состав исполнителей и, соответственно, как можно в зависимости от этого обстоятельства варьировать набор образовательных опций. Далее включается вторая фаза – организационно-методический запуск программы: разработка рабочего учебного плана, распределение дисциплин по курсам и семестрам (определение внутренней последовательности программы), распределение зачетных единиц между дисциплинами, определения вида и времени проведения практик, требования к выпускным испытаниям, подготовка рабочих программ дисциплин, определение учебного графика. И, наконец, третий этап: собственно жизнь программы – время ее практической реализации.

Базовый вопрос первых двух этапов – вопрос наполнения: *что, кто, для кого*. Ключевым для третьего этапа становится вопрос технологий – как. И если алгоритм действия для первых двух на текущий момент уже хотя бы отчасти сложился (все вузы, чувствуя в себе силы и формально обладающие требуемым третьим ФГОСом потенциалов, активно разрабатывают разнообразные магистерские программы по направлению «Юриспруденция»), то ответ на вопрос третьего этапа – перспектива ближайшего будущего. Ключевая проблема, которая видится из сегодняшнего дня, – экспорт образовательных технологий: каким образом работать с магистрантами – нужно ли что-то существенным образом менять в их подготовке в отличие от много-

летней (сложившейся и удобной) практики подготовки специалистов или от пришедших им на смену бакалавров.

Образовательная среда: что меняется?

Представляется, что существенное изменение самой образовательной среды не позволяет без каких-либо подвижек использовать наличный образовательный инструментарий: он требует расширения и значительной модификации. Что меняется? Несколько факторов, каждый из которых требует учета при определении/выборе/комплектации линейки образовательных инструментов.

Итак, *первое*, с чем мы имеем дело, – измененная наполняемость группы. Программа магистерской подготовки запускается при условии набора на нее 7-10 студентов (в зависимости от решения вуза). Понятно, что в некоторых случаях на популярных программах набор вполне сопоставим с традиционными академическими потоками – 50-70 человек. Но: сама концепция высшего образования второй ступени (магистратуры) предполагает штучную подготовку, что, даже в условиях высокой наполняемости групп, потребует гибких и дифференцированных подходов. Тем более невозможными (неэффективными) становятся традиционные формы аудиторной работы (монологическая лекция, например) при изначальной низкой наполняемости группы.

Второе. Государственный стандарт третьего поколения в духе и русле Болонской декларации существенно образом меняет соотношение аудиторной и самостоятельной работы в пользу последней. Причем речь в этом случае также идет о предельно индивидуализированных видах самостоятельных работ с прозрачными критериями оценивания и возможностью обратной связи.

Третье. При подготовке магистров значительно возрастает статус научно-исследовательской работы. Соответственно, тренинг исследовательских компетенций становится ключевым при реализации магистерских программ. Как соответствующим

образом организовать работу студента, как сделать для него возможными разнообразные формы представления итогового продукта, как выйти за пределы традиционной курсовой работы, выступлений на конференциях и написания статей (при этом отлично, если статьи вообще пишутся – это не частая практика) – методические вопросы сегодняшнего дня.

Четвертое – ориентация в учебном процессе на практику. Во всех смыслах – при конкурсном отборе студентов, при наполнении контента, при написании магистерской диссертации, при выборе баз практик, при трудоустройстве выпускников. Как сделать учебный процесс практикоориентированным – вопрос тренировки профессиональных компетенций.

Пятое – состав обучающихся. Правом поступления в магистратуру обладает лицо, имеющее диплом о получении высшего образования уровня бакалавра или специалиста вне зависимости от профиля такового. Существующая в вузовской среде негласная установка на то, что учить в магистратуре имеет смысл только юристов, поддерживается системой вступительных экзаменов. Но возрастающий спрос на магистратуру при естественной смерти второго высшего образования неизбежно приведет к увеличению среди обучающихся доли лиц, не имеющих первого профильного юридического образования. Что с ними делать, как работать в аудитории смешанного состава, как дифференцировать задания и диагностировать степень подготовленности? Эти вопросы актуализированы именно в формате магистерской подготовки и ранее в образовательной практике не возникали.

И последнее – возможность использования цифровых технологий в образовательном процессе. В последние годы образовательные институции разного рода активно анонсируют собственные образовательные оболочки или используют раскрученные образовательные платформы. Некоторые делают и то, и другое (например, ЮФУ, использующий открытую платформу Moodle в Центре дистанционного образования, запустил в 2008 г. Цифровой кампус, совмещающий опции электронного образовательного пространства и социальной сети). Учитывая увеличение объема самостоятельной работы магистранта, очевидной становится тенденция ее переноса в электронную среду – специально созданную или дополнительно отредактированную (образовательные проекты вполне можно реализовывать и в популярных социальных сетях).

Профориентация.

Вопрос, что делать на второй ступени юридического образования с лицами, получившими степень бакалавра/специалиста в другой области знаний, очевиден для большинства специалистов, работающих в этой сфере высшего образования. Как отвечать на него? Первый и самый простой вариант – специально ничего не делать: как выплывут – так выплывут. Вместе с тем отказ от дополнительных усилий на уровне управленческих решений не снимает проблемы и фактически приводит к запуску неконтролируемых адаптационных механизмов с тонкой подстройкой под индивидуальный запрос в неформальной форме (дополнительные занятия, уточнение исследовательской тематики и пр.). Если же на уровне администрации вуза принимается решение об учете специфики контингента обучающихся, могут быть использованы различные модели организации учебного процесса либо их сочетание.

Первый вариант – запуск специального профориентирующего курса (как курса по выбору или факультатива) в формате РУП – «Основы правоведения» в первом семестре обучения. *Второй вариант* – сходный курс или набор курсов («Основы уголовного права», «Основы уголовного процесса» и пр.) предлагаются как услуга дополнительного образования (на договорной основе). Еще один способ работы (скорее дополняющий прочие) – тьюторинг: с закреплением академического консультанта, помогающего оптимальным образом с учетом особенностей текущего уровня знаний выстроить индивидуальную образовательную траекторию студента. Как дополнительная опция может также использоваться система ориентационных семинаров – сквозных встреч с непрофильными магистрантами, позволяющая им максимально комфортно адаптироваться к иной образовательной среде.

И, наконец, *радикальная версия* образования: запуск магистерских юридических программ для неюристов.

Выход в люди: формы аудиторной работы.

Утратив в современных условиях функцию основного транслятора информации, лекция изменяет и свои внешние формы – проблемная лекция, лекция-визуализация, лекция вдвоем, лекция-конференция, лекция-провокация и т.д. Какие из них и в каких случаях имеет смысл применять при подготовке магистрантов? Однозначного ответа на этот вопрос не существует: выбор вида лекции зависит от специфики курса, количества студентов

в группе, содержания темы, доступа к ресурсам и прочих факторов. При этом ключевым является адекватность формы аудиторной активности формируемым в ходе освоения дисциплины компетенциям.

Так, например, профессиональная компетенция правовой интерпретации (ПК-7 «Способность квалифицированно толковать правовые акты»). Каким образом можно работать с ней в формате лекционного занятия? Очень и очень по-разному. От классической лекции с изложением позиции Верховного Суда РФ или обзора доктринальных вариантов толкования одной и той же нормы, до использования разнообразных типов лекций: в лекции вдвоем с одним и тем же фрагментом законодательного текста работают два активно действующих преподавателя; в провокативной лекции преподаватель предлагает толкование, заведомо отличное от устоявшегося, с требованием выявить расхождения с позицией Верховного Суда и т.д.

Если говорить о семинарских занятиях, то важным именно для магистратуры становится чтение и обсуждение базовых текстов (традиционная форма семинара в университетском образовании, практически не востребованная при подготовке юристов: навыки чтения нормативных текстов значительно отличаются от работы с теоретическими текстами). Читать предлагается в двух режимах – текст целиком или значительная его часть (дома, медленно, с удовольствием) и экспресс-чтение (избранные мини-фрагменты с коллективным обсуждением) во время очных встреч.

Когда это имеет смысл делать? Например, курс криминологии (общий или разработанный под конкретную магистерскую программу), тема «Лица, совершившие преступления» (или «Личность преступника», если таким образом она обозначена в программе). Ключевой текст – И. Гоффман «Стигма: управление испорченной идентичностью» (без него невозможно понять все заходы абсолюционистов и размышления о конструировании особого социального типажа, а также попытки снизить воздействие системы на несовершеннолетних правонарушителей). Текст более чем объемный, поэтому на обсуждение вполне может быть вынесена выборка объемом в полторы-две страницы, и после него – анализ текущих моделей воздействия, анализ криминологического дискурса, представление кейсов и т.д.

За пределами аудитории: формы самостоятельной работы.

Осознавая всю важность аудиторного общения в образовательном процессе, необходимо признать, что современный формат образования смещает фокус внимания с очного общения на внеаудиторные формы самостоятельной работы студентов. Современные исследования в области высшего образования описывают и предлагают широкий спектр различного рода технологий организации самостоятельной студенческой работы. Для использования в учебном процессе при подготовке магистрантов в области юриспруденции (наряду с традиционным реферированием, литобзором, решением казусов) в зависимости от стоящих перед преподавателем задач и имеющихся ресурсов имеются возможности использования иных форм самостоятельной контролируемой работы студентов. Среди наиболее перспективных можно назвать создание электронных баз данных, проведение исследовательских проектов, составление ридеров и хрестоматий и т.п. Особенность подобного рода форм активности (что делает их одновременно непростыми и привлекательными) – создание уникального продукта, который включается затем в образовательный процесс как рабочий материал. Например, специализированная программа магистерской подготовки «Ювенальная юстиция». Задание для самостоятельной работы в рамках курса «Концептуальные основы восстановительного правосудия и ювенальной юстиции» – перевод ключевых фрагментов текстов и составление ридера. Или: программа та же, курс «Институциональная основа ювенальной юстиции в РФ», самостоятельное задание – создание навигационной карты веб-сайтов и интернет-ресурсов.

Система контроля: сколько вешать в баллах?

В учебный процесс все более и более активно (зачастую принудительно - с использованием административного ресурса и без поддержки преподавателей) внедряется балльно-рейтинговая система оценки знаний – инновационная образовательная технология, позволяющая контролировать качество освоения знаний и навыков и представляющая собой суммарный количественный показатель образовательной активности обучающегося. Другими словами, при применении данной системы оценивания каждый обучающийся на определенный момент времени изучения курса/образовательного процесса в целом обладает неким количеством баллов из определенного числа возможных, что дает ему возможность определить успешность овладения дис-

циплиной и свой личный уровень среди других студентов.

Соппротивление среды этой системе оценивания велико. В качестве упреков, которые обычно адресуют в ее адрес (причем они звучат со стороны как преподавательского, так и студенческого сообщества), называется «уравнительный» характер системы, внутри которой не могут быть адекватно оценены выдающиеся персоналии и достижения, а, напротив, максимальный балл получают «рабочие лошадки», предельный прагматизм оценивания действий обучающегося, который заинтересован в выполнении лишь оптимального лично для себя количества заданий, что, по мнению критиков, ведет к неравномерному овладению знаниями и невозможности их оценивания.

Вместе с тем, это вопросы, скорее, идеологического порядка: балльно-рейтинговая система оценивания по месту и времени возникновения, задачам и практикам, очевидно, вписана в чуждую для России протестантскую этику, что, собственно, и вызывает резкое неприятие на входе. Технологически же основной проблемой, с которой сталкивается и преподаватель, и студент, работающий с ней, - резкое увеличение объема самостоятельной внеаудиторной работы: для преподавателя это и разработка заданий (желательно индивидуальных) для самостоятельной работы студентов, и постоянный контроль всего и вся – посещения, активности, качества выполнения работ (что предполагает обратную связь), большое количество отчетно-учетной документации; для студента - постоянную включенность в учебный процесс со значительным увеличением внеаудиторной нагрузки. В случае перевода в БРС всех учебных курсов важным становится методический момент определения оптимальной недельной внеаудиторной нагрузки и распределения ее между дисциплинами в семестре, а также определение трудоемкости отдельных видов самостоятельной работы.

Преподаватель, использующий при работе внутри курса балльно-рейтинговую систему, на входе и в процессе ее применения может столкнуться с рядом проблем методического и организационного порядка. Среди них наиболее первостепенными являются следующие:

- Неготовность и выраженное нежелание студентов работать внутри этой системы. Это состояние наиболее выражено на входе, особенно в ситуации, когда предшествующий опыт обучения не предполагал ее использования. По мере включения

негативный настрой постепенно снижается. Что важно в этом случае для успешного внедрения БРС:

- 1) предельно четко определять правила до начала курса – студент должен понимать, по каким правилам ведется игра;

- 2) не менять правила внутри одного курса где-то в середине пути. Вы вполне можете понять, что какие-то позиции были определены не вполне удачно (предположим, слишком много/мало баллов за тот или иной вид работ). Это понимание может служить основанием к коррекции БРС на следующий учебный цикл, но текущий курс необходимо завершать по объявленным правилам;

- 3) вся информация об особенностях контроля и оценивания с использованием БРС должна быть доведена до сведения и находиться в постоянном доступе студентов – в РПД дисциплин, на сайте вуза, на кафедре в свободном доступе и т.д.;

- 4) быть готовым к бесконечным пояснениям и разъяснениям. Вместе с тем, работа со студентами, имеющими опыт включения в БРС, в дальнейшем особых сложностей не представляет.

- Усложнение системы учета студенческой активности. В этом плане, БРС – технология ресурсозатратная для преподавателя: оцениванию подлежит любой вид активности каждого обучающегося в четко установленные сроки. Ситуация усложняется, если преподавание и контроль внутри дисциплины осуществляется не одним человеком (распределение нагрузки лекции-семинары; модули и т.д.). В таком случае итоговые данные также подлежат сводке и представлению в единой балльно-рейтинговой ведомости. При внедрении БРС имеет смысл, кроме сводных таблиц/табелей/ведомостей/журналов учета активности студентов, ведение которых осуществляется преподавателем/преподавателями, использовать также индивидуальные бланки, которые заполняются студентами на основе открытых или персональных данных об оценивании определенных видов активности. Данный бланк при условии его регулярного заполнения дает студенту видимую картинку его успеваемости внутри дисциплины, позволяет оптимизировать усилия и снимает вопросы к преподавателю.

- Применение разнообразных видов и форм самостоятельной работы, что требует от преподавателя значительного объема времени на их разработку и контроль. При существующей системе планирования нагрузки данная ситуация не может быть адекватно разрешена: единственный выход – изменение порядка планирования нагрузки, исходя

из трудоемкости различных видов активности и количества слушателей курса.

Резюме.

Никаких универсальных рецептов нет, ничего нельзя предугадать заранее. Но формат магистер-

ской программы дает возможность попробовать новые рецепты и адаптировать/модифицировать старые, давно известные. И это интересно.

УДК 343.3

Фоменко А.И.

**К ВОПРОСУ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

В современных условиях социально-экономического развития Российской Федерации преступления, совершаемые с использованием современных высоких технологий, стали реальностью общественной жизни. Препятствуя нормальному развитию информационных и сопутствующих им отношений, они угрожают прогрессивному социально-экономическому развитию всего российского общества и государства. Развитие сферы создания и использования современных высоких технологий предоставили широкие возможности доступа, в том числе и правонарушителей, к новым видам компьютерной техники, техническим средствам и технологиям.

Если обратиться к самому определению термина «технология», к его изначальному значению (*техно* – мастерство, искусство; *логос* – наука), можно увидеть, что цель технологии заключается в том, чтобы разложить на составляющие элементы процесс достижения какого-либо результата [1]. Технология применима повсюду, где имеется достижение, стремление к результату, но осознанное использование технологического подхода стало подлинной революцией. До появления технологии господствовало искусство – человек делал что-то, но это что-то получалось только у него, это как дар – дано или не дано. С помощью же технологии все то, что возможно только для избранных, одаренных (искусство), становится доступно всем.

Переход к использованию высоких технологий и соответствующей им техники является важнейшим звеном научно-технической революции (НТР) на современном этапе. Наиболее новые и прогрессивные технологии современности относят к высоким технологиям (англ. *high technology, hi-tech*) [1], а высокие технологии обычно включают в себя самые наукоёмкие отрасли промышленности: микроэлектронику, вычислительную технику, робототех-

нику, атомную энергетику, космическую технику, микробиологическую промышленность.

Информационные технологии (ИТ, англ. *information technology, IT*) – широкий класс дисциплин и областей деятельности, относящихся к технологиям управления, накопления, обработки и передачи информации [1].

В основном, под информационными технологиями подразумевают компьютерные технологии. В частности, ИТ имеют дело с использованием компьютеров и программного обеспечения для хранения, преобразования, защиты, обработки, передачи и получения информации [1].

Полагаем, что использование различных видов компьютерной техники, технических средств и отдельных технологий, в том числе и информационных, в целом и образует ёмкое понятие «современные высокие технологии» как совокупность методов и средств реализации информационных процессов в различных областях жизнедеятельности человека, общества и государства, так как современные технологии, по своей сути, это способ реализации информационной деятельности, которую также можно рассматривать как информационную систему.

Иными словами, информация становится продуктом общественных (информационных) отношений, начинает приобретать товарные черты и становится предметом купли-продажи [2, с. 10]. Следствием протекающих в обществе информационных процессов является возникновение и формирование новых общественных отношений и изменение уже существующих, связанных с реализацией прав и законных интересов личности, общества и государства в информационной сфере.

Мы согласны с мнением В.Н. Черкасова, который считает, что новые информационные технологии дали толчок возникновению и развитию ранее неизвестных негативных процессов – новых форм

преступности. Так, революция в области электроники предоставила преступникам, их группировкам и сообществам широкие возможности для доступа к новым техническим средствам, которые позволяют им незаконно присваивать миллиарды рублей, «отмывать» огромные доходы, полученные преступным путём, уходить от налогообложения и проводить комплексные мероприятия по подготовке, совершению и маскировке различных видов преступлений [3, с. 32].

Полагаем, что этому, помимо развития и внедрения современных высоких технологий, также способствует безработица высококвалифицированных специалистов, обслуживавших структуры военно-промышленного комплекса и различные научно-исследовательские центры, лаборатории и институты, уволенных в запас по различным причинам сотрудников силовых министерств, а также выпускников высших учебных заведений страны, не нашедших работу по специальности.

Приток таких специалистов в преступную сферу позволяет организованной преступности и отдельным преступным элементам эффективно использовать новейшие технологии, чужие профессиональные знания для подготовки, совершения, маскировки преступлений и активного противодействия работе правоохранительных органов.

Так, по мнению О.А. Колобова и В.А. Ясенева, с помощью современных технических средств преступники могут определить начало наблюдения за ними. В связи с этим в настоящее время наблюдается рост числа случаев использования преступниками современных средств связи, основанных на микропроцессорной технике, позволяющих преступнику без особого труда проникать в различные системы связи с целью перехвата телефонных разговоров, определения номера интересующего абонента и т.п., обеспечивая тем самым проведение собственных разведывательных и контрразведывательных мероприятий. Таким образом, можно, например, определить, кто находится «на разработке» специальных служб и подразделений правоохранительных органов [4, с. 67].

А.А. Косынкин отмечает, что уже имеются случаи обнаружения, так называемых, «жучков» на телефонных линиях связи в некоторых крупных коммерческих организациях и по месту жительства их сотрудников, что свидетельствует об использовании спецтехники криминальными структурами. Имеются оперативные данные о создании подпольных мастерских по изготовлению разведывательной

и контрразведывательной техники бывшими сотрудниками органов внутренних дел и органов безопасности [5, с. 45]. Специальная техника свободно продаётся в коммерческих магазинах по доступной цене, что делает возможным криминальным элементам практически бесконтрольно проводить оперативно-технические мероприятия, в том числе для получения информации о деятельности спецслужб и правоохранительных органов [6, с. 22-26].

Тревожит и тот факт, что подобный процесс имеет тенденцию к дальнейшему расширению.

Именно эти факторы в своей совокупности и обусловили динамичный рост и поступательное развитие новых видов преступлений, к числу которых относятся и компьютерные.

Особенностью современной криминогенной ситуации является интенсивное перерастание количественных характеристик преступности в негативные качественные. Набирают силу опасные процессы сращивания организованной преступности с так называемой респектабельной («беловоротничковой»), к которой можно отнести преступность в сфере высоких технологий, лидеров преступных групп и сообществ с коррумпированными должностными лицами. Идёт активный процесс размывания граней между различными видами преступлений. Например, преступники, организованные в группы и сообщества, начинают применять методы, традиционные для преступлений в экономической сфере, нередко используя при этом средства компьютерной техники, связи и телекоммуникаций, входя в сговор с должностными лицами [7, с. 53]. Данный процесс приводит к тому, что многие преступные сообщества начинают переориентировать свою деятельность с получения и использования незаконных средств, добытых противоправными действиями (например, вымогательством), на совершение противоправных манипуляций с законными средствами в корыстных целях. Иными словами, переходят от оборота преступных средств к более выгодному преступному обороту законных средств.

Международный опыт свидетельствует, что современная преступность проникает в область законного предпринимательства, подрывая репутацию тех, кто так или иначе соприкасается с ней, и коррумпирует должностных лиц, услуги которых ей необходимы для отмывания незаконных доходов. На уровне ООН констатировано, что возможности преступности манипулировать значительным капиталом, внедряться в область законного предпринимательства и разорять своих конкурентов

с помощью контроля над ценами и курсом валют представляют собой серьёзную угрозу самому существованию любого общества. Например, огромные незаконные средства, проникающие в экономику страны, денежную систему, банковское дело путём манипулирования валютой с целью «отмывания» денег или получения незаконных доходов, неизбежно приводят к нарушению естественного действия рыночных сил, оказывают пагубное влияние на обменные курсы валют и банковские системы одновременно во многих странах [8, с. 78].

Судебно-следственная практика показывает, что зачастую лидеры преступных группировок, собрав достаточные суммы, вступают в легальный бизнес, становятся генеральными и коммерческими директорами негосударственных структур, налаживают непосредственный контакт с представителями законодательной, исполнительной и судебной власти, работниками правоохранительных органов.

Созданные лидерами преступных группировок предприятия негосударственного сектора экономики используются ими в роли легальной «крыши» для отмывания средств, добытых незаконным путём. В конечном итоге это даёт им возможность реинвестировать доходы в новые поставки товаров и посредством инвестиций в законную экономику сливаться с легальным бизнесом. Последний при этом служит им удобным прикрытием для совершения крупномасштабных сделок, связанных с контрабандными перевозками сырья и полуфабрикатов, цветных и драгоценных металлов, энергоносителей, товаров народного потребления, продукции производственно-технического и военного назначения, с бестоварными экспортно-импортными операциями, а также для незаконного перевода денежных средств на счета зарубежных банков и т.д. В результате этого увеличивается количество преступлений транснационального характера на территории России [9, с. 71].

Подобная тенденция скрывает высокую социальную опасность преступности для общества, поскольку значительно затрудняет возможности раскрытия, расследования подобных преступлений и выявления конкретной потерпевшей стороны.

Количественный рост преступности в сфере высоких технологий и её качественные характеристики, обусловленные частой реорганизацией судебно-следственной системы, несовершенство законодательства и частое его изменение лишь способствуют стремительному развитию преступлений в сфере высоких технологий. Кроме того, законода-

тельство часто не поспевает за развитием техники, а подготовка сотрудников правоохранительных органов является недостаточной для решения поставленных задач, связанных с охраной информационной безопасности России.

В настоящее время в отечественной уголовно-правовой доктрине всё ещё не имеется чёткого определения понятия преступлений в сфере высоких технологий, а также того, какие преступные деяния следует относить к подобным преступлениям – высказываются различные точки зрения. Сложность в формулировках этих понятий существует по причине как невозможности выделения единого объекта преступного посягательства, так и множественности предметов преступных посягательств с точки зрения их уголовно-правовой охраны. Например, Ю.М. Батулин считает, что компьютерных преступлений как особой группы преступлений в юридическом смысле не существует, отмечая, однако, при этом тот факт, что многие традиционные виды преступлений модифицировались из-за вовлечения в них вычислительной техники, и поэтому правильнее было бы говорить лишь о компьютерных аспектах преступлений, не выделяя их в обособленную группу преступлений [10, с. 129].

Другого, более определённого, взгляда в этом вопросе придерживается М.Ю. Дворецкий, который предлагает использовать термин «компьютерные преступления» для противозаконных действий, объектом или орудием для совершения которых являются электронно-вычислительные машины [11, с. 243].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в настоящее время существуют два основных подхода. Одна часть исследователей относит к рассматриваемым преступлениям действия, в которых компьютер является либо объектом, либо орудием посягательств [12]. При этом, в частности, кража самих компьютеров рассматривается ими как один из способов совершения компьютерных преступлений.

Исследователи же второй группы относят к компьютерным преступлениям только противозаконные действия в сфере автоматизированной обработки информации [13, с. 68]. Они выделяют в качестве главного классифицирующего признака, позволяющего отнести эти преступления в обособленную группу, общность способов, орудий, объектов посягательства. Иными словами, объектом посягательства является информация, обрабатываемая в компьютерной системе, а компьютер служит

орудием посягательства. Необходимо отметить, что законодательство многих стран, в том числе и России, стало развиваться именно по этому пути.

Так, в главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» определяются как общественно опасные деяния в отношении средств компьютерной техники:

– Статья 272. Неправомерный доступ к компьютерной информации.

– Статья 273. Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ.

– Статья 274. Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Полагаем, что под преступлениями в сфере высоких технологий как научной категории следует понимать виновно-совершенные, с использованием современных высоких технологий, общественно-опасные деяния, посягающие на интересы личности, общества и государства в информационной сфере.

К таким преступлениям могут быть отнесены:

1. Преступные деяния, в сфере высоких технологий, посягающие на неприкосновенность частной жизни, а также честь, достоинство и деловую репутацию.

2. Компьютерные преступления:

– неправомерный доступ к компьютерной информации;

– создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ;

– нарушения правил эксплуатации ЭВМ, систем ЭВМ или их сетей.

3. Телекоммуникационные (компьютерные) мошенничества и мошенничества с использованием банковских пластиковых и иных расчетных карт.

4. Преступные деяния, совершаемые посредствам сети Интернет (где сеть Интернет выступает как среда и средство организации преступной деятельности) и связанные:

– с содержанием данных (распространение порнографии);

– с пропагандой (оправданием), организацией террористической или экстремистской деятельности.

Мы предлагаем использовать термин «преступления в сфере высоких технологий» как уголовно-правовую категорию в российском и международном уголовном законодательстве, как научную категорию - в уголовно-правовой доктрине России, а также при преподавании такой учебной дисциплины,

как «Преступность в сфере высоких технологий», в целях подготовки специалистов в области применения современных высоких технологий в рамках уголовно-правовой специализации.

Широкомасштабное применение современных высоких технологий в преступной деятельности требует разработки качественно новых подходов к подготовке специалистов. Соответствующая концепция должна предусматривать не только обучение приемам выявления, расследования и пресечения рассматриваемых преступлений, но в первую очередь вооружение специалистов современными знаниями, позволяющими широко и эффективно применять современные высокие технологии в различных направлениях оперативно-розыскной, следственной и иной служебной деятельности. Информационное обеспечение деятельности правоохранительных органов связано не только с переводом системы криминальной информации на электронные носители, но и с широким применением территориально распределенных баз данных, вычислительных сетей для обмена оперативной информацией с использованием новых телекоммуникационных средств и систем для развития сотрудничества органов внутренних дел с зарубежными правоохранительными структурами в борьбе с транснациональной преступностью.

Информатизация органов внутренних дел открывает и новые направления в получении и обработке информации, особенно в сферах финансовой и экономической преступности. Применение современных информационных технологий в борьбе с преступностью позволяет внести новое содержание как в традиционные направления оперативно-розыскной деятельности, так и непосредственно в ее информационное обеспечение. В частности, применение современных компьютерных технологий в аналитической работе позволяет не только накапливать и анализировать оперативную, статистическую информацию, но и непосредственно добывать ее с помощью электронных средств, а также моделировать и прогнозировать развитие ситуаций как на территории России, так и за рубежом.

Создание комплексов «компьютерного анализа и разведки» и оснащение ими соответствующих оперативно-аналитических подразделений правоохранительных органов требует проведения соответствующих научно-исследовательских, учебно-методических работ, подготовки специалистов, обладающих как юридическими, так и специальными

ми техническими познаниями в сфере информационных технологий.

Известно, что одной из центральных и фундаментальных дидактических проблем является установление содержания обучения. Оно предполагает обоснованное и возможно более точное определение состава формируемых знаний, умений и навыков при оптимальном, с точки зрения подготовки специалиста, соотношении между ними. Анализ задач, состояния и практики борьбы с преступностью, с одной стороны, состояния и тенденций развития информационной сферы - с другой, позволили выделить ряд актуальных направлений применения современных информационных технологий в деятельности правоохранительных органов.

Прежде всего следует отметить, что в России также идет работа по формированию национальной системы органов, обеспечивающих национальную безопасность России в информационной сфере. Все это позволяет определить ту составляющую модель выпускника, которая, в конечном счете, и определила содержание специализации.

Программа подготовки и повышения квалификации обычно предусматривает как обучение дисциплинам юридического профиля, так и рассмотрение необходимых технических вопросов, проводятся практические занятия с использованием сетевых моделей объектов глобальных компьютерных сетей.

И это не может не отразиться на образовании, в том числе и юридическом. Можно без преувеличений сказать, что получаемые студентами знания имеют высокую степень теоретизированности и, как следствие, оторванность от практической деятельности. Кроме того, подготавливаемые выпускники являются специалистами широкого профиля в рамках той или иной специализации. Практика, наоборот, требует узко направленных специалистов со специальными, углубленными познаниями в той или иной области знаний. Для разрешения сложившейся обстановки необходимо разрабатывать новые образовательные программы, результатом использования которых будет подготовка юристов с узкой специализацией, вытекающей из существующих жизненных реалий.

Основная подготовка кадров должна осуществляться на национальном уровне. Одной из главных задач данного направления является создание современной кадровой, методической и материально-технической базы подготовки и переподготовки нужных специалистов. Система подготовки кадров

должна подкрепляться научными исследованиями соответствующего профиля. Развитие подобной системы должно не только исходить из требований сегодняшнего дня, но и учитывать тенденции изменения преступности в будущем.

Как показывает зарубежный опыт, не менее важно предусмотреть и развитие системы профессионального отбора при приеме сотрудников на работу в соответствующие подразделения правоохранительных органов и продвижении их по службе.

Полагаем, что лица осуществляющие борьбу с преступлениями в сфере высоких технологий, должны иметь следующие необходимые профессиональные качества:

- знание основ функционирования глобальных компьютерных сетей и телекоммуникационных систем, механизмов реализации сетевого обмена;
- навыки общения в «компьютерных» кругах, понимание особенностей этой среды, владение используемой здесь лексикой;
- знание современных операционных систем;
- понимание механизмов взлома вычислительных систем и методов противодействия им;
- умение читать и анализировать сложные системные файлы;
- владение аппаратными и программными средствами фиксации полученной информации и выявления подозрительных событий;
- умение доступно излагать в документах и устно сложную техническую информацию.

Подготовка таких специалистов, особенно в области борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий, относится к числу новых задач, поставленных практикой перед системой юридических образовательных учреждений.

Осуществление эффективной уголовной политики в области борьбы с преступлениями в сфере высоких технологий невозможно без наличия специальных знаний об особенностях совершения подобных преступлений.

Учебный материал, раскрывающий особенности совершения и квалификации преступлений в сфере высоких технологий, предусмотренный программами обучения, должен изучаться на лекционных, семинарских и лабораторно-практических занятиях, в рамках профилизации уголовно-правовой специализации. Кроме того, такой учебный материал должен включать в себя последние научные и практические данные ведущих ученых и практиков в этой области.

По нашему мнению, в рамках данной профилизации должны изучаться следующие спецкурсы:

– Компьютерное мошенничество, проблемы квалификации мошенничества с использованием банковских пластиковых карт.

– Проблемы квалификации использования высоких технологий при совершении преступлений террористической направленности.

– Проблемы квалификации преступлений в сети Интернет.

– Квалификационные вопросы соучастия в преступлениях в сфере высоких технологий.

– Расследование преступлений в сфере высоких технологий.

– Анализ, обобщение и применение законодательства и судебной практики зарубежных стран по делам о преступлениях в сфере высоких технологий.

В последнее время растет спрос на узких специалистов в этой сфере. И высшие учебные заведения должны, на наш взгляд, создавать такую элиту. В практическую сферу борьбы с преступностью должны приходить специалисты, не просто знающие те или иные законы, но и понимающие специфику их реализации. Под этим девизом и должны разрабатываться новые учебные программы [14].

Литература

1. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Технология>. (Дата обращения 12.09.2011).

2. Карпов В. С. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: Автореф. дис... канд. юр. наук: 12.00.08. Красноярск, 2002.

3. Черкасов В.Н. Теория и практика решения организационно-методических проблем борьбы с экономической преступностью в условиях применения компьютерных технологий. М., 1994.

4. Колобов О.А., Яснев В.А. Информационная безопасность и антитеррористическая деятельность современного государства. Нижний Новгород, 2001.

5. Батурич Ю.М. Компьютерные преступления. М., 2002.

6. Косынкин А.А. Противодействие расследованию преступлений в сфере компьютерной информации // Следователь. 2007. № 3.

7. Информационная безопасность России в условиях глобального информационного общества. М., 2002.

8. Хилута В. Компьютерные хищения // Законность. 2009. № 1.

9. Букин Д. Хакеры. О тех, кто делает это // Рынок ценных бумаг. 1997. № 23.

10. Батурич Ю.М. Проблемы компьютерного права. М., 1991.

11. Дворецкий М.Ю. Преступления в сфере компьютерной информации: Учебное пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003.

12. Батурич Ю.М., Жодзишский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. М., 1991.

13. Гончаров Д. Квалификация хищений, совершаемых с помощью компьютеров // Законность. 2001. № 11.

14. См., например: Фоменко А.И. Преступность в сфере высоких технологий: Учебно-методический комплекс (РЮИ РПА МЮ). Ростов-на-Дону, 2010.

УДК 378.147

Попова С.А.,
Бокова И.Н.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИН КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА

С точки зрения философии, методология – учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности [1, с. 10-11]. В этом широком смысле методология составляет необходимый компонент всякой деятельности, поскольку последняя становится предметом осознания, обучения и рационализации. Методологическое знание выступает в форме как предписаний и норм, в которых фиксируется содержание и последовательность определенных видов деятельности (нормативная

методология), так и описания фактически выполненной деятельности (дескриптивная методология). И в первом, и во втором случаях основной функцией этого знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического использования какого-либо объекта.

Методология науки дает характеристику компонентов научного исследования – его объекта, предмета анализа, задач исследования, совокупности исследовательских средств, необходимых для

решения задачи данного типа, а также формирует представление о последовательности движения исследователя в процессе решения задачи. Д.А. Керимов отмечает: «Методология права, равно как и другие отраслевые методологии, представляет собой в известном смысле метанаучные знания» [2, с. 96].

Методология уголовного права определяет содержательную специфику его метода – систему приемов и операций, средств и инструментария исследования уголовно-правовых явлений и понятий. На современном этапе уголовное право располагает арсеналом методов. Наряду с диалектическим, историко-сравнительным используются логико-юридический, сравнительно-правоведческий, системный методы.

Реформирование высшего образования в современной России происходит в условиях его интеграции на разных уровнях. Это обусловлено развитием информатизации современной науки и практики, тенденцией к взаимопроникновению одних областей знаний в другие, к поиску междисциплинарных подходов в объяснении современной картины мира, который сам по себе многомерен, непрерывен, объективен, интегративен.

Явления объективного мира не существуют изолированно в отдельных конкретных науках, они находятся в тесной связи, единстве с другими. Проявлением такого единства являются объективные межпредметные связи. Учёт этих связей устраняет разобщённость предметов, позволяет поддерживать интерес к другим предметам. Знания студентов становятся глубже и прочнее. Отсюда вывод: большинство студентов в процессе обучения не используют важнейшую интеллектуальную способность человека – способность к сравнению, анализу и классификации получаемой извне информации.

Деятельность преподавателя – одна из наиболее сложных и ответственных. Каждодневно ему приходится решать широкий круг задач обучения, воспитания и развития студентов. А деятельность преподавателя дисциплин криминального цикла является сложной еще и потому, что в современных условиях преподаватель через собственную систему ценностей должен решить, какая концепция наиболее точно отвечает его собственным взглядам, его собственному мировоззрению и пониманию дисциплины в целом. Самоопределение преподавателя подразумевает постановку вопросов: «Зачем нужно знать эту дисциплину? Какова цель ее преподавания в вузе?». Понимание цели изучения данной

дисциплины – это овладение законодательством и суммой знаний правовых фактов, необходимых для практической жизни, для умения ориентироваться в социальной среде и социальных процессах.

Под активными методами понимаются такие, в которых субъектную, активную позицию студент занимает по отношению к преподавателю, другим студентам и/или индивидуальным средствам обучения, таким, например, как компьютер, рабочая тетрадь или учебник. Под интерактивными подразумеваются методы, при использовании которых студент получает новое знание только в результате позитивного взаимодействия с другими студентами. Позитивное взаимодействие – основополагающий принцип интерактивных (коллективных) методов обучения, смысл которого заключается в достижении результата усилиями рабочей группы, но при индивидуальной отчетности и ответственности каждого члена этой группы.

Таким образом, интерактивные методы представляют собой некоторую разновидность активных методов обучения, одним из которых является интегративный метод. Исследуемый метод интеграции (интегративный метод) понимается в нескольких значениях: интегративный метод в науке уголовного права, в отрасли уголовного права, в преподавании учебных дисциплин.

В настоящее время сложно (хотя можно) дифференцировать данный метод в отрыве науки от отрасли уголовного права, они неразрывно связаны, оказывают друг на друга воздействие. Поэтому применительно к науке уголовного права и отрасли уголовного законодательства этот метод познания возможно применять объединительным способом.

Отсюда возникают задачи:

- помочь обучающимся усвоить всю совокупность фактов и явлений в их развитии, овладеть общей картиной мира;
- уменьшить разобщённость изучаемых предметов;
- повысить интерес студентов к учению и к предмету;
- повысить практическую направленность обучения.

Для решения этих задач в современной высшей школе существует интегративный подход.

Интеграция – это сближение, слияние школьных наук, не механическое соединение, а взаимопроникновение. Связующим звеном интеграции выступает целостная межпредметная ситуация. Конечной целью интеграции должно являться осу-

ществование межпредметных связей, формирование мировоззрения учащихся, единой целостной картины мира. Работая в среднем и старшем звене, необходимо сотрудничать с учителями смежных предметов. Темы таких уроков необходимо тщательно продумывать. Только тогда они позволят учащимся постигать многообразие и взаимосвязь явлений природы, лучше понять эти явления, а учителям дадут возможность полнее раскрыться, «почувствовать» проблемы смежных дисциплин.

Понятие интеграции берет свои истоки из математического понятия «интеграл» – целая величина, рассматриваемая как сумма своих бесконечно малых чисел. Интеграция (от лат. Integratio – восстановление, соединение) – процесс, результатом которого является достижение единства и целостности, согласованности внутри системы, основанной на взаимосвязи и взаимодополняемости отдельных специализированных элементов [3, с. 162].

Интегративность стала отличительным признаком современного гуманитарного знания, она является результатом реализации многочисленных глубинных связей между различными отраслями знания. Так, в рамках современных интегративных процессов зарождаются и плодотворно развиваются такие комплексные парадигмы юридического знания, как био-, психояридическая парадигма. Появление новых дисциплин позволяет юристам-ученым, практикам свести воедино уже имеющиеся знания, провести систематизацию, инвентаризацию имеющихся знаний.

Интегративность в общем случае является логическим следствием антропоцентрической направленности современного гуманитарного знания. Человек как мера всех вещей, как конечный объект и высшая точка исследовательского дерзания современной юридической науки предполагает, что различные аспекты и стороны человеческой деятельности и ее проявлений, которые составляли отдельные предметные области разных научных дисциплин, неизбежно стали восприниматься в своей совокупности.

Современное гуманитарное знание от анализа перешло к синтезу – синтезу сфер и областей исследовательского поиска, когда различные направления гуманитарного знания переживают состояние взаимной адаптации и взаимной ориентированности в связи с тем, что только в комплексе они способны решить поставленные перед ними задачи. Поверхностное понимание интегративности как механического соединения, некоей физической сопредель-

ности научных дисциплин уступило место более глубокому проникновению в их структуру. Сегодня предельно ясно, что речь идет о сопряжении проблематики и предметных областей – уголовного, гражданского, административного права.

Дальнейшее развертывание и реализация процесса совмещения сфер научного поиска усиливаются и усугубляются в связи с неизбежной необходимостью интегрирования методологических баз сопрягающихся научных парадигм и областей знания.

На кафедре уголовного права и криминологии данный метод преподавания используется как системообразующий, позволяющий связать воедино теоретические и практические знания преподавателей; адаптировать теоретические знания студентов, полученные на лекционных, семинарских и практических занятиях в институте, к практической деятельности, которая выражается в комплексном применении всех отраслей права. Более того, знания смежных дисциплин необходимы в силу того, что многие статьи особенной части УК РФ являются бланкетными.

Выделяются следующие виды интегративных занятий:

- а) внутрикафедральные;
- б) межкафедральные;
- в) внутриинститутские;
- г) межинститутские (межведомственные);
- д) в рамках студенческой научной конференции.

Указанный перечень интегративных занятий не является исчерпывающим, каждый преподаватель может дополнить его, исходя из индивидуальных методик преподавания. Общим для всех этих видов занятий является разработка и использование внутренних связей, объединяющих методические, научные, учебные элементы.

Преподавателями кафедры уголовного права и криминологии было проведено несколько занятий с применением данного метода, в частности, при преподавании учебной дисциплины «криминология». Преподавание криминологии на 3-м курсе, как показывает опыт, позволяет студентам лучше ориентироваться в избранной специализации и, следовательно, в последующей практической деятельности. Актуальность криминологической проблематики определяется теми задачами, которые на современном этапе государство ставит в плане борьбы с преступностью. В лекциях и на семинарских занятиях надлежит четко изложить директив-

ные предписания о профилактике правонарушений, достигнутые и перспективные средства их исполнения.

Условием улучшения преподавания криминологии является внедрение проблемного обучения. Проблемность преподавания означает фундаментальность, системность, актуальность, постановку нерешенных вопросов, новизну, сложность и дискуссионность, широкое применение методики диалога, когда студент включен в лабораторию мышления преподавателя и вместе с ним ищет решения вопросов.

Фундаментальность преподавания криминологии предполагает отбор для лекций и семинарских занятий стержневых в науке и практике тем. Без их постижения современный юрист не в состоянии результативно организовать и исполнять систему мер по профилактике преступлений и иных правонарушений. В криминологии таких центральных тем четыре. Это - преступность, личность преступника, причины преступности и ее профилактика. Изучение этих проблем необходимо как для познания реалий преступности и ее детерминант, так и для практической организации пресечения и нейтрализации причин и условий преступности.

Профилактика преступлений и иных правонарушений – непосредственный предмет криминологии. Будучи социолого-правовой наукой и дисциплиной, она дает важную информацию о социологии, социальной психологии, управлении, демографии, экономике, социальной статистике, способствует подготовке юриста широкого профиля и высокой культуры.

Системность преподавания криминологии — это правильное определение места данной науки и дисциплины среди других правовых и социологических наук. Особенность криминологии в том, что она является социолого-правовой наукой. Это значит, что криминологи должны обладать глубокими познаниями в различных областях знаний, тщательно отбирать информацию, помня, что социологический материал следует подчинять правовому, а весь в целом — практическим потребностям обучения эффективной профилактике преступности.

Обширными криминологическими знаниями должны ныне обладать юристы, работающие в различных отраслях экономики. Они участвуют в предупреждении экономических правонарушений и преступлений, консультируют и организуют работу подразделений общественной профилактики.

Лекция – основная форма в вузе, необычайно сложный педагогический элемент. Единой модели всех, без исключения, лекций нет и быть не может. Учитывая многообразие подходов к теоретическому осмыслению сущности и классификации активных методов обучения, представляется целесообразным использовать наиболее очевидный способ их классификации – адресный, т.е. определяющий направление использования того или иного способа на лекции. Таким образом, оказывается возможным разделить многочисленный арсенал педагогических воздействий, причисляемый к активным и интерактивным методам обучения, всего на три группы: индивидуальные, групповые и фронтальные

Фундаментальность чтения курса лекций по криминологии предполагает также солидную методологическую обоснованность читаемого материала. Изложение стержневых проблем криминологии должно базироваться на диалектико-материалистических категориях и закономерностях, прежде всего - законе единства и борьбы противоположностей, социальной детерминации, гносеологических законах формирования и функционирования различных видов, форм и уровней сознания общества, общностей и личности.

Проведению занятий по криминологии должна предшествовать длительная, тщательная подготовка, которая включала бы выбор темы, составление плана проведения занятия, определение целей, задач, практической направленности, подготовку учебно-методического материала и наглядных пособий.

Наряду с такими традиционными формами преподавания, усвоения и контроля знаний, как лекция и семинар, преподавателями и студентами активно должны апробироваться и новые формы: коллоквиумы, эксперт-семинары, деловые игры, моделирование криминогенных ситуаций и т.д. В Нижегородской правовой академии эти интерактивные формы обучения проводятся. Так, на семинарском занятии тема «Рецидивная преступность» была раскрыта с точки зрения уголовно-правовой проблематики, а далее были рассмотрены ее криминологические аспекты.

Занятие позволило студентам показать и реализовать знания, полученные ранее на занятиях по уголовному праву, применительно ко вновь изучаемому предмету – криминологии. Студенты одобрили данную форму проведения занятия, показали заинтересованность: выступали, выражали личную точку зрения. В итоге от студентов были получены

положительные отклики, готовность участвовать в таких занятиях.

Таким образом, исходя из анализа дисциплин криминального цикла, можно сделать вывод, что уголовное право граничит с целым рядом отраслей права и наук: с науками криминального цикла, криминологией, социологией, даже медициной, вся эта совокупность представляет собой единую и цельную область научного знания, состоит из суммы наук. В настоящее время уголовное право как отрасль законодательства мы все больше не можем рассматривать в отдельности от других отраслей – административного, налогового, таможенного пра-

ва. Поэтому сегодня стоит насущная необходимость развивать уже имеющиеся методологические инструменты, являющиеся переходными звеньями между уголовно-правовыми и иными институтами.

Литература

1. Философский словарь / Под ред. И.Г. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1991.
2. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000.
3. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

УДК 378.34

Чентеш И.,
Лазарева Н.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОПЫТ УНИВЕРСИТЕТА КОМЕНСКОГО (Г. БРАТИСЛАВА)

Общие сведения об Университете Коменского (г. Братислава). Братиславский Университет, названный в честь крупного чешского педагога Яна Амоса Коменского, – один из старейших вузов Словакии, входящий в ассоциацию университетов Европы «Утрехтская сеть» (ассоциация университетов Европы, способствующая интернационализации высшего образования путем организации летних школ, обмена студентами и преподавателями и взаимным присвоением степеней). Университет был основан вскоре после создания независимой Чехословакии в 1919 г. с помощью Карлова Университета в Праге, в результате чего долгое время значительную часть профессорско-преподавательского состава составляли чехи. Первоначально в университете был лишь один факультет – медицинский, однако уже в 1921 г. были открыты философский и юридический факультеты. В настоящее время Университет включает 13 факультетов, на которых обучается 28.228 студентов, из них на дневной форме обучения – 19.141 гражданин Словацкой Республики и 1.399 иностранных граждан.

Юридический факультет Университета был открыт в 1921 г., в настоящее время там работают 11 кафедр:

- 1) кафедра истории юриспруденции;
- 2) кафедра теории и социальных наук;
- 3) кафедра конституционного права;

- 4) кафедра административного и экологического права;
- 5) кафедра коммерческого, финансового и экономического права;
- 6) кафедра гражданского права;
- 7) кафедра трудового права и права социального обеспечения;
- 8) кафедра уголовного права, криминологии и криминологии;
- 9) кафедра международного и европейского права;
- 10) кафедра экономических наук и информационных технологий;
- 11) кафедра физической подготовки и спорта.

На юридическом факультете Университета обучается 2.408 студентов. Вуз обеспечивает три уровня высшего образования. Первая ступень обучения рассчитана на три года учебы и заканчивается присвоением выпускнику степени бакалавра (Bakalar); вторая – присвоением после двух-трех лет обучения степени магистра (Magister). Третья ступень предполагает 3–5 лет обучения и завершается присвоением степени доктора (Doktor), аналогичной PhD.

European Credit Transfer and Accumulation System - кредитная система образования на юридическом факультете Университета Коменского. Юридический факультет осуществляет присвоение степеней «бакалавр права», «магистр права», «док-

тор права» по результатам набора студентом определенного количества условных единиц (кредитов) в соответствии с общеевропейской системой ECTS (European Credit Transfer and Accumulation System). Указанная кредитная система, применяемая во всех странах – членах Европейского Союза, направлена на повышение уровня самообразования и творческого освоения знаний на основе индивидуализации, выборности образовательной траектории в рамках регламентации учебного процесса и учета объема знаний в виде кредитов.

Предполагается, что кредитная система представляет студентам ряд преимуществ:

- справедливую оценку трудозатрат студента;
- максимально возможную индивидуализацию обучения;
- возможность выбора студентом темпов обучения;
- способствует студенческой активности: предоставляет студенту возможность получать больше информации по программам обучения и возможность продолжать обучение в любом иностранном вузе, перешедшем на подобную систему обучения.

Все образовательные мероприятия (не только посещение лекций и семинаров, но и различные научные исследования, участие в конференциях и пр.), в которых участвует студент, измеряются с помощью так называемых кредитов. Общая нагрузка, возлагаемая на студента в течение учебного года, составляет 60 кредитов. Кредиты накапливаются, и, таким образом, для получения диплома бакалавра (обучение 3 года) необходимо набрать 180 кредитов, для получения степени магистра (обучение 2 года) – еще 120. В итоге, за полный курс обучения в бакалавриате и магистратуре студенту необходимо накопить 300 кредитов.

Каждая учебная программа включает в себя определенное количество курсов, которые подразделяются на обязательные, дополнительные и факультативные. С учетом этого студент самостоятельно или с помощью тьютора составляет свою индивидуальную программу обучения, соответствующую его будущей профессии. Установлены также периоды проверки знаний студентов, во время которых они и «зарабатывают» свои кредиты: зимний семестр (16 сентября – 18 декабря, сессия: 3 января – 2 февраля) и летний семестр (15 февраля – 14 мая, сессия: 17 мая – 30 июня).

При этом студенты могут самостоятельно регулировать свой темп обучения в течение семе-

стра и выбирать то количество курсов, которое они в состоянии усвоить. У студентов также имеется возможность часть своего образования получить за рубежом или в другом вузе Словакии, поэтому каждый Университет, участвующий в ECTS, обязан предоставить информацию о своих образовательных программах.

Бакалавриат. Итак, первой ступенью получения юридического образования в Словакии является бакалавриат. Программа обучения включает: регулярные тесты, экзамены, государственные экзамены, представление диссертации. Обучение проводится по очной и заочной формам. Для студентов очной формы читаются лекции, организуются семинары и практические занятия. При этом только посещение семинаров и практических занятий является обязательным. Студенты, завершившие обучение на очной форме бакалавриата, имеют возможность продолжить обучение в очной магистратуре, рассчитанной на 2 года.

Обучение по заочной форме проводится в виде недельных консультаций трижды за семестр. Упор делается на рассмотрение наиболее сложных, дискуссионных вопросов. Присутствие на проводимых занятиях является обязательным. Студенты, окончившие бакалавриат заочно, имеют возможность продолжить заочное обучение в магистратуре, рассчитанное на 3 года.

Приоритетами в обучении бакалавров является подготовка выпускников, которые:

- оправдают ожидания на должностях, требующих в соответствии с законодательством первой ступени высшего юридического образования;
- смогут без каких-либо трудностей продолжить обучение в магистратуре;
- обладают необходимыми теоретическими и практическими навыками, необходимыми для работы в сфере государственного или муниципального управления, а также имеют потенциал для дальнейшего развития своих знаний в области права.

Учебной программой предусмотрено приоритетное изучение истории права, а также конституционного права, финансового права, административного права, гражданского права, трудового права и международного права. При этом уголовно-правовые дисциплины вообще не изучаются на первой ступени обучения.

Государственный экзамен для получения степени бакалавра проводится по административному праву (которое является обязательным), конституционному, финансовому и трудовому. Таким

образом, программа обучения бакалавров ориентирована на карьеру в сфере государственного и муниципального управления. Помимо этого, студенты могут выбрать несколько факультативных курсов, преподаваемых на английском/немецком/французском языках, или иные факультативные курсы, которые, по мнению студентов, пригодятся им в их последующей работе.

Как отмечалось, за время обучения по программе бакалавриата студент должен накопить 180 кредитов из расчета 60 кредитов за каждый учебный год (по 30 - в каждом семестре). Учитывается наличие конспектов лекций, подготовка к семинарским занятиям, выполнение домашних заданий, а также работа в юридической клинике.

Завершается обучение сдачей государственного экзамена и защитой дипломной работы. Причем, первичной является защита дипломной работы, объем которой не должен превышать 30 страниц. И только после успешной защиты студент допускается к государственному экзамену, который состоит из письменной и устной части: после успешной сдачи письменного теста, студент допускается к устному экзамену.

Магистратура. Второй ступенью юридического образования является магистратура, обучение в которой проводится по очной (2 года) или заочной (3 года) формах. Магистерская программа на обеих формах обучения предназначена для лиц, имеющих степень бакалавра права и набравших необходимое количество кредитов в течение предыдущего обучения. Степень магистра открывает дорогу в любую юридическую профессию. Главной задачей обучения в магистратуре является привитие навыков проведения научных исследований, а также получение тех знаний, которые необходимы для карьеры в юридической практике или на государственной службе.

Обучение в магистратуре предполагает такие формы, как: лекции, семинары, практические занятия, консультации, регулярные тесты, работа в юридических клиниках, участие в конференциях, разработка научных проектов, производственные стажировки, факультативные семинары, написание дипломной работы. При этом так же, как и для бакалавров, посещение лекций является свободным, семинаров и практических занятий – обязательным. Магистерская система подготовки является продол-

жением обучения бакалавров, а потому некоторые курсы тесно связаны с теми, которые изучаются на первой ступени. Для лучшего понимания публичного и частного права изначально большое внимание уделяется теории права.

Следует отметить, что предметы уголовно-правового цикла начинают изучаться только в магистратуре, поскольку степень бакалавра не дает права для работы в правоохранительных органах.

Целью магистерской подготовки является привитие навыков проведения научных исследований, через которые выпускники приобретают знания и опыт, необходимый в дальнейшей юридической практике и на государственной службе. Обязательным требованием к проводимым научным исследованиям магистров является тесная связь темы и содержания исследования с потребностями практики. При этом внимание должно быть уделено не только национальному законодательству, но и в обязательном порядке законодательству Европейского Союза. Подобный универсальный подход обеспечивает возможность обучения в магистратуре не только гражданам Словацкой Республики, но и гражданам государств – членам ЕС. С этой целью подобраны и курсы лекций, читаемые для магистров, причем в основной массе лекторами-практиками.

Докторская программа обучения. Целью докторской программы обучения является подготовка новых преподавателей юриспруденции. Обучение по этой программе предоставлено только лицам, имеющим степень магистра, поскольку предполагается, что выпускники усвоили методы исследования в юридической науке и определились с тематикой исследования. Сроки обучения: 3 года на очной и 5 лет на заочной форме обучения. При этом докторант допускается к сдаче диссертационных экзаменов не позднее, чем через 18 месяцев при дневной форме обучения и 3 лет при заочной форме. Допуск к защите диссертации возможен только после того, как докторант наберет 150 кредитов. Докторская диссертация объемом не менее 80 и не более 120 страниц представляется либо на словацком, либо на любом иностранном языке (с разрешения декана).

В настоящее время в соответствии с имеющимися аккредитациями Университет проводит обучение в следующих областях: конституционное право, коммерческое и финансовое право.

О МАГИСТРАТУРЕ И ПОДГОТОВКЕ МАГИСТРОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

1. Магистратура как вторая ступень высшего образования

Магистратура получила закрепление в образовательной системе Республики Беларусь почти двадцать лет назад на заре становления ее как самостоятельного государства, когда в соответствии со ст. 32 Закона Республики Беларусь от 29.10.1991 № 1202-ХІІ «Об образовании» в структуру высшего образования были включены такие ступени, как бакалавриат и магистратура [1]. Однако фактически институт магистратуры «заработал» лишь в конце 90-х гг. прошлого века после окончания переходного периода от советской к нынешней системе высшего образования, сочетающей в себе элементы европейской системы высшего образования, основанной на Лиссабонской конвенции 1997 г. и Болонской декларации 1999 г., а также советской системы высшего образования.

В настоящее время институт магистратуры регламентируется Кодексом Республики Беларусь об образовании от 13.01.2011 № 243-3, вступающим в силу с 1 сентября 2011 г. [2], а также рядом иных нормативных правовых актов.

Согласно этим нормативным правовым актам магистратура является II ступенью высшего образования, во время которого осуществляется углубленная подготовка специалиста, формирование знаний, умений и навыков научно-педагогической и научно-исследовательской работы с присвоением степени магистра.

Лица, обучающиеся в магистратуре, именуются магистрантами и имеют статус студентов, обучающихся на II ступени высшего образования.

На II ступени высшего образования реализуется образовательная программа высшего образования II ступени двух видов:

1) образовательная программа II ступени, формирующая знания, умения и навыки научно-педагогической и научно-исследовательской работы и обеспечивающая получение степени магистра,

2) образовательная программа II ступени с углубленной подготовкой специалиста, обеспечивающая получение степени магистра.

Из предусмотренных в законодательстве об образовании учреждений высшего образования правом на подготовку магистров наделены только

следующие учреждения высшего образования, прошедшие государственную аккредитацию:

1) классический университет – учреждение высшего образования, которое реализует: образовательную программу высшего образования I ступени, обеспечивающую получение квалификации специалиста с высшим образованием, по разным профилям образования, направлениям образования; образовательную программу высшего образования II ступени, формирующую знания, умения и навыки научно-педагогической и научно-исследовательской работы и обеспечивающую получение степени магистра; образовательную программу высшего образования II ступени с углубленной подготовкой специалиста, обеспечивающую получение степени магистра, по разным профилям образования, направлениям образования; образовательные программы послевузовского образования; образовательную программу повышения квалификации руководящих работников и специалистов; программу воспитания и защиты прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении; выполняет фундаментальные и прикладные научные исследования, функции научно-методического центра по соответствующему профилю (профилям) образования, а также может реализовывать образовательную программу высшего образования I ступени, обеспечивающую получение квалификации специалиста с высшим образованием и интегрированную с образовательными программами среднего специального образования, по соответствующим профилям образования, направлениям образования; образовательные программы дополнительного образования взрослых (за исключением образовательной программы повышения квалификации руководящих работников и специалистов); образовательную программу среднего образования; образовательные программы профессионально-технического образования; образовательные программы среднего специального образования по отдельным специальностям; образовательную программу дополнительного образования детей и молодежи;

2) профильный университет (академия, консерватория) – учреждение высшего образования, которое реализует образовательную программу

высшего образования I степени, обеспечивающую получение квалификации специалиста с высшим образованием, по одному или нескольким профилям образования; образовательную программу высшего образования II степени, формирующую знания, умения и навыки научно-педагогической и научно-исследовательской работы и обеспечивающую получение степени магистра; образовательную программу высшего образования II степени с углубленной подготовкой специалиста, обеспечивающую получение степени магистра, по одному или нескольким профилям образования; образовательные программы послевузовского образования; программу воспитания и защиты прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении; выполняет фундаментальные и прикладные научные исследования, функции научно-методического центра по соответствующему профилю (профилям) образования, а также может реализовывать образовательную программу высшего образования I степени, обеспечивающую получение квалификации специалиста с высшим образованием и интегрированную с образовательными программами среднего специального образования, по соответствующему профилю (профилям) образования; образовательные программы дополнительного образования взрослых; образовательную программу среднего образования; образовательные программы профессионально-технического образования; образовательные программы среднего специального образования по отдельным специальностям; образовательную программу дополнительного образования детей и молодежи;

3) институт – учреждение высшего образования, которое реализует образовательную программу высшего образования I степени, обеспечивающую получение квалификации специалиста с высшим образованием, по одной или нескольким близким специальностям одного или нескольких профилей образования; программу воспитания и защиты прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении; выполняет фундаментальные и прикладные научные исследования по соответствующей специальности (специальностям) одного или нескольких профилей образования, а также может реализовывать образовательную программу высшего образования II степени, формирующую знания, умения и навыки научно-педагогической и научно-исследовательской работы и обеспечивающую получение степени магистра; образовательную программу высшего образования II степени

с углубленной подготовкой специалиста, обеспечивающую получение степени магистра, по одной или нескольким близким специальностям одного или нескольких профилей образования; образовательные программы послевузовского образования; образовательную программу высшего образования I степени, обеспечивающую получение квалификации специалиста с высшим образованием и интегрированную с образовательными программами среднего специального образования, по одной или нескольким специальностям одного или нескольких профилей образования; образовательные программы профессионально-технического образования; образовательные программы дополнительного образования взрослых; образовательную программу дополнительного образования детей и молодежи. В институтах, находящихся в подчинении Национальной академии наук Беларуси, реализация образовательной программы высшего образования I степени, обеспечивающей получение квалификации специалиста с высшим образованием, не является обязательной.

Подготовка магистров осуществляется на базе нескольких видов учебных программ, иерархия которых выглядит следующим образом.

Главенствующей является типовая учебная программа по соответствующей учебной дисциплине. На базе типовой учебной программы по соответствующей учебной дисциплине формируются учебные программы названных выше видов учреждений высшего образования. Допускается использование экспериментальных учебных программ по учебным дисциплинам.

Наконец, предусмотрено принятие программ-минимумов кандидатских экзаменов по общеобразовательным дисциплинам и программ-минимумов кандидатских зачетов (дифференцированных зачетов) по общеобразовательным дисциплинам.

В программах-минимумах кандидатского экзамена по общеобразовательной дисциплине и программах-минимумах кандидатского зачета (дифференцированного зачета) по общеобразовательной дисциплине определяются цели и задачи изучения соответствующей общеобразовательной дисциплины, ее содержание, время, отведенное на изучение отдельных тем, основные требования к результатам учебной деятельности магистранта, рекомендуемые формы и методы обучения и воспитания. Указанные программы-минимумы кандидатского экзамена (кандидатского зачета) по общеобразовательным дисциплинам являются тех-

ническими нормативными правовыми актами. Они разрабатываются и утверждаются Министерством образования Республики Беларусь.

На основе названных учебных программ, а также учебного плана учреждения высшего образования по специальности (направлению специальности, специализации) готовится индивидуальный план работы магистранта, в котором предусматриваются мероприятия по освоению образовательной программы высшего образования II ступени первого или второго вида и устанавливается перечень и последовательность изучаемых учебных дисциплин, объем учебной нагрузки, включающий программу подготовки магистерской диссертации, прохождения практики, осуществления научно-исследовательской работы, формы и сроки отчетности.

Индивидуальные планы работы магистрантов разрабатываются учреждениями высшего образования и утверждаются их руководителями.

Деятельность магистранта по освоению содержания образовательных программ подвергается контролю. Этот контроль осуществляется в виде текущей и итоговой аттестации.

Формами текущей аттестации магистрантов при освоении содержания образовательной программы высшего образования II ступени первого вида являются:

- зачет (дифференцированный зачет);
- экзамен по учебной дисциплине;
- кандидатский зачет (дифференцированный зачет) по общеобразовательной дисциплине;
- кандидатский экзамен по общеобразовательной дисциплине.

Перечень общеобразовательных дисциплин, по которым сдаются кандидатские зачеты (дифференцированные зачеты) и кандидатские экзамены, устанавливается Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь.

Формами текущей аттестации магистрантов при освоении содержания образовательной программы высшего образования II ступени второго вида являются:

- зачет (дифференцированный зачет);
- экзамен по учебной дисциплине.

Результаты текущей аттестации магистрантов оцениваются отметками в баллах по десятибалльной шкале либо отметками «зачтено» или «не зачтено». Положительными являются отметки не ниже 4 (четырёх) баллов и «зачтено».

Итоговая аттестация магистрантов при освоении содержания образовательной программы высшего образования II ступени обоих видов проводится в форме защиты магистерской диссертации.

Удивительно, но Кодекс об образовании не определяет требования, предъявляемые к содержанию и форме магистерской диссертации. В самом общем виде они представлены в Положении о второй ступени высшего образования (магистратуре), утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18.01.2008 № 68 [3]. Согласно пункту 19 этого Положения магистерская диссертация «является самостоятельным научным исследованием, направленным на формирование методологических представлений и методических навыков обучающегося в избранной области деятельности (научно-исследовательская, научно-педагогическая, инновационная) и содержащим аналитический обзор по теме, соответствующей специальности и отрасли науки, по которым планируется обучение в аспирантуре (адъюнктуре)».

Результаты итоговой аттестации магистрантов оцениваются отметками «защитил(а)» с отметкой в баллах по десятибалльной шкале или «не защитил(а)». Положительной является отметка «защитил(а)» с отметкой не ниже 4 (четырёх) баллов.

Магистрантам, не прошедшим итоговую аттестацию в установленный срок без уважительной причины или получившим по ее результатам отметки «защитил(а)» с отметкой ниже 4 (четырёх) баллов или «не защитил(а)», предоставляется право прохождения итоговой аттестации во время работы государственной экзаменационной комиссии, но не ранее чем через десять месяцев в течение двух лет после отчисления из учреждения высшего образования, если они осваивали содержание образовательной программы высшего образования II ступени обоих видов.

Студенты, успешно завершившие курс подготовки и освоившие содержание образовательной программы высшего образования II ступени первого или второго видов, получают диплом магистра. Вместе с дипломом магистра выдаются приложения к ним в виде выписки итоговых отметок (выписки из зачетно-экзаменационных ведомостей), которые без соответствующего документа об образовании недействительны.

Магистратура является ступенькой для дальнейшего повышения образования. Диплом магистра дает его владельцу право на продолжение об-

разования на уровне послевузовского образования и на трудоустройство по полученной специальности (направлению специальности, специализации) и присвоенной квалификации.

Следует отметить, что до недавнего времени существовали ограничения на использование материалов магистерской диссертации в кандидатской диссертации. Так, предусматривалось, что они не могли включаться в положения, выносимые на защиту, и в выводы, а их объем не должен был составлять более одной пятой объема основной части кандидатской диссертации (см. п. 25 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 17.11.2004 № 560 [4]). Однако Указом Президента Республики Беларусь от 17.11.2009 № 556 указанное правило было исключено из названного нормативного правового акта [5]. Как следствие, результаты исследования, отраженные в магистерской диссертации, могут без каких-либо ограничений использоваться в кандидатской диссертации вчерашнего магистра, а ныне соискателя ученой степени кандидата наук.

2. Подготовка магистров уголовно-правового профиля

Как представляется, профильная подготовка магистров по уголовно-правовой специальности должна осуществляться по теме, которая может стать впоследствии темой кандидатской диссертации. В особенности такой подход заслуживает всяческой поддержки в случае, когда магистрант обучается по первому виду образовательной программы высшего образования II ступени, направленной на формирование знаний, умений и навыков научно-педагогической и научно-исследовательской работы и обеспечивающей получение степени магистра. Именно при этом виде образовательной программы магистрант сдает кандидатские экзамены и зачеты по общеобразовательным дисциплинам в целях последующего обучения в аспирантуре (адъюнктуре). И в период подготовки кандидатской диссертации ему останется сдать лишь кандидатский экзамен по специальности и сосредоточиться исключительно на диссертационном исследовании.

В начальной стадии магистратуры велика роль руководителя магистранта, который отвечает за руководство научно-исследовательской работой студента. Назначаемый из числа преподавателей, имеющих ученую степень и ученое звание, руко-

водитель должен помочь магистранту в выборе и формулировании темы магистерской диссертации, являющейся актуальной для науки уголовного права, криминологии или уголовно-исполнительного права, нормотворческой и (или) правоприменительной практики.

Не меньшее значение имеет план магистерской диссертации. До сознания магистранта следует донести, что добротный подготовленный план магистерской диссертации – это инструмент, который позволит ему более или менее точно определить направления исследования, подбор нормативных, литературных и иных источников, подлежащих изучению, а также области нормотворческой и правоприменительной деятельности, которые должны быть вовлечены им в сферу исследования.

План магистерской диссертации крайне важен и для достижения максимально высокого уровня систематизации и использования собираемого и изучаемого материала. Если получаемый магистрантом материал в результате исследования им нормативных, литературных и иных источников фиксируется на бумажном или электронном носителе в виде неких выписок, цитат без определенной систематизации, то последующее его использование потребует повторного анализа на предмет отношения его к той или иной части магистерской диссертации. Если магистрант имеет детальный план диссертации, то отработка любого источника, любого материала правоприменительной практики должна сопровождаться выпиской, цитированием с обязательным указанием, к какому элементу магистерской диссертации он относится.

Тот или иной элемент диссертации (глава, параграф, подпараграф) должен получить в плане соответствующую нумерацию. Сделав выписку, магистрант тут же определяет отношение этого материала к соответствующему элементу своей диссертации посредством указания на его цифровое обозначение (метку). Например, перед цитатой из работы того или иного автора магистрантом выставляются в скобке цифры «2.1.1» и «3.1.3», означающие, что этот материал относится к главе 2 параграфу 1 подразделу 1 и главе 3 параграфу 1 подразделу 3. При написании соответствующего элемента магистерской диссертации по проставленной метке анализируется только тот материал, который имеет отношение к этому структурному элементу диссертации, равно как и сопровождающие этот материал собственные суждения магистранта по поводу сделанных им выписок (цитат).

При большом обилии литературных источников по многим вопросам уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права задача руководителя научно-исследовательской работы магистранта сводится к тому, чтобы сориентировать его в этом безбрежном море источников на изучение заслуживающих внимания работ, как признанных специалистов, так и тех, кто провел новейшие исследования по теме исследования магистранта, представив их в виде монографий, статей в авторитетных журналах, авторефератах диссертаций и в ином виде.

Современные возможности получения информации в Интернете и справочно-поисковых базах (например, «КонсультантПлюс»), включая информацию по уголовно-правовой тематике, и такие же широкие возможности ее копирования порождают у некоторых магистрантов желание использовать чужие произведения или их части без указания авторства. На начальных этапах руководства научно-исследовательской работой магистранта его руководителю надлежит напомнить студенту соответствующие нормы законодательства об авторском праве и правила научной этики и пресекать малейшие попытки отступления от этих предписаний при отработке подготовленных магистрантом тезисов, статей и магистерской диссертации (ее частей).

Составной частью научно-исследовательской работы магистранта должен стать, пусть небольшой, опыт написания авторских работ, подготовка их к опубликованию, равно как и приобретение навыков выступления с сообщениями и докладами на заседаниях профильной кафедры и конференциях (семинарах). Подобная работа отражается в индивидуальном плане работы магистранта и требует соответствующего внимания со стороны руководителя научно-исследовательской работы магистранта.

Особое значение имеют международно-правовые акты, как получившие статус норм международных договоров Республики Беларусь, так и не имплементированные в белорусское национальное законодательство. Закрепленный в Основном Законе белорусского государства принцип, согласно которому Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства, обязывает магистранта производить анализ законодательства и правоприменительной практики через призму таких норм.

Бланкетный характер немало числа уголовно-правовых норм, доходящий в Особенной части УК почти до 70 % [6, с. 5; 7], обязывает руководителя научно-исследовательской работой магистранта обратить внимание студента на необходимость изучения соответствующих нормативных правовых актов иных отраслей законодательства и посвященных им работ специалистов неуголовно-правового профиля, равно как указать и на методику работы с таким законодательством.

Процессы конвергенции, взаимопроникновения норм различных правовых систем друг в друга, отличающие современное развитие права, требуют включить в исследование магистранта и блок вопросов сравнительного правоведения, относящихся к изучению законодательного опыта иностранных государств в сфере формулирования уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, а также опыта проведения криминологических исследований.

Подавляющее большинство вопросов из области уголовного и уголовно-исполнительного права имеет составляющую, посвященную реализации норм этих отраслей права. Данный аспект научно-исследовательской работы магистранта представляется значимым, и руководителем должна быть поставлена задача по его отработке, в том числе путем указания тех сфер деятельности судов, правоохранительных и иных органов, которые причастны к формированию этой практики, перечислить способы ее изучения. Методике проведения таких исследований, включая проведение криминологических исследований, следует посвятить один из коллоквиумов, которые руководитель научно-исследовательской работы магистранта будет проводить со студентом.

Знания, умения и навыки научно-педагогической работы приобретаются магистрантами при изучении специальных курсов, в том числе по дисциплинам уголовно-правового профиля (например, специальный курс по теме «Проблемы уголовно-правовой охраны собственности», «Проблемы нормотворческой техники при формулировании уголовно-правовых запретов с бланкетной диспозицией», «Проблемы разграничения предмета правового регулирования уголовного и уголовно-исполнительного права»). При чтении этих курсов внимание преподавателя должно быть акцентировано как на проблемных вопросах соответствующих правовых дисциплин, так и на методике их изучения и донесения до обучаемых в учебном процессе.

Литература

1. Закон Республики Беларусь от 29.10.1991 № 1202-ХП «Об образовании» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 37. 2/844.
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13.01.2011 № 243-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 13. 2/1795.
3. Положение о второй ступени высшего образования (магистратуре), утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18.01.2008 № 68 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2008. № 30. 5/26697.
4. Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 17.11.2004 № 560 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2004. № 180. 1/6013.

5. Указ Президента Республики Беларусь от 17.11.2009 № 556 «О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2004 г. № 560» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2009. № 277. 1/11118.

6. Барков А.В. Предисловие // Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф.Ахраменка, Н.А.Бабий, А.В.Барков и др. / Под общ. ред. А.В. Баркова. Минск: Тесей, 2003.

7. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: Издательский Дом «Городец», 2007; Наумов А.В. Влияние норм и принципов международного права на сближение уголовного права различных систем // Уголовное право в XXI веке: Материалы междунаро. на. учн. конф. М., 2001.

УДК 378 (574)

Алауханов Е.О.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Объективный процесс формирования в Казахстане новой правовой системы и системы социально-политического и экономического управления обуславливает острую потребность в подготовке и переподготовке управленческих кадров на фундаментальной юридической основе с учетом как традиционного, так и инновационного казахстанского и зарубежного опыта.

За последние годы из вузов выпускается все большее число неквалифицированных юристов, при этом многие выпускники не работают по специальности. В Западной Европе в настоящее время проходят серьезные дискуссии по вопросам юридического образования. Многие страны Западной Европы его реформируют. Это, например, касается Германии, где уже несколько лет обсуждается данная проблема, Италии, где этот вопрос включен в рамки реформы высшего образования, и, наконец, Франции, которая регулярно реформирует рассматриваемую систему и вновь обсуждает возможность проведения новых реформ. Подобные дискуссии проводятся и в Бельгии и, частично, в Голландии. Таким образом, казахстанские юристы не являются единственными, кто испытывает трудности в этой области.

В развитых странах не менее трети работоспособного населения имеет высшее образование. Казахстан успешно движется к такому показателю. Так, число вузов в Казахстане на 2004 г. составляло 180, из них частных – 134. Численность студентов – 658,1 тыс., в том числе на очном – 312 тыс., на вечернем – 2,1 тыс., на заочном – 344 тыс. человек. В частных вузах количество студентов – 297,9 тыс., в том числе на дневном отделении – 115,8, на заочном – 180,1, на вечернем – 2,0 тыс. человек. При этом вузы расположены на огромной территории страны крайне неравномерно: 69 находятся в Алматы, 19 – в Южно-Казахстанской и 15 – в Карагандинской области.

Сегодня вузы нашей страны выпускают много юристов, как минимум вдвое больше, чем требуется. А вот высокопрофессиональных юристов, чья квалификация устраивала бы конкретную компанию, конкретный государственный орган, найти всегда непросто. Это могут подтвердить руководители министерств и ведомств, крупных корпораций и национальных компаний.

В Казахстане функционируют множество частных вузов, и многие из них открывают юридические кафедры и факультеты. Несмотря на очевидное перепроизводство, высшее юридическое образование

остаётся престижным и привлекательным для выпускников школ и их родителей. Считается, что не важно, будет или не будет выпускник работать по специальности, но диплом юриста в жизни пригодится. Этим пользуются действующие вузы, возникают новые, открывают платные факультеты, платные отделения для подготовки юристов. И люди несут туда свои школьные аттестаты. А заодно и деньги, чтобы это высшее юридическое образование получить.

С недавнего времени в КазНУ им. аль-Фараби практикуется дистанционная форма обучения по многим дисциплинам для студентов заочной формы обучения. В этом случае студенты не имеют возможности побеседовать с преподавателем по спорным вопросам, предложить свою точку зрения, вступить в дискуссию. Представляется, что дистанционная форма обучения при получении высшего юридического образования является профанацией. Стать юристом на расстоянии невозможно. Дистанционное обучение является формой выкачивания денег из родителей, а также из людей, которые пришли за вторым высшим образованием. Однако я отнюдь не предлагаю упразднить такую форму обучения. Я считаю, что решением проблемы здесь должен быть не запрет дистанционного образования, а нахождение ниши для этого образования.

Одна из наиболее важных и необходимых мер в ходе реорганизации системы юридического образования – это борьба с коррупцией. В некоторых вузах можно не только купить положительную оценку на экзамене или зачете, но и поступить туда за деньги. Многие преподаватели, не стесняясь, называют сумму, которую необходимо заплатить студенту, дабы не быть отчисленным или получить удовлетворительную оценку. О каком качестве полученного в ВУЗе юридического образования можно говорить, когда зачастую студенты покупают дипломы и курсовые работы? Вузовская коррупция – не последняя причина массированного выпуска неквалифицированных юристов.

Одно из решений указанной проблемы – создание у обучаемых антикоррупционной мотивации, антикоррупционной этики, антикоррупционного стереотипа поведения. Конечно, в рамках учебного процесса можно показать студентам роль, которую играют в борьбе с коррупцией парламентский и общественный контроль, средства массовой информации и пр. И это надо делать. Однако в не меньшей мере здесь может помочь производственная практика. Например, на 1-2 курсе можно повести студен-

тов в зону, показать конкретные дела конкретных людей, которые имели все – образование, статус, но поддались коррупционному искушению. Пусть студенты посидят с ними в камере несколько часов, поговорят о будущем. Я уверен, это будет действовать как профилактика. В один день такая задача решена быть не может, но она вполне выполнима.

Далее, необходимо внедрить ведомственный или корпоративный заказ на подготовку юристов, чтобы выпускники попадали на работу в прокуратуру, финансовую полицию, коллегии адвокатов. Сегодня в нашей стране, к сожалению, на работу по юридической специальности люди с дипломом о юридическом образовании зачастую устраиваются «по знакомству» – по рекомендациям родственников, знакомых и пр. В Казахстане необходимо создавать такой кадровый фильтр, как «единый профессиональный экзамен для юристов», обязательный во многих странах Европы. То есть, заканчивая юридический вуз, каждый студент проходит государственную экзаменационную комиссию. Нужно кардинально улучшить качество оценки знаний, вводить в комиссию представителей общественности. Следует, кроме того, вернуться к практике не формального, а содержательного присутствия в госкомиссии представителей ведомства-заказчика, которые будут решать: подходит или не подходит им конкретный специалист.

Собственно квалификационный экзамен – это экзамен, который человек с дипломом юриста сдает по месту работы. Допустим, он пришел на работу в суд, или в органы прокуратуры, или к адвокатам. И там, до истечения испытательного срока, он должен сдать экзамен профессионалам в обязательном порядке. Если будет введена такая практика, это сразу сведет на нет проблему перепроизводства юристов. Все просто: если ты не сдал квалификационный экзамен, ты не стал представителем избранной тобой профессии.

Не меньший вес в повышении качества юридического образования имеет система управления служебной карьерой преподавателей, признание их социального статуса и финансовое обеспечение этого статуса. Качество преподавания все больше будет зависеть от радикальных изменений в сфере информатизации и технологизации учебного процесса. В современных условиях необходимо широко использовать возможности новых информационных и коммуникационных технологий, реализовывать новаторские концепции и методы. При нынешней финансовой ограниченности это сложная задача. Она

заключается в обеспечении вузов современной компьютерной техникой и создании на базе ведущих юридических учреждений системы переподготовки и повышения квалификации преподавателей в плане применения в учебном процессе информационных и телекоммуникационных технологий.

Качество научно-педагогических кадров играет определяющую роль в условиях трансформации общества в новых социально-экономических отношениях. Задачи, которые выполняют юридические высшие учебные заведения, имеют высокий уровень сложности. Следовательно, это требует от преподавателей вузов не только высокой компетентности, но и воли занимать передовые позиции, исходя из этических ценностей в соответствии с требованиями качества. Для улучшения юридического образования, приближения его к международным и европейским стандартам необходимо:

– завершить разработку и внедрение государственных стандартов высшего юридического образования с одновременным внедрением системы государственного контроля за уровнем профессиональной подготовки юристов;

– изучить обеспеченность юридическими кадрами с высшим образованием органов государственной исполнительной власти, правоохранительных, судебных органов социальной защиты

населения и определить потребности в специалистах по уровням подготовки и специализациям;

– разработать и утвердить перечень должностей, которые могут занимать выпускники высших учебных заведений с юридическим образованием в соответствии с образовательно-квалификационным уровнем;

– предусмотреть новые специализации в юридических учебных заведениях с учетом современных видов юридической практики;

– развивать международные связи в юридическом образовании, связанные с разработкой учебных программ и иных компонентов образования, направленных на интеграцию юридического образования в мировое образовательное пространство;

– создать гибкую разветвленную систему последипломного образования путем переподготовки и повышения квалификации специалистов по новым направлениям юридической науки и практики с оптимальными сроками, периодичностью обучения и обеспечением обновления его содержания;

– разработать и принять государственную программу поддержки издательств, выпускающих юридическую литературу.

Работы много. Но это - благородный труд в интересах государства и наших граждан.

УДК 378.22

Пащенко Е.А.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД ИЛИ СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ В МАГИСТРАТУРЕ

В России звание «магистр» было введено указом Александра I в 1803 году. Тогда же появилось звание «доктор», а позднее - и «кандидат». Магистр занимал промежуточное положение между кандидатом (лицо, окончившее университет с отличием) и доктором. Присуждение ученой степени магистра осуществлялось после сдачи магистерского экзамена (состоявшего из устной и письменной частей) и защиты диссертации на собрании университетского факультета; в некоторых случаях требовалась также публичная лекция. Подготовка к магистерскому экзамену занимала три-четыре года, известны лишь единичные случаи подготовки к этому экзамену за два года. Таким образом, дореволюционный ма-

гистр может быть приблизительно приравнен к современному кандидату наук.

В 1917 г. в России упраздняются все научные степени, и до 1934 г. ученых степеней не было.

Ключевые слова реформы образования — «Болонский процесс»: так принято называть процесс создания странами Европы единого образовательного пространства. Его начало было положено подписанием в 1999 г. в Болонье (Италия) Болонской декларации. В 2003 г. к Болонскому процессу присоединилась и Россия [1].

Несмотря на то, что двухуровневая модель «бакалавриат-магистратура» уже становится привычной, споры вокруг нее не утихают. В 2011 г. все

вузы России переходят на эту систему подготовки кадров. Такое решение было принято «наверху», хотя смысл «болонизации» большинству населения мало понятен. Более того, Болонский процесс конкурирует с одной из сильнейших (ранее) образовательных систем мира – российской.

Основания сомневаться в необходимости введения двухуровневой системы образования есть. На рынке труда наблюдается подозрительное отношение к бакалаврам, работодатели и общественность плохо представляют себе, в чем заключается специфика двухуровневого образования, является ли вообще бакалавр лицом с законченным высшим образованием. Также распространено мнение о том, что платный прием в магистратуру делает платным и «полноценное» высшее образование. За рубежом в магистратуру идут либо те, кто стремится к академической карьере, либо люди с опытом работы, готовящиеся занять более высокие позиции. У нас же в магистратуру идет большинство выпускников сразу по окончании бакалавриата. Это провоцирует обывательский вывод о том, что высшее пятилетнее сменилось на шестилетнее.

Существует и положительный «миф» о том, что российские дипломы станут автоматически признаваться за рубежом и это существенно облегчит трудоустройство наших выпускников в странах — участницах Болонского процесса.

Впрочем, «плюсы» у двухуровневой схемы тоже имеются. Можно попытаться получить «составное» образование из двух неодинаковых частей (например, человек, желающий в будущем заниматься правовой экономической деятельностью, будет учиться в бакалавриате по экономике, а в магистратуре - по направлениям юриспруденции), в некоторых случаях это может быть полезным. Также вариант с бакалавриатом предпочтительнее, если нет уверенности в том, что выбрана нужная область деятельности - за счет двух уровней можно будет сместиться куда-то в сторону, если за четыре года наступит разочарование в выборе первой специальности, что в эпоху поголовного увлечения экономикой и юриспруденцией не редкость.

Какие последствия для образовательного процесса несет переход со специалитета на бакалавриат-магистратуру? Что такое магистратура?

А. Фурсенко отметил [2], что сегодня невозможно предсказать потребность российской экономики в тех или иных специалистах сроком на пять-семь лет, поэтому высшее профессиональное образование в форме бакалавриата как базы являет-

ся более предпочтительным, чем подготовка узких специалистов.

Президент РФ Дмитрий Медведев считает оправданным решение перейти от подготовки студентов в университетах по специальностям к системе бакалавриата и магистратуры и отмечает, что студенты должны иметь право выбирать, по какой системе они хотели бы учиться. «Мы пошли на это с душевным трепетом... но мы это сделали, и, мне кажется, результаты вполне нормальные», – сказал Медведев на встрече со студентами и преподавателями Киевского госуниверситета во вторник, 18 мая 2010 г. «У нас нет глубокого противоречия между двумя этими треками образования, и я думаю, что и дальше эта ситуация будет выравниваться», – отметил он. При этом Медведев подчеркнул, что каждый студент должен иметь право выбора, какое образование он хотел бы получить. «Мы и дальше будем продвигаться по пути Болонского процесса...», – сказал президент [3].

При этом в обществе оценка официального присоединения России к Болонскому процессу очень осторожная. В. Миронов: «Неграмотная и поспешная реализация Болонского процесса может привести к необратимым потерям, к утрате национальными системами образования своей специфики. ... Ведь образование – не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем системообразующая ее часть» [4, с. 4].

Единая система образования – это логичное следствие процесса объединения Европы вообще. В настоящее время реальная ситуация такова, что в разных странах квалификации, полученные выпускниками вузов, с трудом поддаются сравнению. Так, в странах, где выпускник университета или колледжа получает квалификацию «бакалавр», а затем, при условии освоения дополнительного курса объемом в один-два года, степень «магистр», обычно не понимают, чему соответствует российская квалификация «дипломированный специалист»: является она аналогом бакалавра — или же аналогом магистра.

Особенностью магистратуры является гибкость и меньшая стесненность государственными стандартами. Учеба в магистратуре позволяет получить углубленную специализацию по выбранному профилю (банковская деятельность, финансовые рынки, статистика, информатика и т.д.). Несомненным преимуществом является и то, что можно выбрать совершенно другое направление обучения. Магистратура позволяет сделать осознанный плавный

переход из одной специальности в другую или дополнить базовое образование. Система «бакалавр-магистр» решает подготовку специалистов на стыке наук, позволяя комбинировать общее и специализированное образование различного профиля (например, четырехлетняя подготовка философа может соединиться с двухлетней подготовкой юриста).

На второй ступени высшего образования большое внимание уделяется авторским курсам преподавателей, связи обучения с практикой, использованию в процессе обучения интерактивных методов работы – ролевых игр, решения проблемных ситуаций.

У студентов магистратуры есть возможность выбрать дисциплины по своему усмотрению, чтобы приобрести именно те профессиональные навыки, которые понадобятся в будущей работе.

В магистратуру поступают не только молодые специалисты и бакалавры, но и профессионалы с опытом работы, которые почувствовали необходимость совершенствования своих знаний и навыков.

В России пока магистратура воспринимается как продолжение бакалавриата, а не как самостоятельная ступень обучения. Поэтому большинство выпускников поступают в магистратуру того же вуза, где они учились [5].

Но время требует отдачи в тех условиях, в которых мы находимся, и мы видим возможность, вызванную не положительными изменениями, а жесткими экономическими рамками, в которых находятся сегодня магистры. И в этих условиях индивидуальный подход может быть реализован в работе с небольшими группами студентов.

В магистратуре автору крайне положительным видится отход от дискуссии о первозначности места методики или теории науки. В магистратуре работают преподаватели с достойным опытом научной, теоретической, педагогической деятельности. И уместность споров о значимости знаний методики преподавания отпадает, она фактически есть, она наработана, она содержательно наполнена. Это позволяет применять те технологии, которые не были возможны в работе с количественно большими группами студентов в хронически ограниченных временных рамках.

В магистратуре возможным представляется применение технологий проведения дискуссий, что развивает критическое (и более ценное для юриста – аналитическое), коммуникативное, дискуссионное мышление и культуру. В мировом педагогическом опыте получили распространение приемы орга-

низации обмена мнениями, очень успешно продемонстрированные в работе с магистрами. Таковы и «круглый стол», и «заседание экспертной группы» (а что может быть лучше в экспертизе законопроектов и законодательной базы для юристов), и «форум», и «судебное заседание» (но не с рядом зрителей, а только с числом участников процесса).

Представленные дискуссии или иные педагогические технологии обычно применяются при работе с материалом, содержание которого связано с противоречиями, наличием различных мнений и обоснований. Таковыми технологиями могут быть составление портфолио, кейс-стади, заполнение графических форм при изложении материала (кластеры, понятийное колесо, сводная таблица), рефлексия, активная лекция – ведение бортового журнала.

Юриспруденция требует представления точки зрения, ее аргументации. Включенность всех участников образовательного процесса в магистратуре достигается и малым числом участников групп, и активным участием каждого в обсуждении с начального этапа занятия.

В настоящее время профессорско-преподавательский состав поставлен в условия использования современных педагогических технологий, которые должны быть разработаны не только под индивидуальную позицию автора, конкретный педагогический замысел, но и под современные требования введенного Болонского процесса.

И если долгие годы мы были ориентированы на поэтапное, последовательное введение педагогических технологий, то сегодня нет времени диагностировать эти процедуры, а есть необходимость работать, используя инструментарий, позволяющий достичь обоюдной цели.

Цель эта уже ставит перед преподавателем не передачу и контроль знаний, а получение таковых и возможность их эффективного использования со стороны магистра, узко и по индивидуальной потребности избирающего для себя магистерскую подготовку.

Литература

1. Юдина С. // Куда пойти учиться, сайт ucheba.ru.
2. Итоговая коллегия Минобрнауки РФ 26.03.2011.
3. РИА «Новости» <http://stepeni.ru/tag/magistratura/>
4. Миронов В. Болонский процесс и национальная система образования // ВВШ. 2006. № 6.
5. Юдина С. // Куда пойти учиться, сайт ucheba.ru.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ (ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ) ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ПОДГОТОВКИ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Магистерская программа заканчивается подготовкой магистерской диссертации, которая относится к классу выпускных квалификационных работ, отражающих общекультурные и профессиональные компетенции в области организационно-управленческой, аналитической, научно-исследовательской и педагогической деятельности. Она предполагает наличие расширенной аннотации (автореферата магистерской диссертации), которая состоит из 2 частей. Первая часть автореферата посвящена актуальности темы исследования, степени научной разработанности проблемы, целям и задачам исследования. Особое внимание уделяется научной новизне, которая должна содержаться во всей работе. В соответствии с этим определяется и структура работы, которая обычно состоит из 2 глав. Первая глава посвящена теоретическому анализу проблемы, а вторая глава – практической ее значимости. Во второй части автореферата содержится краткое изложение основного содержания работы и тех статей, которые были подготовлены магистрантом в процессе написания магистерской диссертации. В ходе защиты магистрант должен обосновать научную новизну и изложить выводы о практической значимости исследования. В какой-то степени магистерская диссертация напоминает кандидатскую, но отсутствие положений, выносимых на защиту, делает ее подготовительным этапом для дальнейшей научно-исследовательской работы.

Основная цель обучения в магистратуре – это подготовка и защита самостоятельного диссертационного исследования, в связи с чем все курсы, читаемые магистранту, ориентированы на подготовку данной творческой квалификационной работы, дающей основания для получения степени магистра по соответствующему направлению. Магистр по направлению подготовки 030900.68 «Юриспруденция» готовится к определенным видам профессиональной деятельности, одной из которых является педагогическая, включающая в себя преподавание юридических дисциплин и осуществление правового воспитания. Производственная (педагогическая) практика, которая организована после первого семестра обучения, также ориентирована на подготовку магистерской диссертации, поскольку предпола-

ет освоение практических навыков по подготовке и проведению занятий по теме исследования.

Основной целью производственной (педагогической) практики является выработка навыков педагога высшей школы, которые приобретаются на кафедре при проведении лекций, практических занятий, семинаров и подготовке научно-исследовательской работы. Задачами данной практики являются:

- формирование у магистранта представления о содержании и планировании учебного процесса;
- овладение необходимыми педагогическими навыками для работы в высшей школе;
- изучение методики и овладение методическими приемами проведения лекционных, практических и семинарских занятий;
- подготовка текста научно-исследовательской работы.

Порядок прохождения производственной (педагогической) практики на кафедре уголовного права и процесса (далее УПиП) Таганрогского института управления и экономики (далее ТИУиЭ) организован следующим образом. На первом этапе практики (1–2 неделя) магистрант, получив индивидуальный план прохождения практики, самостоятельно осуществляет: изучение психолого-педагогической литературы по проблеме обучения в высшей школе; знакомство с методиками подготовки и проведения лекций, практических занятий, семинаров, консультаций, зачетов, экзаменов, курсового и дипломного проектирования; изучение инновационных образовательных технологий и т.д. Результатом этого этапа являются конспекты, схемы, наглядные пособия и другие дидактические материалы.

На следующем этапе (2–4 неделя) магистрант присутствует в качестве наблюдателя на нескольких занятиях преподавателей кафедры УПиП. Магистрант самостоятельно анализирует занятия, на которых он выступал в роли наблюдателя, с точки зрения организации педагогического процесса, особенностей взаимодействия педагога и студентов, формы проведения занятия и т.д. Результаты анализа оформляются в письменном виде в свободной

форме или по схеме, предложенной в приложении 1.

Следующим этапом производственной (педагогической) практики является самостоятельное проведение магистрантом занятий (5-6 неделя). В соответствии с направлением своего научно-педагогического исследования и индивидуального задания он самостоятельно проводит:

- лекцию (семинар, практическое занятие, лабораторную работу, консультацию);
- демонстрацию разработанных мультимедийных продуктов по дисциплине уголовно-правовой специализации;
- презентацию изготовленных наглядных пособий;
- психолого-педагогическое тестирование;
- деловые игры и другие инновационные формы занятий и т.д.

Магистрант самостоятельно анализирует результаты занятия, в котором он принимал участие, оформляя их в письменном виде. Руководитель практики дает первичную оценку самостоятельной работы магистранта по прохождению производственной (педагогической) практики. В зависимости от индивидуального плана магистрант может несколько раз участвовать в проведении занятий. Кроме того, магистрант посещает в качестве наблюдателя занятия, подготовленные другими магистрантами, и оценивает их по схеме, приведенной в приложении 1.

На заключительном этапе (7 неделя) магистрант проводит презентацию и защиту научно-исследовательской работы, посвященной методике проведения занятия в рамках тематики своей магистерской диссертации, и защищает отчет по производственной (педагогической) практике.

К отчетным документам о прохождении практики относятся:

1. Дневник прохождения практики.
2. Отзыв о прохождении практики, составленный руководителем (приложение 2), для написания которого используются данные наблюдений за научно-педагогической деятельностью магистранта.
3. Рецензия-рейтинг практики, составленная другим магистрантом (приложение 1).
4. Отчет о прохождении производственной (педагогической) практики, оформленный в соответствии с установленными требованиями.

В содержание отчета должны входить следующие структурные элементы:

- Индивидуальный план производственной (педагогической) практики.

- Введение, в котором указываются:
  - цель, место, дата начала и продолжительность практики;

- перечень выполненных в процессе практики работ и заданий.

- Основная часть, содержащая:
  - анализ психолого-педагогической литературы по теме;

- описание практических задач, решаемых магистрантом в процессе прохождения практики;

- описание организации индивидуальной работы;

- результаты анализа проведения занятий преподавателями и магистрантами.

- Заключение, включающее:
  - описание навыков и умений, приобретенных на практике;

- предложения по совершенствованию организации учебной, методической и воспитательной работы;

- индивидуальные выводы о практической значимости проведенного научно-педагогического исследования.

- Список использованных источников.

- Приложения (включает научно-исследовательскую работу по выбранной тематике).

Основные требования, предъявляемые к оформлению отчета по практике:

- отчет должен быть отпечатан на компьютере через 1,5 интервала шрифт Times New Roman, номер 14; размеры полей: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см;

- рекомендуемый объем отчета – 20 – 25 страниц машинописного текста;

- в отчет могут быть включены приложения, объемом не более 20 страниц, которые не входят в общее количество страниц отчета;

- отчет должен быть иллюстрирован таблицами, графиками, схемами и т.п.

Основные требования, предъявляемые к оформлению научно-исследовательской работы:

- научно-исследовательская работа должна быть представлена в электронном виде и отпечатана на компьютере через 1,5 интервала, шрифт Times New Roman, номер 14; размеры полей: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см;

- рекомендуемый объем работы 7-10 страниц;

• обязательно указать актуальность исследования; цель и задачи; выводы и предложения; список используемой литературы.

Основные требования, предъявляемые к ведению дневника:

1. Дневник является документом, по которому магистрант отчитывается о выполнении программы научно-педагогической практики.

2. Записи в дневнике должны вестись ежедневно и содержать краткий перечень работ, выполненных за день.

3. Дневник просматривается руководителем практики в дни консультаций по установленному графику.

Магистрант представляет дневник прохождения практики, отчет в сброшюрованном виде вместе с отчетными документами, научно-исследовательскую работу руководителю производственной (педагогической) практикой.

В качестве примера можно привести индивидуальное задание на производственную (педагогическую) практику, разработанное в ТИУиЭ для магистрантов направления 030900.68 «Юриспруденция», магистерской программы «Уголовное право, уголовный процесс, судебная власть»:

1. Изучить понятие, цели, задачи высшего образования, пути его развития в современном обществе.

2. Рассмотреть и проанализировать организацию, планирование и программирование учебного процесса в высшей школе (образовательные стандарты; типовые и базовые программы; учебные и рабочие программы).

3. Изучить нормативную правовую базу учебного процесса, правовое регулирование учебного процесса.

4. Определить методологические и методические проблемы организации юридического образования; необходимость всеобщего правового просвещения и роль юриста в этом процессе. Степень интеграции педагогической культуры в юридическое образование.

5. Изучить основные компоненты педагогической системы: цели обучения; содержание обучения; технология обучения; организационные формы; субъекты педагогического процесса.

6. Определить особенности методики преподавания юриспруденции. Изучить основные формы преподавания юридических дисциплин в высшей школе (в том числе на примере ТИУиЭ) и выявить, какова их роль в учебном процессе.

7. Разработать методику и провести лекцию по дисциплине «Предварительное следствие в ОВД».

8. Разработать методику и провести семинарское (практическое) занятие по дисциплине «Предварительное следствие в ОВД».

9. Разработать методику игровой формы проведения занятия и 15 тестовых заданий по дисциплине «Предварительное следствие в ОВД».

10. Подготовить научно-исследовательскую работу (7-10 листов) по актуальным вопросам реформирования системы следственных органов МВД РФ.

Таким образом, в результате прохождения производственной (педагогической) практики реализуются следующие элементы компетентностной модели магистранта: в области научно-исследовательской деятельности – способность квалифицированно проводить научные исследования в области права; в педагогической деятельности – способность преподавать юридические дисциплины на соответствующем теоретическом и методическом уровне, организовывать и проводить педагогические исследования, эффективно осуществлять правовое воспитание. При подготовке магистрантом методики проведения лекционного, практического занятия в рамках темы исследования он более глубоко осваивает специальную фундаментальную теоретическую литературу, нормативные правовые источники. Результатами такой практики явится научно-исследовательская работа, которая станет составляющей частью магистерской диссертации.

Приложение 1

**Рецензия-рейтинг
на проведение занятия со студентами
при прохождении научно-педагогической практики**

Магистранта группы _____
№ группы Ф.И.О.

Критерии оценки	Шкала оценок				Замечание рецензента
Полнота и правильность раскрытия темы					
Логическое и последовательное изложение темы					
Характер изложения материала					
Стиль и убедительность изложения					
Умение укладываться в отведенное время					
Темп речи					
Использование специально подготовленных иллюстративных материалов					
Уверенность и спокойствие выступающего					
Грамотность, выразительность речи, дикция					
Жестикуляция					
Ошибки и оговорки во время выступления					
Общая манера поведения выступающего					
Собственное отношение к излагаемой проблеме					
Уровень обратной связи					
Общая оценка рецензента					

Рецензент: _____
Ф.И.О. подпись

«___» _____ 201_г.

Приложение 2

**Отзыв
руководителя о прохождении научно-педагогической
практики магистранта**

_____ № группы Ф.И.О.

1 Срок прохождения практики с «___» _____ 201_г. по «___» _____ 201_г.

2 Степень раскрытия темы _____

3 Самостоятельность и инициативность _____

4 Навыки, приобретенные за время практики _____

5 Отзыв об отношении магистранта к работе _____

Оценка за практику: _____

«отлично», «хорошо», «удовлетворительно»

Руководитель: _____
Ф.И.О. подпись

«___» _____ 201_г.

МАГИСТЕРСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КТО В ЛЕС, КТО ПО ДРОВА

Еще свежи в памяти возражения руководства двух ведущих ВУЗов страны против повсеместного перехода на двухуровневую систему образования. Еще обсуждаются предполагаемые последствия спускаемой сверху реформы высшего образования. Однако факт остается фактом: с нынешнего года все учебные заведения высшего образования дружно ринулись к вершинам профессиональной подготовки еще непроторенными дорогами.

Позволим себе, тем не менее, процитировать некоторые высказывания по поводу перестройки системы образования, взятые из одного наиболее яркого выступления, прозвучавшего на Третьей Международной научно-практической конференции, специально посвященной преподаванию юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. Доктор юридических наук, профессор А.И. Бойко, работающий в этой системе не одно десятилетие, так отозвался о новом подходе к подготовке специалистов высшего звена: «Теперь нам приказывают не сомневаться в принятом стратегическом решении, предлагают срочно сломать отечественную вузовскую систему и перейти на чужеземную, что по минимуму сомнительно, а по крупному - дурно пахнет и больно аукнется для страны в самое ближайшее время... Наши потомки станут свидетелями того, как бакалавриат превратится в подобие советских профессионально-технических училищ, а магистратура уступит по качественным показателям приказавшему долго жить советскому специалитету» [1, с. 30, 31]. Оценивая содержание предлагавшихся новых федеральных стандартов, которые теперь уже стали обязательным для исполнения документом, он же очень метко и правильно заметил: «Ставка на самоподготовку и дистанционную передачу знаний очень подходит для обучения глухонемых, но не публичных юристов» [1].

Если бы наши реформаторы прислушивались к мнению тех, для кого эти реформы проводятся, наверное, в нашей стране меньше было бы головотяпства и проблем, которые все время приходится преодолевать.

На этот раз опять не прислушались. Даешь все заново! Все ВУЗы должны уметь готовить бакалавров, а избранные – магистров.

Институты и университеты, получившие право на создание магистратур, принялись формировать программы по доступным для них направлениям магистерской подготовки. Предоставляемая при этом свобода в наборе дисциплин для изучения может быть расценена и как положительный, и как отрицательный фактор в новом порядке получения высшего образования.

Позитивный момент видится в том, что включаемые для изучения дисциплины ориентированы на научную сферу деятельности профессорско-преподавательского состава конкретного учебного заведения. Это позволяет обеспечить глубокое изучение материала, предоставляемого специалистом, знающим во всех тонкостях предмет предложенной учебной дисциплины.

В то же время отсутствие хотя бы примерных ориентиров для выбора необходимого перечня дисциплин, подлежащих изучению, приводит к тому, что студентам, которые на выходе получают одно и то же магистерское образование по одному и тому же магистерскому направлению, предлагаются абсолютно разные учебные курсы.

Сравнение доступных программ магистерского образования по уголовно-правовой специализации двух ведущих учебных заведений Южного федерального округа – Кубанского государственного университета и Северо-Кавказской академии государственной службы - показывает, что из 11 дисциплин профессионального цикла совпадают только две: международное уголовное право и служебные преступления. В остальном - полный разницей. Например, в СКАГС предлагаются такие курсы, как нравственно-религиозные основы уголовного права, язык уголовного закона и его понимание, Римское и современное уголовное право, которых и близко нет в программе КубГУ. В то же время учебный план Кубанского госуниверситета закрепляет такие дисциплины этого цикла, которые не преподаются в СКАГС: историю и методологию юридической науки, преступления против общественной безопасности, профессиональную и организованную преступность, доказывание в правоприменительной деятельности.

То есть тот общий «стержень», «оплот», «фундамент», который должен присутствовать в базовом

магистерском юридическом образовании одной и той же специализации, отсутствует, размыт, отдан на полное усмотрение руководителей магистерских программ. Полагаем, что это неправильно. В данном случае также должна сохраняться обязательная часть, содержание которой, наверное, должно рекомендовать учебно-методическое объединение по существующим блокам дисциплин.

Хочется обратить внимание и на такую, как представляется, несправедливость. Новый стандарт допускает возможность поступления в магистратуру и обучения по магистерской программе для студентов, не имеющих профильного, т.е. юридического, образования. Другими словами, лица, закончившие строительные, медицинские, экономические и любые другие учебные заведения, могут сразу претендовать на высшую ступень юридического образования, оставляя позади выпускников, четыре года углубленно изучавших различные юридические премудрости и получивших квалификацию бакалавра юриспруденции. Здравый смысл подсказывает, что двухуровневая система подготовки специалистов может быть оправдана лишь тогда, когда эти уровни будут учитываться при устройстве на работу. Ничего подобного у нас пока нет, и работодатель сегодня не имеет критериев отбора сотрудников, ориентированных на бакалавров или магистров. Однако презюмируется, что магистр юриспруденции должен иметь преимущества перед бакалавром и часть должностей в правоприменительных органах будет доступна только магистрам.

Но тогда получается, что, к примеру, гинеколог по первому образованию, закончивший магистратуру по специальности «Юриспруденция», сможет стать судьей или прокурором, а вот изначально избравший эту специальность и получивший образование бакалавра претендовать на эти должности не сможет. Справедливо? Конечно, нет.

Если же все структуры правоохранительной системы будут требовать для устройства на работу квалификации магистра, тогда вообще теряется смысл двухуровневого образования.

Выход в сложившейся ситуации в данном случае видится в том, чтобы срок обучения в магистратуре для лиц, имеющих непрофильное (неюридическое) образование, был более длительным, чем для лиц с квалификацией бакалавра юриспруденции. Это потребует разработки отдельных программ и учебных планов для такой категории магистров, но, как думается, другого выхода нет. Иначе вся затея с новой системой высшего образования превращается в обычную профанацию, в реформу ради реформы, а не ради повышения качества обучения.

Литература

1. *Бойко А.И.* Особенности профессии юриста и образовательные технологии // Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования: Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2008.

УДК 378.34

Мелешко Н.П.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И КОНЦЕПЦИЯХ ЕГО СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Российское общество с начала 90-х гг. XX столетия находится в постоянном развитии: государственная собственность, планово-распределительное производство и потребление, диктатура государственной власти (чиновничества) в управлении населением заменяются частной собственностью, свободным рынком, и такими же ценами, конкурентностью в сфере производства и распределения, плюрализмом и демократией. Смена основных ценностей производства и распределения, бытия вообще влекут за собой изменение структуры общества,

его правовых систем, государственных институтов управления, менталитета нации и культуры отдельных граждан, что приводит к трансформации системы воспитания, образования и становления отдельных личностей, всего общества и его структур.

В современной России уделяется значительное внимание созданию законодательной базы, правоохранительной и правоисполнительной систем для обеспечения развития общества и государства по демократическому пути, для удовлетворения интересов, нужд и потребностей, прав и свобод челове-

ка и гражданина. Правовые системы и механизмы обеспечения их действенности определяют сущность любой общественной формации. Гарантом осуществления этих задач служит юридическое образование населения и подготовка профессиональных юристов.

Проблемам развития юридического образования уделяется значительное внимание со стороны законодательной и исполнительной власти, прежде всего, Министерством образования и науки Российской Федерации. Помимо государственной системы юридического образования, создана мощная небюджетная система образования, которая вносит существенный вклад в подготовку специалистов – юристов и в развитие юридических наук [1].

Интеллектуальное развитие личности заключается в развитии ее способностей – мышления, памяти, воображения, прогнозирования, в приобретении и архивировании известного запаса знаний. Образование можно получить в результате изучения законов и теорий, а воспитание – только в результате научения, применения права и жизни по праву в соответствии с законом. Юридическое воспитание должно постоянно сопровождать человека от рождения, а юридическое образование он получает в определенной системе и в определенное время. Оно делится на уровни, категории и влечет за собой приобретение юридической профессии.

В настоящее время мы являемся свидетелями и участниками реформирования сферы воспитания и образования нашего общества и его граждан. Будучи премьер-министром России М. Фрадков заявил, что эта задача не только важная, но и очень сложная с учетом масштабов и процессов развития федеративного устройства страны. Он выделил три основных направления реформы: обеспечение доступности образования для всех слоев населения, повышение качества преподавания, обеспечение финансирования этой сферы [2, с. 1].

Концепция реформы образования, предложенная Минобрнауки предусматривает охват всего образовательного процесса. Самые значительные изменения предлагаются в системе высшего образования, которое должно перейти на двухуровневую систему – бакалавриат и магистратура.

Представители деловых кругов и университетов корень зла в неудовлетворительном состоянии сегодняшнего высшего образования видят в недостаточном бюджетном финансировании и уходе государства из системы образования, что порождает

коррупцию в рядах преподавателей вузов и учителей школ, коммерциализацию учебного процесса.

В общей системе образования особое место должно занимать юридическое образование. Конституция России провозгласила диктатуру закона: закон и законность, особенно в деятельности государственной власти должны обеспечивать действенность таких общечеловеческих гражданских критериев – оценочных принципов, как свобода, равенство, справедливость. Чтобы обеспечить верховенство закона, каждый гражданин должен быть юридически грамотным, государственные чиновники должны быть юристами-профессионалами в сфере своей деятельности, а работники правоохранительной, правоприменительной сферы и правосудия должны быть профессионалами юристами высокого класса и высокообразованными людьми в сфере философии, социологии и специальных отраслевых знаний.

1. Юридическое образование, по нашему мнению, должно быть единым, цельным и в тоже время многообразным в соответствии с потребностями структуры общества и процесса развития общественных отношений вообще, и в конкретном историческом временно-пространственном измерении, в частности. Должно быть достигнуто соответствие между демографической структурой общества, его потребностями, структурой и конечными показателями юридического образования.

1.1 Единство юридического образования должно обеспечиваться государственным стандартом, в который входят нормативы на количественные и качественные характеристики. Действующий ныне государственный стандарт содержания юридического образования не соответствует реалиям и потребностям общества в юридическом образовании, способствует волонтаризму в выборе учебных дисциплин и структуре их содержания. Об этом свидетельствует действующая градация дисциплин: федеральный, региональный, вузовский, по выбору.

Следовало бы установить стандарт на условия образования, т.е. обязательные к изучению дисциплины социолого-философского, математико-информационного, исторического, лингвистического, культурологического, государственно-правового направлений. Причем государственно-правовые должны занимать не менее 2/3 всего объема обучения. Объем преподавания дисциплин этих направлений и единые формы определения знаний студентов (экзамен, зачет, рейтинг, тесты и т.д.) должны определяться государством, так как это единый

оценочный, соответствующий международным нормам государственный образовательный стандарт высшего юридического профессионального образования с присвоением профессии, например, бакалавра юриспруденции – юриста 2 степени, магистра юриспруденции – юриста 3 степени.

1.2 Структура юридического образования может быть многоуровневой, а процесс образования – непрерывным. Это: 1) дошкольное правовое воспитание: изучение правил движения на улицах и дорогах, системы обеспечения безопасности и т.д.; 2) начальное юридическое образование в системе общего среднего образования (школа, гимназия) – дает общие знания о системах государственного устройства, управления обществом, системах права; 3) среднее профессиональное юридическое образование: колледж, техникум – готовит специалистов учетно-кадрового обслуживания, делопроизводства, подготовки документов, помощников нотариусов, а также низшего управленческого звена; 4) высшее профессиональное юридическое образование – институты с 4-летним обучением – бакалавриат, университеты с 5-6-летним образованием – магистратура; 5) постоянно действующая система повышения образования и квалификации; 6) высшее послевузовское профессиональное образование – аспирантура, докторантура, адъюнктура. Учебные заведения могут базироваться на разных формах собственности, но дипломы должны быть одинакового образца независимо от формы собственности учебного заведения.

Полагаем, что эти уровни (ступени) образования должны готовить специалистов определенного, то есть заданного уровня. Школы, гимназии дают общее, начальное юридическое образование, не присваивая статуса профессии; колледжи, техникумы дают среднее профессиональное образование с присвоением профессии (например, юрист 1-ой степени, категории). Эта градация должна быть определена и установлена Табелем о рангах государственной и коммерческой службы. Среднее юридическое образование должно, по нашему мнению, регулироваться ГОСТом.

Институты, университеты должны, так же как и сейчас, давать высшее профессиональное юридическое образование двух ступеней: высшее общее юридическое профессиональное образование – юрист 2 степени (система бакалавриата) и высшее специализированное юридическое образование – (магистратура) – юрист 3 степени – готовит работников административно-правового

управления обществом, гражданско-правового управления обществом, криминологического (уголовно-правового) управления обществом.

Двухуровневая система высшего юридического образования не должна, на наш взгляд, исключать среднего профессионального образования по подготовке кадров низшего управленческого звена.

Непрерывность юридического образования всех обозначенных систем должна заключаться не в перезачете ранее изучавшихся предметов, а в изучении тех же обязательных для юристов предметов, но на более высоком профессионально-специализированном уровне.

Система зачетов ранее изучавшихся дисциплин неприемлема и в системе переподготовки кадров, т.е. получения второго высшего образования. Необходимо изучать все обязательные дисциплины государственного стандарта и сдавать по ним экзамены. Не допустимо, на наш взгляд, давать второе высшее юридическое образование по сокращенной программе лицам, имеющим только среднее неюридическое и даже юридическое образование.

1.3 Вторая ступень высшего юридического профессионального образования, как правовая специализация, также должна определяться государственным стандартом и включать основные направления (специализации), уже имеющиеся в вузах: 1) административно-государственное управление общественными процессами; 2) гражданско-правовое управление обществом; 3) криминологическое (уголовно-правовое) управление общественными процессами (отношениями).

Предлагаем ввести четвертое основное направление специализации – ювенальную юстицию для подготовки специалистов в: а) системе управления развитием (воспитание, образование) несовершеннолетних; б) системе защиты их прав и свобод и системе противодействия преступности несовершеннолетних (см. п. 2.2).

Государственный стандарт должен определять набор основных дисциплин в общем учебном объеме их преподавания не менее чем на 2/3 общего объема, остальные (1/3 объема) – это спецкурсы по углубленному изучению основных дисциплин, которые определяет ВУЗ, возможно, по согласованию с региональными органами государственного управления образованием. Выпускники получают профессию, например, специалиста по установленной шкале (второй степени или магистра юриспруденции – специалиста третьей степени и т.п.).

Для работающих юристов, специалистов (магистров) должна также существовать система повышения квалификации на уровне учебных академий при участии в формировании учебных программ министерств и ведомств. Все специалисты должны проходить повышение квалификации не реже одного раза в 5 лет продолжительностью 3-6 месяцев с присвоением квалификации в соответствии с Табелем о рангах. Продвижение по службе, как правило, должно происходить после этапа учебы в этой системе.

Подготовка специалистов-юристов узкой специализации в различных сферах должна решаться, на наш взгляд, на стадии переподготовки, повышения квалификации или же институтами, университетами по дополнительной, специально разработанной программе, согласованной с органами управления в регионах.

2. Проблемы выбора общеобязательных и специализированных дисциплин должны решаться не только в соответствии с уровнем развития мировой и отечественной науки вообще, но обязательно в соответствии с потребностями развития общества на современном этапе с учетом потребностей регионов.

Государство должно определить приоритеты развития правовых систем управления обществом на современном этапе и на перспективу.

2.1. Сейчас основой общества становится частная собственность, свобода торговли, цен, конкуренция, капитализация, предпринимательство и др., т.е. основополагающие ценности капиталистического цивилизованного общества. Это принципиально новая система ценностей требует иного построения программ и «курсов» вузовского обучения. Меняется существующая структура и содержание правовых дисциплин, преподаваемых в вузах. Подход при этом нередко упрощенный. Так, под изучением «Административного права» мы понимаем ознакомление с «Кодексом об административных правонарушениях» (т.е. незначительных преступлениях граждан и их корпораций), а не изучение курса «Основы административных процедур». В стране отсутствует аналогичный закон, регулирующий все многообразие деятельности (и ответственность) органов государственной власти. Поэтому в стране нет и «административного правосудия» как системы разрешения претензий граждан и их корпораций (частного интереса) к органам государственной власти (публичный интерес).

Если исходить из общей категории «преступного деяния», а не административного деликта, это позволит «преступление» рассматривать как категорию действительно общественноопасных деяний, а не абстрактную формулировку «кодекса», который быстро меняется, и «население» уголовно-исправительных учреждений свести до минимума (десятки тысяч, а не тысячи тысяч). Нынешняя формулировка понятия преступления (ст. 14 УК РФ) неизбежно ведет к созданию армии заключенных, лишенных свободы и человеческих условий жизни людей, что наносит государству и обществу не только моральный, но и большой экономический ущерб.

Следует задействовать ювенальную правовую систему воспитания, образования и защиты детей как особой категории населения (подростающего поколения). Дети должны быть, как правило, выведены из сферы действия уголовного закона и уголовно-правовой системы «правосудия».

Фактически мы строим свободное общество свободных людей, а пользуемся антагонистической для этого общества социалистической правовой системой тоталитарного государства и государственного управления.

Предлагается: 1) ввести во всех вузах дисциплины сравнительного правоведения в области административно-правового управления, гражданско-правового (цивильного), криминологического (уголовно-правового) управления и ювенальной юстиции как системы воспитания, образования и судебной защиты несовершеннолетних и молодежи; 2) исключить из преподавания дисциплину «Правоохранительные органы», так как они постоянно совершенствуются, и ввести дисциплину «Правоохранительная деятельность государства» - это функции выявления и пресечения нарушений и неисполнений любых систем права как преступных деяний, т.е. правонарушений и преступлений; 3) функции уголовного преследования - расследование преступных деяний, наказание осужденных и их исправление - это функции судебной власти и по Конституции РФ они возложены на прокуратуру, дознание, следствие, Министерство юстиции. Им должна соответствовать наука «Уголовное преследование в России»; 4) функцию правосудия по уголовным, гражданским, административным делам - в сфере государственного управления обществом осуществляют органы судебной власти (по Конституции это: суды всех правовых систем и прокуратура). Соответственно, должна быть и дисциплина «Отправление правосудия в России» и ее спецкур-

сы - Уголовное, Гражданское, Административное, Конституционное правосудие (процессы).

Особо следует остановиться на «Прокурорском надзоре» как функции судебной власти в любой конституционной стране. «Прокурорский надзор» - «разбор полетов» при (после) нарушении закона. Преступление – тяжкое по умыслу и последствиям нарушение закона, одно из степеней преступного деяния. В органах прокуратуры можно проверить любой «материал», выявить детали, определить квалификацию такого деяния - нарушения. Это расследование. Любое дело может быть расследовано в прокуратуре. «Следователь» - архаизм. Это должны делать прокуроры, их заместители, их помощники. Это не проблемы «подследственности», и не сокращения или увеличения следственного аппарата. Это осуществление функции уголовного преследования, досудебного производства, надзора за исполнением законов во всех сферах государственной власти (кроме президентской) в плане противодействия коррупции, в том числе и в системе органов судебной власти. Ни одна система в природе и обществе не может быть «самодостаточной» и «самоконтролирующейся», так как это всегда приводит к ее вырождению, коррумпированности, разложению и гибели подобной системы.

Поэтому наука о «Прокурорском надзоре в системе государственной власти и управления» необходима в системе юридического образования.

Следует отметить, что учебная дисциплина «Криминология» по действующему стандарту предусмотрена на 3-м курсе обучения параллельно с другими дисциплинами уголовно-правового цикла. Фактически «Криминология» - это дисциплина, завершающая весь цикл уголовно-правового обучения, так как ее предметом является профилактика, предупреждение, пресечение преступности, планирование и организация противодействия и борьбы с ней. Уголовное, исполнительное право, процесс, криминалистика, юридическая психология и этика является «инструментами», с помощью и на базе

которых «Криминология» организует и мобилизует общество на борьбу с противоправностью и ее высшей стадией - преступностью как социальными явлениями.

Поэтому «Криминология», как одна из основных научных дисциплин юриспруденции, должна изучаться на последних курсах высшего профессионального юридического обучения, не ниже 8 семестра (4 курса) независимо от специализации студента. Юрист любой специализации должен владеть знаниями и практикой противодействия противоправному поведению в целом, и преступному в частности. После изучения «Криминологии» как общетеоретической основы юридических наук и философии государственного реагирования на преступность как единый негативный процесс возможно активное усвоение студентами специальных курсов по проблемам борьбы с преступностью в обществе любого региона и страны в целом.

2.2 Поскольку «Отправление правосудия в отношении несовершеннолетних» основано не только на знаниях права, но и на знаниях педагогики, социологии, психологии, естественных наук о человеке и природе, эта отрасль правоотношений должна быть выделена в особый объект всех указанных наук, и, следовательно, должна быть введена самостоятельная специализация – «Ювенальная юстиция» с набором дисциплин: «Основы ювенальной юстиции», «Ювенальное правосудие», «Международные стандарты социализации (развития) детей», «Защита детей, попавших в трудную жизненную ситуацию», «Система органов защиты детей и профилактики их девиантного поведения» и других.

В заключение хотелось бы сказать, что изучение правового опыта зарубежных стран (других социально-правовых систем) поможет нам развивать наши правовые системы по цивилизованному, прогрессивно-гуманистическому направлению и избежать «ошибок» (волюнтаризм, репрессии, геноцид и т.д.), присущих социалистическим тоталитарным системам права и управления.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ФОРМАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТА-ЮРИСТА ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена одной из важнейших проблем – интеграции России в европейское образовательное пространство и полноправное участие в Болонском процессе. Важным фактором при этом является необходимость модернизации языкового образования студентов-юристов, направляющим вектором которой становится индивидуальная и социальная идентичность.

The article is devoted to one of the most important problems – integration of Russia to the European educational space and taking an equal part in the Bologna process. An important factor here is the necessity of modernization of the language education of the law students with individual and social identity as a directing vector.

Ключевые слова: глобализация, Болонский процесс, индивидуальная и социальная идентичность, Стандарты третьего поколения, качества личности бакалавра и магистра, общекультурные компетенции, концепция языкового образования.

Key words: globalization, the Bologna process, individual and social identity, Standards of the third generation, personal qualities of a bachelor and a master, competences of general culture, the concept of the language education.

Выбор образовательных траекторий даст положительный результат, если принимать во внимание политические, экономические, социальные, культурные особенности данной страны, а также особенности межпредметных тенденций в образовании.

Модернизация высшего образования связана прежде всего с эпохой глобализации. Глобализация, охватившая все общество, стала реальностью. Свидетельством этому могут служить несколько предположений. Исследователи включили в эти предположения следующее. Во-первых, уже в 1990-х годах появилась международная сфера социального и политического участия, в которой группы граждан, общественное движение и отдельные лица включились в диалог самого разного рода (дебаты, конфронтации, переговоры). Этот диалог велся как между отдельными правительствами, так и в деловой сфере. Во-вторых, глобальное гражданское общество и берет что-то, и реагирует на глобализацию, в результате чего появились сторонники, оппозиционеры, реформисты и те, кто рассматривает глобализацию как альтернативу. В-третьих, все новое, что появляется во всех сферах общества, так или иначе, выражает свое отношение к глобализации [1, с. 3-11].

Не вызывает сомнения тот факт, что глобализационный процесс затронул все жизненно важные сферы человека. К.В. Попова в этой связи считает, что цивилизационное измерение глобального мира вызвало необходимость по-новому оценить мировую систему с точки зрения двух аспектов поведения глобализированных пространств в условиях вызревания и выхода на современную сцену новой цивилизационной парадигмы и появления на современной сцене новейшего класса вызовов и угроз со стороны «цивилизационного» фактора [2, с. 36-50].

Существуют различные подходы к понятию «глобализация». Первоначально это понятие трактовалось негативно, затем как «процесс столкновения цивилизаций», глобальный «социальный контекст», «фрагментизация мира» и др. В настоящее время, считает Ю. Гранин, несмотря на «размытость» термина, нельзя не признать, что «глобализация выступает системным фактором, изменяющим все параметры социальной структуры общества, и сама глобализация – весьма пригодный универсальный инструмент усиления сложившейся межгосударственной и внутргосударственной иерархии, конкуренции». Альтернативы глобализации, по его мнению, вероятно, нет и перспективы образования расположены в рамках культурной стратегии глоба-

лизации. «Образование видится в образе двигателя модели общества XXI века – «общества знаний», для которого приоритетным выступают инвестиции в человеческий капитал – наиболее ценный ресурс» [3, с. 112-116].

В. Сенашенко, отмечая, что образовательные процессы оказались в последнее время подверженными ускоряющемуся развитию трансграничных процессов, что является следствием нарастающих темпов глобализации, выявил ключевые особенности современного процесса глобализации. К таковым В. Сенашенко относит: становление общества знаний, предъявляющего к системе образования новые требования; появление нововведений, связанных с информационными коммуникационными технологиями; возрастание роли рыночной экономики; а также разработка новых соглашений по торговле образовательными услугами. Отсюда следует очень важный вывод: «В настоящее время глобальное информационное пространство является собой реальность, которую можно рассматривать в качестве безусловной предпосылки формирования другого пространства – мирового образовательного пространства. Так что, похоже, мир – на пороге возникновения глобальной системы образования» [4, с. 13-19].

Постоянное территориальное укрупнение образовательного пространства доказывает цепочка: «региональное образовательное пространство», «национальное образовательное пространство», «образовательное пространство стран СНГ», «Европейское образовательное пространство».

Свидетельством этому является и Болонский процесс, «все участники которого стремятся выработать взаимно совместимые структуры, тем самым демонстрируя в Европейском регионе стремление отдельных стран к сплоченности» [5, с. 38-40].

Ю.В. Мрякина, пишет, что общемировые процессы глобализации и современные информационные технологии обусловили формирование новой модели образования, выразившейся в концепции открытого европейского пространства, и перечисляет предпосылки возникновения и возможные варианты развития сценариев открытого «европейского пространства»:

- 1) происходит сглаживание «образовательного конфликта» между центром и периферией;
- 2) возникновение и развитие информационного общества подчеркнуло разрыв между состоянием образования в развитых и развивающихся странах;

- 3) характер внедряемой европейской стратегии подтверждает значимость «человеческого фактора» для характеристики социоэкономического потенциала страны;

- 4) разработка сценариев организации образовательного пространства европейских стран, переход на модульное обучение позволяет создать «европейскую карту» будущего в Европе;

- 5) необходимость создания лингвистического пространства в области изучения иностранным языкам [6, с. 208-210].

Глобализация свидетельствует о расширении границ образовательного пространства. Ученые считают, что европейское пространство высшего образования потребует дополнительных усилий на европейском государственном и институциональном уровне. А.И. Гретченко, А.А. Гретченко относят к отличительным чертам европейского пространства высшего образования и основополагающим принципам его создания следующие: качество (использование кредитных систем не смогут заменить усилия по улучшению и обеспечению качества программ, преподавания и обучения); мобильность (мощной движущей силой преобразований и улучшений в высшем образовании служит растущая информированность об альтернативных подходах и передовых методах, существующих в других странах); многообразие (меры, которые не учитывают всего культурного, языкового, образовательного многообразия Европы, могут поставить под угрозу не только достижения, но и перспективы сближения в будущем); открытость (европейское сближение в будущем), которые могут выполнить свою миссию только в русле мирового рынка, основанного на конкуренции и сотрудничестве с другими регионами мира) [7, с. 102-103].

В.В. Ершов, характеризуя особенности подготовки юристов в свете Болонского процесса, пишет, что получение юридического образования, с одной стороны, неразрывно связано с конкретной правовой системой, а с другой — юридическое образование — транснациональное явление, постоянно претерпевающее изменения, отражающие новые уровни политического, экономического, культурного развития. Однако «при всех изменениях оно не должно потерять смысл и цель профессиональной подготовки будущих юристов, способных эффективно решать профессиональные задачи и развивать юридическую науку [8, с. 7].

Для интеграции в европейское образовательное пространство студент должен соответственно иден-

тифицировать себя. Как справедливо отмечают философы, «существует множество идентификаций, идентичность же всегда одна» [9, с. 13]. Е.А. Труфанова, анализируя понятие «идентичность» пишет, что в структуре идентичности принято различать два уровня – индивидуальный набор персональных характеристик, делающих данного индивида уникальным, и социальный уровень, связанный с идентификацией индивида с окружающей средой. Причем «для формирования устойчивой идентичности необходимо достижение баланса индивидуального и социального уровней» [9, с. 14].

Социальный уровень идентичности неразрывно связан с тем, что общество ждет от образования бакалавра / магистра.

Федеральный образовательный стандарт (этап бакалавриата) предусматривает наряду с профессиональным владением общекультурными компетенциями, осознавать значимость своей будущей профессии; способность добросовестно исполнять профессиональные обязанности; владеть культурой мышления; обладать культурой поведения; иметь нетерпимое отношение к коррупционному поведению; уважительно относиться к праву и закону и др. Всего стандарт предусматривает владение 15 группами общеобразовательных компетенций, куда включены компетенции, входящие в языковое образование (Стандарт бакалавра).

Юристу-бакалавру для развития социальной идентичности необходимы личностные качества, которые принимаются обществом как необходимые для данной профессии. К таковым мы отнесли:

1) социальные качества (социализация, способность адаптироваться в студенческой и профессиональной среде, способность к аккультурации);

2) психологические, куда входят интеллектуальная активность на репродуктивном уровне; самостоятельность (автономная деятельность в форме самостоятельной работы и самообразования); творчество (развитие способностей к творческой деятельности);

3) профессиональные (профессиональная устремленность, воспитание профессиональной деятельности).

Качества личности, характеризующие социальную идентичность, для каждого индивида и его идентичности преобразуются: доминируют, вспыхивают / затухают. Именно индивидуальная идентичность определяет, в какой степени принимать то или иное качество.

Стандарт юриста на этапе магистратуры предполагает творческие виды работ, требующие чтение специальной аутентичной литературы, развитие умений письма и перевода как видов речевой деятельности, а также способность общаться с коллегами-профессионалами из других стран.

В связи с изменившимися целями обучения мы наблюдаем некоторую трансформацию качеств личности для развития социальной идентичности:

1. Социальные качества включают способность жить в обществе, где образ жизни, традиции в бытовой профессиональной среде, менталитет людей отличаются от тех, которые характерны для родной страны.

2. Психологические качества характеризуются интеллектуальной активностью на эвристическом и креативном уровнях; самостоятельностью, выражающейся в автономной деятельности в различных формах, способностью к образованию через всю жизнь; творчеством как проявлением оригинальности мышления, креативностью.

3. Профессиональные качества формируются через развитие высокой степени профессионализма и компетентности.

Итак, точкой отсчета индивидуальной идентичности должна быть принятая обществом социальная идентичность.

Главной темой данной статьи является формирование европейской идентичности средствами языкового образования. Для этого необходимы концептуальные положения обучения иностранным языкам (мы остановимся на этом аспекте языкового образования) юристов (бакалавров и магистров).

1. Обучение иностранному языку должно быть личностно-ориентированным (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская). Согласно этому подходу, в центре внимания находится сам обучающийся, а работа педагога строится из мотивов, целей, психологических особенностей студентов. Личностно-ориентированное обучение предполагает известную самостоятельность студентов при определении целей, опору на имеющиеся у них знания, учет социокультурных особенностей и образа жизни молодых людей, их эмоционального состояния. Все это способствует развитию самосознания личности, познанию самого себя и других, то есть ведет к индивидуальной идентификации.

2. Согласно стандарту, студент должен владеть иностранным языком на уровне не ниже разговорного (ОК - 15) (Стандарт для бакалавров).

3. Вузовский курс обучения должен быть профессионально ориентированным, его задачи определяются коммуникативными и познавательными потребностями будущих бакалавров/магистров. Содержание обучения будущего юриста должно включать сферы общения, темы и ситуации, отражающие будущую профессию. Тексты (учебные и аутентичные) должны включать юридическую лексику и специфические для иностранного юридического текста грамматические конструкции.

4. Обучение должно соблюдать так называемый диалог культур (концепция В. Библера - М. Бахтина), знакомить студентов с кросс-культурными различиями юридической практики других стран (в частности, европейских).

5. Развитие у студентов комплекса компетенций. Существует огромное количество определений компетенций. На наш взгляд, компетенция — это, во-первых, совокупность операций и действий, знаний, способностей, активности, самостоятельности в принятии решения и других свойств личности. Во-вторых, навыки и умения используются дисциплинами деятельностного цикла, в то время как компетенции применимы для любых учебных предметов.

Компетенцию трудно представить без навыков и умений. Поэтому при подготовке программы можем наблюдать попытки составить перечень гуманитарных компетенций в виде знаний (когнитивный аспект) и перечень гуманитарных компетенций, сформулированных в виде умений, навыков, способностей (функциональный аспект). В. Меськов и Ю. Татур к компетенциям в когнитивном аспекте относят знания, составляющие фундамент научного мировоззрения; психологические знания, необходимые для самоидентификации личности в рамках социума; знание родного языка (функциональных стилей речи, основ аргументации и ораторского искусства); знание иностранного языка (основ устной и письменной речи, аннотирования и реферирования научной литературы, правил речевого этикета); знание базисных ценностей мировой и отечественной культуры и др. К компетенциям в функциональном аспекте эти же авторы причисляют умения осуществлять профессиональную деятельность; работать в команде; навыки учиться, заниматься самообразованием и самовоспитанием; умение пользоваться правами и обязанностями гражданина; владение родным языком (способность грамотно выражать свои мысли в устной и письменной форме, владение научной терминологией,

навыками аргументации); знание иностранного языка в объеме лексического минимума, умение вести диалог-беседу как общего, так и делового характера, составлять деловые письма; навыки эффективной работы со всеми элементами современной образовательной среды; способность к критическому, творческому мышлению [10, с. 82-83].

Рассмотрим, какой минимальный реестр компетенций необходим для бакалавра при изучении иностранного языка в неязыковом вузе:

а) дискурсивные компетенции, включающие гибкое использование языковых навыков и коммуникативных умений во всех видах речевой деятельности: говорении, чтении, аудировании, письме, переводе.

б) лингвориторические компетенции, то есть способность четко выражать свои мысли с учетом формы речи, аудитории, адекватного выбора речевого поведения и др.;

в) компетенции автономной деятельности.

Что касается магистров, то при составлении для них минимального реестра компетенций следует учитывать, что в магистратуру, как правило, идут студенты, получившие степень бакалавра. Следовательно, базовые компетенции для изучения иностранных языков у них уже сформированы. У магистра, как показывает анализ литературы и наш опыт работы (с группами обучаемых, получающих дополнительно/второе образование, занятия английским языком с группой аспирантов и др.) должны быть развиты следующие компетенции:

1) лингво-профессиональные компетенции, а именно:

– способность адаптироваться к лингвокультуре других стран, гибкая аккультурация;

– знание речевого этикета в ситуациях научного и делового общения;

– свободное владение всеми видами речевой деятельности, позволяющие обсуждать профессиональные проблемы, а также излагать результаты изучения этих проблем письменно;

2) исследовательские компетенции, которые включают:

– владение методологией научного поиска решения проблемы и способность изложить полученные выводы на иностранном языке;

– способность интерпретировать научную и научно-практическую информацию;

– демонстрация / описание результатов, полученных в ходе исследования в устной и письменной формах;

– подготовка магистерской диссертации и ее защита.

3) метакогнитивные компетенции, в которые входят:

– владение методологией научного поиска (в справочной литературе, Интернете) и способность изложить полученные выводы на иностранном языке;

– способность поиска источников научной и практической информации;

– развитие научного кругозора и расширение сферы фоновых знаний.

– креативность в осмыслении результатов, изложенных в трудах ученых и др.

Целостность выделенных групп компетенций обеспечивается двумя видами педагогической интеграции. Центробежная интеграция держит эти отдельные группы в единой связке. Центроостремительная интеграция обеспечивает связь между компетенциями и качествами личности бакалавра и магистра, с одной стороны, и мотивами и целями, необходимыми для развития качеств личности и компетенции - с другой. При изучении иностранного языка цементирующим элементом будут разработанные нами виды языковой интеграции: профильной, билингвальной, интеллектуальной. Профильная, или профессионально-ориентированная, интеграция основана на «беспредельности» и «безграничности» иностранного языка как учебной дисциплины (И.А. Зимняя). В вузе, где иностранный язык не является специальностью, содержание образования ориентируется на овладение студентом языком в рамках избранной специальности (в нашем случае – специальности юриста). Билингвальная или внутриязыковая интеграция координирует процессы интерференции и переноса. Интеллектуальная интеграция включает владение учебными / интеллектуальными /, метакогнитивными умениями.

6. Технологии, используемые для развития перечисленных компетенций, выбираются преподавателем в зависимости от уровня подготовки, мотивации целевой группы, с которой педагог работает. Технологии напрямую зависят от аксиологических намерений обучаемых и их индивидуальной идентичности.

Литература

1. *Anhlier Y.* Introducing Global Civil Society // *Global Civil Society*. Oxford: Oxford UP, 2001.

2. *Попова К.В.* Особенности безопасности корпораций в глобализирующемся мире // *Вестник Московского университета*. Серия 18. Политология и социология. 2007. № 1.

3. *Гранин Ю.* Образование в контексте глобализации // *Высшее образование в России*. 2004. № 12.

4. *Сенашенко В.* Интеграционные процессы в сфере образования // *Alma-Vater (Вестник высшей школы)*. 2006. № 3.

5. *Фромент Э.* Европейское пространство высшего образования: новые рамки развития // *Высшее образование сегодня*. 2006. № 6.

6. *Мрякина Ю.В.* Гармонизация европейского образовательного пространства как предпосылка модернизации процесса обучения иностранным языкам в российской высшей школе // *Современные теории и методы обучения иностранным языкам*. М., 2006.

7. *Гретченко А.И., Гретченко А.А.* Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. М., 2009.

8. *Еришов В.В.* Новые горизонты юридического образования: реальность или иллюзия? // *Alma-Mater (Вестник высшей школы)*. 2009. № 3.

9. *Труфанова Е.О.* Человек в лабиринте идентичностей // *Вопросы философии*. 2010. № 2.

10. *Меськов В.О.* Возможности приобщения гуманитарных компетенций в вузе // *Высшее образование в России*. 2006. № 8.

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГЛАМЕНТА В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

В статье анализируются различные подходы к формулированию понятия «административный регламент» в юридической науке и правоприменительной практике. Предлагается авторский подход к выработке научно обоснованной дефиниции административного регламента в российской системе осуществления функций исполнительной власти.

In the article different approaches to the formulation of the notion «administrative regulation» in the legal science and practice are analyzed. The author's approach to working out of the scientifically grounded definition of administrative regulation in the Russian system of the executive power functions is suggested.

Ключевые слова: регламент, административный регламент, административная реформа, федеральные органы исполнительной власти, административные процедуры

Key words: regulation, administrative regulation, administrative reform, federal bodies of executive power, administrative procedures.

Исходя из этимологии слова «регламент» [1, с. 900], можно сделать вывод о том, что эта дефиниция означает свод правил, устанавливающий порядок работы или деятельности, а производное от нее понятие «регламентировать» означает подчинение какой-либо деятельности точно установленным правилам (нормам), регулирующим и узаконивающим ее.

В самом общем виде под регламентом понимаются правила, регулирующие порядок какой-нибудь деятельности [2, с. 665]. Большая Советская Энциклопедия содержала следующее определение: «Регламент (польск. *reglament*, от франц. *règlement*, от *règle* – правило), 1) совокупность правил, определяющих порядок работы государственных органов, учреждений, организаций (напр., Генеральный регламент государственных коллегий 1720, Регламенты Петра I); 2) Порядок ведения заседания, собраний, конференции, сессий и съездов представительных органов...» [3, с.563].

В соответствии с юридическим энциклопедическим словарем под регламентацией (от франц. *reglement* – упорядочение, распоряжение, предписание) понимается способ организации правового регулирования общественных отношений посредством наделения их участников субъективными юридическими правами и обязанностями [4, с. 318]. Более точную, на наш взгляд, трактовку содержит юридическая энциклопедия под редакцией М.Ю.

Тихомирова, а именно: «Регламент (лат *regula* – норма, правило, от *regere* – править, управлять; англ. *time-limit*; польск. *reglament*; франц. *reglement*) – 1) нормативный акт, устанавливающий порядок деятельности государственного органа, коммерческой или некоммерческой организации...; 2) в Российской империи инструкция, служебный устав, как правило, в военном ведомстве...; 3) порядок ведения собрания, заседания, конференции, съезда; 4) название некоторых актов международных конгрессов и конференций...» [5, с. 744]. Приведем также выдержку из Большой юридической энциклопедии: «Регламент – правовой акт, определяющий внутреннюю организацию и порядок деятельности органа государственной власти (парламента, правительства, суда). В Р. не могут включаться нормы, содержащие правила поведения для других органов. Р. обычно детализирует положения о внутренней организации и порядке деятельности органа власти, содержащиеся в конституциях и соответствующих законах» [6, с. 522].

Ю.А. Тихомиров очень точно определил, что «первичной клеткой ведомственного акта» следует считать «не столько правовые нормы общего характера, сколько нормы конкретного свойства». «Это, – писал он, – скорее операциональные правила действий, выражающиеся в императивных предписаниях, технико-экономических нормативах, методических рекомендациях, ориентирующих на еди-

нообразные действия, в обязательных требованиях и документах» [7, с. 179].

Примечательно, что сравнительно не так давно как в научной, так и в учебной литературе о регламентах как особой разновидности юридических актов федеральных органов исполнительной власти вообще ничего не говорилось. Например, даже в достаточно известном учебнике для вузов «Административное право», изданном в 2006 г., кроме единственного упоминания Регламента Правительства Российской Федерации, больше ничего не сказано об административных регламентах [8, с. 379, 381-387]. И дело здесь не в просчете уважаемых авторов. Причина кроется в том, что регламенты как таковые и конкретно административные регламенты были буквально властным образом введены и внедрены в юридическую теорию и практику современного российского «камерализма» в ходе провозглашения, легального оформления и ускоренной реализации административной реформы. Остановимся на этом подробнее. История и теория административной реформы в постсоветской России достаточно подробно изложена в литературе последних лет [9].

Как известно, распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р были одобрены Концепция административной реформы и план мероприятий по ее осуществлению в 2006-2008 годах. В соответствии с этими документами в числе задач, поставленных во главу угла реформы, было намечено разработать и внедрить необходимое и достаточное количество административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг федеральными и региональными органами исполнительной власти.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2005 г. № 679 в целях унификации и оптимизации процесса принятия соответствующих административных регламентов был утвержден «Порядок разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг». Его появлению предшествовала попытка пролоббировать принятие двух законопроектов федерального уровня об административных регламентах и о стандартах оказания государственных услуг. Последние, однако, были «заморожены» еще на этапе их внесения от имени Правительства России в Государственную Думу, после чего и было принято решение вводить их императивным правитель-

ственным актом. Кстати говоря, этот путь имеет достаточно давнюю традицию, ибо регламенты в Российском государстве существовали испокон веков. Можно вспомнить, например, такие их аналоги, как соборные земские уложения XVI века, не говоря уже о регламентах Петра I, основанных на шведском опыте, etc.

В указанном контексте трудно согласиться с утверждением А.В. Нестерова о том, что «одним из первых, кто прямо указал на проблему регламентации, считается Э. Дюркгейм» со ссылкой на работу С.Б. Чернышева «Корпоративное предпринимательство» (2001) [10, с. 91]. Принимая во внимание заявку А.В. Нестерова на постулирование общей теории регламентации, всё же не можем согласиться с его попыткой соединить организационно-технические и социолого-управленческие аспекты регламентации с административно-правовыми и юридико-процессуальными проблемами регламентирования деятельности федеральных органов исполнительной власти. В этой связи предложенная указанным автором трактовка теории и практики регламентации весьма далека от целей и задач именно административного регламентирования исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг органами исполнительной власти. На наш взгляд, более точной является та оценка, которая дана Т.Я. Хабриевой, А.Ф. Ноздрачевым и Ю.А. Тихомировым, а именно: «Административными регламентами должно быть урегулировано выполнение всех государственных функций и отдельных процессов, обеспечивающих их исполнение, в том числе связанных с оказанием государственных услуг неопределенному кругу лиц, с гарантией исполнения прав и обязанностей граждан и организаций, с оказанием государственных услуг конкретным лицам непосредственно в государственных органах» [9, с. 35].

Наглядным правовым воплощением и подтверждением данной оценки выступает Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и, в частности, его глава 3 «Административные регламенты» (статьи 12 и 13).

Как очень точно подмечено Н.Г. Салищевой, в научных исследованиях преобладает в настоящее время обоснование существования и развития трех видов административного процесса (в обоих его пониманиях) – административные процедуры, административная юрисдикция, административное судопроизводство – и соответствующих каждому

из этих видов административно-процессуальных отношений; причем административные процедуры относятся ею к сфере деятельности органов исполнительной власти [11, с. 108]. В этом контексте нуждается в уточнении предложение И.В. Пановой в части трактовки ею одного из трех блоков отношений, составляющих предмет административно-процессуального права, а именно - блока административных процедур как внутриорганизационной процедурной деятельности администрации [12, с. 16]. В последнем случае налицо попытка дать предельно обобщенную формулировку понятия «административные процедуры», которая, вообще говоря, формально логически выходит за рамки чисто административного процесса, так как не содержит расшифровки термина «администрация».

На наш взгляд, в качестве исходной клаузулы следует принять положения, сформулированные в известной статье Т.Я. Хабриевой, А.Ф. Ноздрачева и Ю.А. Тихомирова, а именно: «Под административным регламентом понимается нормативный правовой акт, устанавливающий административную процедуру (административные процедуры)... Административными регламентами должно быть урегулировано выполнение всех государственных функций и отдельных процессов, обеспечивающих их исполнение, в том числе связанных с оказанием государственных услуг неопределенному кругу лиц, с гарантией исполнения прав и обязанностей граждан и организаций, с оказанием государственных услуг конкретным лицам... в государственных органах» [9, с. 34-35]. Добавим только, что подобный подход вполне применим и к сфере выполнения муниципальных функций, а также оказания муниципальных услуг.

Интересна характеристика специфичности административных регламентов, предложенная В.Г. Меркуловым, который, в частности, пишет о том, что «к особенностям административных регламентов среди актов управления относятся: их комплексность, сравнительная полнота и глубина регулирования соответствующих административных процедур»; и далее отмечает, что «данные особенности... обусловлены не только определением исчерпывающего перечня административных действий, процедур и требований к порядку их совершения (в том числе путем установления конкретных сроков), но и углубленной детализацией процедур по субъектам-исполнителям с доведением до уровня конкретных должностных лиц» [11, с. 111].

В последние годы защищено несколько диссертаций по проблемам административной регламентации, в которых содержатся своеобразные юридические определения этого явления. Так, в диссертации К.В. Давыдова сформулировано понятие административных регламентов федеральных органов исполнительной власти как принятых в установленном порядке компетентными федеральными исполнительными органами в целях оптимизации управленческой деятельности (упорядочения и упрощения, устранения избыточных административных процедур и действий, нормативных административных актов, закрепляющих как общие правила организации деятельности соответствующих исполнительных органов в установленной сфере ведения (в том числе правила, процедуры внутренней организации их деятельности), так и сроки и последовательность действий (административные процедуры) этих органов, порядок взаимодействия между их структурными подразделениями и должностными лицами, а также порядок взаимодействия самих федеральных органов исполнительной власти и организаций при исполнении государственных функций и предоставлении государственных услуг [13, с.8].

Такая, очевидно, громоздкая конструкция дефиниции административных регламентов вряд ли может считаться приемлемой. Полагаю, что афористичная формула Т.Я. Хабриевой, А.Ф. Ноздрачева и Ю.А. Тихомирова, приведенная выше, более качественно, лаконично и емко дает представление о сущности этой юридической категории.

Вместе с тем вполне можно согласиться с выводом К.В. Давыдова о том, что административные регламенты являются новым и самостоятельным видом нормативного акта управления [13, с. 10]. Этот концептуальный тезис поддержан и в диссертации В.О. Буряги, который обосновал, что административный регламент является по своей правовой природе актом управления, а его содержанием – управленческая процедура; в этом смысле он представляет собой правовой акт, в котором детально закреплена последовательность реализации позитивной управленческой процедуры [14].

Справедливости ради следует указать на то, что в чем-то похожие определения использовал в своей диссертации, защищенной в 2008 году, В.В. Брижанин [15], что позволило его коллегам развить и обновить аналогичные понятия.

Анализ действующей нормативной базы административного регламентирования (а сегодня это

несколько тысяч административных регламентов, включая свыше 500 административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг только федеральными министерствами, службами и агентствами, а также множество административных регламентов на муниципальном уровне) требует поставить в повестку дня ускоренную разработку юридико-научной концепции законодательства об административных регламентах и их роли в модернизации государственного управления. Одним из первых шагов в этом направлении следует признать необходимость выработки четкой юридической формулировки дефиниции «административный регламент» и определения ее места в теории регламентации деятельности органов исполнительной власти федерального, регионального и муниципального уровней управления.

Литература

1. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 6-е изд., стереотип. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1964.
3. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. 1975. Т. 21.
4. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М., 1984.
5. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., дополн. и переработ. / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2001.
6. Большая юридическая энциклопедия. М., 2005.
7. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998.
8. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: Учебник для вузов. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2006.
9. Хабриева Т.Я., Ноздрачев А.Ф., Тихомиров Ю.А. Административная реформа: проблемы и решения // Административная реформа в России. М., 2006.
10. Нестеров А.В. О теории и практике регламентации // Государство и право. 2008. № 1.
11. Государство и право. 2010. № 11.
12. Панова И.В. Административно-процессуальное право России / 3-е изд., пересмотр. М., 2011.
13. Давыдов К.В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009.
14. Буряга В.О. Административный регламент в сфере реализации исполнительной власти в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
15. Брижанин В.В. Административные регламенты органов государственного управления в аспекте административной реформы в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

УДК 342.9

Рустамова С.М.

ЭЛЕМЕНТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕНАТА И ДРУГИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье дана развернутая характеристика проблеме эволюции в Российской империи элементов административной юстиции в надзорной деятельности Сената и других органов власти в первой половине XIX века. Определенное внимание уделено административным реформам Александра I и плану государственных преобразований М.М. Сперанского.

In article the developed characteristic is given an evolution problem in the Russian empire of elements of administrative justice in supervising activity of the Senate and other authorities in first half of XIX-th century. The certain attention is given Alexander's administrative reforms I and to the plan of the state transformations of M.M. Speransky.

Ключевые слова: Государственный совет, реформа, управление, Сенат, министр, монарх, комитет, манифест, империя, император, Россия.

Keywords: *the state council, reform, management, the Senate, the minister, the monarch, committee, the manifesto, empire, the emperor, Russia.*

Административные реформы Александра I, согласно бытующему мнению, означали разрыв с административным прошлым XVIII в., однако это нельзя считать абсолютно правильным. Идеи подготовки реформ существовали уже в XVIII в., особенно во времена Екатерины II. Сами реформы были намечены императором Павлом I, но осуществлены лишь в первом десятилетии XIX в.

И Александр I, и Николай I старались в первую очередь водворить законность в государственном управлении и в соответствии с этой задачей реформировать аппарат государственной власти. В Манифесте 1810 года об учреждении Государственного совета было сказано, что «истинный разум всех усовершенствованных русских государственных установлений состоит в том, чтобы учреждать постоянно образ правления на твердых непременных основаниях закона» [1].

Административные реформы Александра I выразились в проведении следующих мероприятий.

Во-первых, в 1802 г. была образована новая система отраслевого управления и были созданы первые восемь министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения. Эти органы имели ясно и четко определенную компетенцию, во главе каждого из них был поставлен единоличный руководитель - министр, назначившийся монархом, политически ответственный перед ним, а в административном плане - перед Сенатом [2, с. 148-154].

Во-вторых, в 1810 г. в соответствии с планом государственных преобразований М.М. Сперанского был образован Государственный совет - высший законосовещательный орган Российской империи. Основной функцией Государственного совета являлось рассмотрение на своих заседаниях всех законопроектов перед утверждением их императором. Помимо законопроектов, Государственный совет рассматривал бюджетные сметы, уставы различных обществ, жалобы частных лиц на злоупотребления властью должностными лицами, жалобы на Сенат [3, с. 741-750].

В-третьих, император Александр I сделал практические шаги в установлении постоянного и строгого контроля за управленческой деятельностью в государстве, в подчинении каждого чиновника закону. Уже 19 марта 1801 г. последовал Указ обер-полицеймейстеру о чиновниках, чтобы они не выхо-

дили за пределы своей должности, а тем более не дерзали причинять никому никаких обид и притеснений, действуя в любом случае так, как предписано законом [4]. С этой же целью в 1801-1802 гг. была проведена реформа Сената.

Преобразование Сената предусматривалось Указом от 5 июня 1801 г., в котором поручалось членам Сената разработать проект закона о его правовом статусе [5]. Основная идея, которую должны были положить все разработчики в основание реформы Сената, заключалась в том, чтобы сделать Сенат органом, сдерживающим произвол администрации. Среди проектов закона о Сенате, разработанных такими сенаторами, как Н.С. Мордвинов, В.П. Кочубей, Д.Г. Трошинский, А.Р. Воронцов, особое внимание императора Александра I привлек проект Н.П. Румянцева. По его проекту устройство Сената предусматривало два основных направления: он должен был быть органом административным или правительственным, осуществляющим надзорно-контрольную деятельность за всеми органами управления в империи, и вместе с тем - органом судебным, выполняющим функцию «сберегателя государственных законов» [6, с. 197]. Содержание данной записки было одобрено Александром I, и отдельные ее положения получили практическое применение при преобразовании Сената.

8 сентября 1802 года был издан Указ «О правах и обязанностях Сената», в соответствии с которым Сенат приобретал и административно-надзорную, и судебно-надзорную власть. От Сената отошли законодательные функции, которые сосредоточил в своих руках Государственный совет. Реформа отраслевого управления, приведшая к образованию министерств, освободила Сенат от многих функций «активного управления» [7]. Зато благодаря реформе 1802 г. чрезвычайно усилились надзорно-контрольные функции Сената. В ст. 1 Указа от 8 сентября 1802 года Сенат определялся, как «верховное место в империи нашей, имея себе подчиненными все присутственные места, он, как хранитель законов, печется о всеместном наблюдении правосудия; наблюдает за собиранием податей и за расходами штатными; имеет попечение о средствах к облегчению народных нужд, соблюдению общего спокойствия и тишины и прекращению всяких противозаконных деяний во всех подчиненных ему местах» [8].

По Указу 1802 года усилилось значение 1-го департамента Сената как надзорно-контрольного органа, который получил название Правительственного департамента. Этот департамент осуществлял надзор за органами управления империи, как правило, не вмешиваясь в дела, которые производились в присутственных местах, т.е. в управленческих учреждениях. Равным образом, как говорилось в Указе 1802 года, «Сенат не может входить в дела апелляционные и следственные прежде, нежели они придут к нему по порядку». Но Сенат согласно ст. 8 Указа 1802 года издавал «побудительные указы» только по жалобам частных лиц на губернские правления и палаты. Следует заметить, что компетенция 1-го департамента была расширена еще более Указом Сената от 19 апреля 1804 года, передавшим в департамент рассмотрение жалоб по полицейским, почтовым, медицинским и научным делам, которые ранее рассматривались в 3-м департаменте Сената [9].

8 сентября 1802 года, в один и тот же день, когда был издан Указ «О правах и обязанностях Сената», был издан Манифест об учреждении министерств, в котором Сенату предписывалось стать инстанцией, контролирующей министров. Сенат был обязан рассматривать деяния министров «по всем частям, их управлению вверенным», «делать свои заключения и представлять Нам доклады». В ст. 12. Манифеста говорилось: «Каждый из министров в конце года должен подавать Нам через Правительствующий Сенат письменный отчет в управлении всех вверенных ему частей, исключая из них дела, тайне подлежащие».

Статьи 13 и 14 Манифеста устанавливали, что Сенат может, исследовав этот отчет, требовать от министра, если в этом будет необходимость, объяснений, сравнивать данные отчета с данными «рапортов, прямо от мест Правительствующему сенату в течение того года доставленными». Если же Сенат, исследуя отчет, заметит злоупотребления, то он обязан требовать от министра объяснения и если это объяснение будет неудовлетворительным, то представить об этом доклад самому императору, прилагая свои соображения и мнения [8].

Необходимо отметить, что административные реформы 1801-1811 гг, хотя и не сразу, но постепенно преобразовывали государственный строй страны и, самое главное, способствовали уменьшению злоупотреблений и улучшению в этой сфере «административных нравов» (по А. Токвилю). Тем не менее надзорно-контрольная деятельность Сената

была далека от совершенства. Поэтому царствование Николая I также началось с реформаторских мероприятий.

В скором времени после восшествия на престол Николай I образовал 6 декабря 1826 г. специальный Комитет, который обязан был пересмотреть все государственное устройство империи и дать по этому вопросу соответствующие рекомендации. В него вошли В.П. Кочубей (председатель), И.В. Васильчиков, А.М. Голицын, М. М. Сперанский, Д.Н. Блудов, А.Д. Балашов.

Комитет в течение несколько лет исследовал различные вопросы государственного строительства, подготовив рекомендации по многим сторонам государственного управления и надзорно-контрольной деятельности. Прежде всего члены Комитета высказали свои соображения и предложения по вопросу о надзоре за губернскими и уездными органами управления. Дело в том, что уже в начале 1827 г. император Николай I объявил членам Комитета, что он в неудовлетворительном управлении губерниями видит самое большое зло Российской империи и если беспорядки и злоупотребления властью в центральных органах могут быть из-за близости их исправляемы, то беспорядки и злоупотребления властью на далеком пространстве империи могут быть постоянными и одновременно безнаказанными [10, с. 158].

Одним из лучших средств надзора за законностью действий «подчиненных Сенату в порядке управления мест» Комитет признал периодические ревизии сенаторами. Сенаторские ревизии, по мысли членов Комитета, должны были превратиться из чрезвычайной меры надзора в меру постоянную.

Интересными были и другие предложения членов Комитета, в которых затрагивались вопросы центрального и губернского управления. Из таких представленных в Комитет проектов заслуживают особого внимания проекты М.М. Сперанского и А.Д. Балашова, в которых содержались положения об административной юстиции. Остановимся вкратце на проекте Балашова, носившем название «Об общем губернском и общем уездном управлении» [6, с. 253-256].

Автор записки хорошо знал русскую жизнь, занимал должности московского и петербургского обер-полицмейстера, а затем в течение ряда лет должность генерал-губернатора, контролируя пять губерний. Согласно проекту Балашова губернатор должен был быть органом «активного управления», а не надзора. Такое же положение отводи-

лось губернскому правлению, которое, говорилось в проекте, есть «место распорядительное», хотя и имеет надзор за органами управления губернии. Функции же надзора Балашов предлагал поручить «губернскому совету», который должен был: 1) осуществлять надзор за правильным течением дел в подчиненных местах; 2) разрешать споры о компетенции между губернскими органами; 3) разбирать жалобы частных лиц на правительственные (государственные) учреждения и, не касаясь самого существа дела, отменять их неправильные с точки зрения закона, решения; 4) проверять, т.е. контролировать, деятельность органов, решения которых обжалуются частными лицами. Исследователь института административной юстиции в России ученый-административист С.А. Корф справедливо видел в губернском совете, обрисованном Балашовым, учреждение административной юстиции. Он писал: «Эти функции предполагаемого губернского совета интересны нам в виду того, что представляют довольно определенно развитые судебно-административные элементы» [6, с. 254]. Проекту Балашова, как, впрочем, и другим проектам, разработанным в период деятельности Комитета, не суждено было осуществиться в николаевское время, но, представляется, что эти идеи нашли отражение в судебной и земской реформах 60-х годов XIX в.

В 1832 г. Комитет 1826 года прекратил свои заседания, а в 1833 г. императором Николаем I был утвержден Свод Законов Российской империи.

Известный ученый-административист Э.Н. Берендтс, освещая этот факт, писал: «Хаотическому состоянию законодательства был положен конец» [10, с. 166]. И хотя Сенат и другие органы государственной власти империи оставались «недостроенными», некоторые из предложений Комитета 1826 года были приняты создателями Свода законов, вследствие чего надзорная деятельность Сената была поставлена на прочную правовую основу и оставалась в данном состоянии до реформ 60-х годов XIX в.

«Рапорты и доношения» в Сенат обязаны были посылать министры, губернаторы и губернские прокуроры. В своде законов точно и ясно были определены обязанности губернских прокуроров: «они назначаются и увольняются Сенатом по предложению министра юстиции и, согласно Своду законов (статьи 654 и 657), «имеют единственным предметом своих действий непосредственный надзор за порядком производства дел на местах губернских» [11, с. 171], причем этот надзор распространялся

на различные стороны губернской жизни, как-то: на производство рекрутских наборов, на собиранье податей и казенных доходов, на отправление правосудия, на деятельность дворянских собраний.

Важной формой надзорной деятельности Сената за деятельностью местного государственного аппарата были сенаторские ревизии. Хотя эта форма надзора была установлена еще Указом Петра I в 1722 г., расцвет сенаторских ревизий относится к первой половине XIX в., когда были проведены 92 сенаторские ревизии, направленные на повышение эффективности работы местного аппарата [12, с. 754]. В первые годы XIX в. сенаторские ревизии регламентировались Указом Павла I от 1 декабря 1799 года, который назывался: «Высочайше утвержденные пункты, служащие в наставление и руководство господам сенаторам, избранным для объезда и осмотра губерний» [13, с. 47-48].

Обычной причиной назначения сенаторских ревизий губерний были злоупотребления по местному управлению, сведения о которых доходили до Сената по разным каналам, в том числе из посылаемых с мест жалоб. Следует сказать, что инициатива назначения сенаторских ревизий принадлежала, как правило, Сенату или министру юстиции. Чаще всего командировались один-два сенатора. Сенаторские ревизии доставляли центральной власти обильный и в большинстве случаев достоверный материал для суждения о нуждах местного населения и о характере деятельности местной администрации [14].

При посылке сенаторов на ревизии во второй половине царствования Николая I им поручалось «в отношении чиновников, со стороны коих замечены будут маловажные упущения по службе, употреблять более меры исправительных взысканий, и за важные упущения без видимых, однако, следов злоупотреблений, не давая суду, увольнять от должностей» [15, с. 637].

Необходимо отметить, что законодательство первой половины XIX века в достаточно ясных выражениях признало за частными лицами право приносить жалобы Сенату на начальников губерний и губернские правления, палаты и другие местные учреждения. Правда, как показывали статьи 347-348 Свода законов, правила написания таких жалоб были сложны и нарушение их, хотя бы самые незначительные, приводили к тому, что жалоба оставалась без рассмотрения и возвращалась жалобщику с надписью о причинах, по которым она не принята [11, с. 89].

Однако, несмотря на сложную процедуру написания жалобы и требование соблюдать другие формальности, право подданного Российской империи приносить жалобу на действия должностных лиц и управленческих учреждений упрочилось, что выразилось в расширении круга учреждений, куда можно было подавать жалобу или прошение. По Своду законов к таким учреждениям относились Сенат, Государственный совет, Комитет министров, министры, а на местах генерал-губернаторы, губернаторы и прокуроры.

Когда был образован Государственный совет, при нем была учреждена специальная Комиссия по жалобам и прошениям, которая могла рассматривать различные жалобы на органы власти и должностных лиц, в том числе жалобы на департаменты Сената и на решения Общего собрания Сената [16, с. 208]. Но главной задачей Комиссии прошений являлось рассмотрение жалоб на администрацию и судебные органы. При этом закон требовал, чтобы Комиссия сама принимала решения по жалобам и не отсылала дело в другие органы.

Жалобы можно было подавать также в Комитет министров - высший административный орган Российской империи, учрежденный в 1802 году и призванный координировать деятельность министерств, а также рассматривать дела по надзору за государственным аппаратом, в том числе жалобы помещиков и крестьян. В каждом министерстве существовали специальные отделения (экспедиции), которые были обязаны принимать жалобы и, если они соответствовали установленным требованиям, направлять их министру или одному из его товарищей (заместителей) [17, с. 101-113].

Следует отметить, что в первой половине XIX в., как в законодательстве, так и в научной литературе, теоретически более глубоко и основательно был осмыслен документ, который в течение ряда столетий именовался «челобитная», но на рубеже XVIII-XIX вв. постепенно стал называться более точными и менее архаичными терминами: «прошение», «жалоба», «проект». В этих трех понятиях проглядывает уже современная классификация обращений на три группы: заявления, т.е. прошения, содержащие обычно просьбы авторов об удовлетворении их личных прав, оказании помощи; жалобы-документы, содержащие просьбу-требование авторов защитить их нарушенные права и интересы; предложения, т.е. проекты, документы, содержащие мнения авторов по какому-либо вопросу, в частности, по улучшению деятельности государствен-

ного аппарата [18]. Не случайно в 1811 г. в Санкт-Петербурге издается первая в отечественной науке административного права монографическая работа А.А. Плавильщикова «Рассуждение о прошениях и жалобах, подаваемых в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны». В работе автор исследовал понятия прошения и жалобы, сделал сравнительный анализ этих понятий, классифицировал их, охарактеризовал реквизиты этих документов, их процессуальные свойства, проанализировал процедуры подачи и рассмотрения [19].

Следует указать еще одну деталь, свидетельствующую о том, что правовая культура производства по жалобам частных лиц в плане субъектного состава достигла в первой половине XIX в. относительно высокого уровня. Свод законов Российской империи предусмотрел жалобы не только индивидуальных, но и коллективных субъектов.

Важно подчеркнуть, что в течение всей первой половины XIX в. в законодательстве шел процесс все более четкого очерчивания субъективных гражданских и публичных прав подданных Российской империи, подготавливался материал для реформ 60-70 годов XIX в. Как в советской историографии и историко-правовой науке, так и в либеральной дореволюционной науке время Николая I рисовалось черными красками как время, когда государство поглощало личность с ее правами и интересами, «Государство, - писал историк права И.А. Блинов о Российской империи первой половины XIX века, - не интересовалось этого рода правами, и озабочено было исключительно охранением существующего правопорядка, или, по выражению людей начала XIX века, «охранением силы закона» (т.е. права объективного), какой цели и должен был служить надзор» [20, с. 613]. Можно полагать, что с этими словами согласились бы К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев и другие либеральные правоведы. Однако следует отметить: именно в период царствования Николая I был сделан практический шаг в плане законодательного закрепления гражданских и публичных прав различных сословий. В Своде законов Российской империи 1832 года ст. 277 закрепила за Сенатом функцию охраны прав и преимуществ разных сословий. Иначе говоря, каждое сословие имело свои права и обязанности, и их охрана была функцией Сената [11, с. 70].

На этом общем сословном фоне выделяются некоторые доклады и указы Сената. Так, в 1808 г. он входит с докладом императору о распространении

облегчений, данных удельным крестьянам Законом от 22 февраля 1808 года, также на помещичьих крестьян [21]. В этом же году Сенат подробно разъясняет порядок достижения свободы крепостными крестьянами [22]. При правильном взгляде на защиту сословных прав Сенатом можно прийти к выводу о том, что это постепенно и неизбежно вело к защите общих субъективных гражданских и публичных прав. Историк права царской России С.К. Гогель по этому поводу справедливо замечал: «Нельзя забывать, что деятельность Сената по ограждению сословных прав осуществляла этим путем, в возможной для того времени форме, и ограждение общечеловеческих прав личности» [23, с. 485].

Подводя итоги надзорно-контрольной деятельности Сената и оценивая его путь от реформы 1802 года до реформы 60-х годов XIX века, следует сказать, что Сенат, - плохо или хорошо, - но выполнял функции, необходимые в любом хорошо устроенном государстве: функции учреждения, которое осуществляло надзор за столичной и местной администрацией; функции учреждения, где закон находил защиту, произвол администрации – преграду, где жалоба частного лица или общественного объединения на действия органов управления могла быть рассмотрена и по ней принято положительное для жалобщика решение. Анализ надзорно-контрольной деятельности Сената за этот исторический отрезок времени позволяет сделать вывод о том, что в этой деятельности уже видны элементы административной юстиции.

Генетическое развитие этих элементов из надзорной власти Сената обуславливалось рядом факторов, прежде всего наличием у жителей Российской империи определенных сословных прав, через которые пробиваются общие субъективные гражданские и публичные права, а также наличием права защищать эти права от посягательства на них должностных лиц, т.е. права обжаловать действия административных органов в другие органы, в том числе и в Сенат. Другим фактором, способствовавшим появлению в надзорной деятельности Сената элементов административной юстиции, было постепенное освобождение этого органа от «активного управления», т.е. управления финансами, экономикой, транспортом и т.д. Попытки отделения надзора от «активного управления» предпринимались еще при Александре I, который весьма интересовался контрольно-надзорной властью Сената и даже высказал пожелание, чтобы Сенат «мог получать сведения о происходящем и следить за администраци-

ей, а не иметь на нее влияние» [24]. Однако процесс отделения надзора от «активного управления» шел медленно, но неуклонно. Политическая и управленческая роль Сената в лице 1-го департамента, его судебно-административные функции, связанные с рассмотрением жалоб частных лиц на нарушение их прав органами государственного управления, все более выдвигались на первый план. Ко времени наступления реформ 60-70-х годов XIX века 1-й департамент Сената был в известной степени подготовлен к превращению в высший и самостоятельный административный суд, в котором нуждалась Россия.

Однако помимо практических шагов в области развития и формирования элементов административной юстиции, в России в первой половине XIX века, имела место теоретическая разработка вопросов административной юстиции. К таким теоретикам следует отнести выдающегося русского реформатора М.М. Сперанского, который, разрабатывая план всеобщего государственного преобразования и прекрасно зная административное устройство стран Западной Европы, не мог не затронуть в своих записках и проектах реформ вопросов административной юстиции.

Литература

1. Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 31. № 24064.
2. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1999.
3. *Щеглов В.Т.* Государственный совет в России в особенности в царствование императора Александра I. Ярославль, 1892. Т. 1.
4. Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 26. № 19799.
5. Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 26. № 19904.
6. *Корф С.А.* Административная юстиция в России. СПб., 1910. Т. 1.
7. *Корф С.А.* Указ. соч. С. 210; См. также: Петровский С.Л. О Сенате. СПб., 1875.
8. Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 27. № 20405.
9. Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 28. № 21271.
10. *Берендтс Э.Н.* Проекты реформы Сената в царствование императоров Александра I и Николая I // История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911. СПб., 1911. Т. 3.
11. Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1.

12. *Ерошкин Н.П.* Сенаторские ревизии // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12.
13. *Бочкарев В.* Сенаторские ревизии в России при Павле I // Известия Тверского педагогического института. Тверь, 1926. Вып. 1-2.
14. *Блинов И.А.* Сенаторские ревизии // Журн. Мин. юстиции. 1913. № 2, 4, 6, 7, 10.
15. Цит. по: *Блинов И.А.* Отношение Сената к местным учреждениям до реформ 60-х годов // История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911. СПб., 1911. Т. 3.
16. *Гаген В.А.* Отношение Сената к Верховной власти до реформ 60-х годов // История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911. СПб., 1911. Т. 3.
17. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802-1902). СПб., 1902.
18. Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 17. Ст. 144; См. также: Советское административное право. М., 1990.
19. *Плавильщиков А.А.* Рассуждения о прошениях и жалобах, подаваемых в правительственные и судебные места и к тем лицам, кои по законам принимать оные должны. СПб., 1811.
20. *Блинов И.А.* Отношение Сената к местным учреждениям до реформы 60-х годов // История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911. СПб., 1911. Т. 3.
21. Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 30. № 23017.
22. Там же. № 22840.
23. *Гогель С.К.* Круг ведомства и очерк деятельности Правительствующего сената до реформ 60-х годов // История Правительствующего сената за двести лет. 1711-1911. СПб., 1911. Т. 3.
24. *Блинов И.А.* Указ соч. С. 539; См. также: Лазаревский Н.И. Правительствующий сенат как орган надзора // Право. 1903. № 23.

ПЕРСОНАЛИИ

ГЕННАДИЮ ИЛЛАРИОНОВИЧУ МУРОМЦЕВУ

75 лет

27 октября 2011 года профессору кафедры теории и истории государства и права юридического факультета РУДН исполнилось 75 лет!

Геннадий Илларионович прошел большой и славный путь.

Он родился 27 октября 1936 года в г. Алма-Ате. В 1959 г. окончил юридический факультет МГУ им М.В. Ломоносова.

С 1959 г. по 1964 г. Г.И. Муромцев работал сотрудником органов прокуратуры г. Москвы, где прошел путь от следователя до прокурора следственного управления г. Москвы. В период с 1964 по 1967 г. Г.И. Муромцев обучался в аспирантуре на кафедре теории и истории государства и права РУДН, по окончании которой в 1968 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Некоторые особенности национального права в странах Африки, развивающихся по некапиталистическому пути».

В 1990 г. Г.И. Муромцев защитил докторскую диссертацию на тему «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки (теоретико-правовые проблемы)».

С 1968 года стал работать на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета РУДН сначала в должности старшего преподавателя, руководителя группы,

затем в должности доцента кафедры, с 1990 г. и по настоящее время он является профессором кафедры.

В 1991 г. Г.И. Муромцеву присвоено ученое звание профессора. Геннадий Илларионович Муромцев является председателем диссертационного совета (объединенного с Всероссийской академией внешней торговли) по специальности 12.00.01. «Теория и история права и государства. История правовых учений». В 2002 году он был назначен членом Научно-методического совета по правоведению Минобразования России.

Перу Г.И. Муромцева принадлежит более ста печатных работ. Среди них научные статьи, монографии и главы в коллективных монографиях, учебные пособия.

Основными областями научных интересов Геннадия Илларионовича являются: исследование с историко-теоретических позиций источников права развивающихся стран, культурологический подход в методологии правовых исследований, сравнительные исследования правовых систем и правовых культур, правовая политика, исследование государства и права традиционных и переходных обществ.

Приобрели известность его работы: «Конституции арабских государств» (1982 г.), «Систематизация и кодификация права в развивающихся странах Азии и Африки» (1983 г.), «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции» (1987 г.), «Право и политика в современной России» (1996 г. в соавт.), «Проблемы общей теории права и государства» (1999 г. в соавт.), «Право и культура» (2002 г. в соавт.), «Правовая политика и пути совершенствования российского законодательства» (2006 г. в соавт.).

Коллектив кафедры теории и истории государства и права юридического факультета РУДН сердечно поздравляет уважаемого и до-

рогого нам Геннадия Илларионовича с юбилеем! Во многом Вашими усилиями кафедра существует в том виде, в каком сейчас, когда представители различных поколений, понимая общие задачи и цели развития кафедры имеют возможность и стремятся реализовывать свой научно-преподавательский потенциал в атмосфере доброжелательности, профессиональной и человеческой поддержки и творческого научного поиска. Многие сотрудники кафедры являются Вашими учениками и выпускниками юридического факультета РУДН. Равняясь на Вас как на пример бесконечной преданности науке и преподавательской деятельности, члены кафедры постепенно становились профессионалами своего дела, учились внимательно и чуткому отношению как к коллегам, так и к студентам. Благодаря Вам формировалось и продолжает развиваться наше мировоззрение как юристов, человеческие качества и научные навыки. Мы очень ценим, что такой светлый, порядочный, добрый человек, как Вы, находит-

ся среди нас. Желаем Вам, Геннадий Илларионович, крепкого здоровья, творческих успехов и новых научных достижений! С Днем Рождения!

Юридическая общественность Юга России сердечно приветствует Геннадия Илларионовича в день большого юбилея, с удовлетворением отмечает его постоянное содействие развитию юридической науки в нашем регионе.

Коллектив редакции нашего журнала присоединяется к этим поздравлениям. И от всей души желает Геннадию Илларионовичу крепкого здоровья, дальнейших больших творческих успехов и благополучия на многие годы.

Коллектив кафедры теории и истории
государства и права
юридического факультета
Российского университета дружбы народов

Редколлегия журнала «Северо-Кавказский
юридический вестник»

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Ивану Андреевичу Иванникову – доктору юридических наук, доктору политических наук, профессору, исполнилось 50 лет. Родился он в семье сельских тружеников в Ставропольском крае и сам с детства узнал, что такое тяжелый сельскохозяйственный труд. С младших классов школы его интересовала история, а в подростковом возрасте появился интерес к политической жизни.

В 1986 году он поступил в Ростовский государственный университет, где учился на философском и юридическом факультетах. Еще в студенческие годы он начал заниматься проблемами формы российского государства, государственной власти, историей русской политико-правовой мысли, философией права, вопросами взаимодействия государственных и религиозных организаций. На втором курсе в 1988 году он занял первое место на областном конкурсе лекторов среди студентов вузов, был призером студенческих научных конференций на философском и юридическом факультетах Ростовского государственного университета, выступил в 1992 г. с докладом о политических взглядах К.П. Победоносцева на Всероссийской научной конференции в Кубанском государственном университете. После окончания в 1993 г. юридического факультета был приглашен работать преподавателем на кафедру теории и истории государства и права.

В 1995 г. в Саратовской государственной академии права (СГАП) Иван Андреевич защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы государственного устройства в русской политико-правовой мысли второй половины XIX века (М.А. Бакунин, К.Д. Кавелин, К.П. Победоносцев)», а спустя пять лет, в 2000 г., там же защитил докторскую диссертацию «Проблема эволюции формы государства в русской политико-правовой мысли XIX-XX веков». В 2005 году ему было присвоено звание профессора. В 2006 году в Северо-Кавказской академии государственной службы Иваном Андреевичем Иванниковым была защищена вторая докторская диссертация по политическим наукам на тему «Эффективность государственной власти в Российской Федерации: теоретико-методологический анализ». В настоящее время И.А. Иванников является членом ученого совета юридического факультета, руководителем научно-теоретических семинаров профессорско-преподавательского состава юридического факультета Южного федерального университета, с 1999 г. стал научным руководителем студенческого научно-познавательного клуба «Государствовед», Академиком Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург).

Основные свои научные взгляды И.А. Иванников обобщил в монографиях: «В поисках идеала государственного устройства России» (1995), «И.В. Сталин и советское государство: идеи и практика их реализации» (1998), «Проблема формы российского государства в русской политико-правовой мысли второй половины XIX-начала XX веков» (1999), «В поисках идеала государственной формы России» (2000), «Организованная преступность и государственная власть в России» (2002), «Проблемы государства и права России начала XXI века» (2003), «Проблема эффективности государственной власти в Российской Федерации» (2004), «Государственная власть в Российской Федерации: проблемы гуманизации» (2006), «Государственная власть и справедливость в России: пути модернизации государства и права» (2009), «Режим оккупированной территории» (2011). Иван Андреевич уделяет значительное внимание совершенствованию учебного процесса. Им опубликованы учебные пособия: «Правовая культура» (2001), «Медицинское право» (в соавторстве с Н.А. Рубановой) (2008), «Политология» (2010), «Теория государства и права:

понятийно-терминологический словарь» (2010), учебник «Теория государства и права» (2011) и др. Его учебное пособие «Общая теория государства и права» (2006) было признано лучшим на конкурсе вузовской учебной литературы Южного федерального округа «Учебник XXI века» в честь 90-летия Ростовского государственного университета в 2006 году.

Перу профессора Иванникова принадлежит более 200 печатных работ. Он выступал организатором 6 всероссийских и международных научных конференций «Государственность и право славянских народов» (2002 – 2006 гг., 2009 г.), пяти региональных научных конференций «Юридическая наука и образование в России в начале XXI века» и конференции «Право и справедливость» (2006 – 2010 гг.). В 2004 г. И.А. Иванников был инициатором сбора подписей для перезахоронения праха профессора, доктора права и доктора философии И.А. Ильина и его супруги из города Цолликон (Швейцария) в России.

С научными докладами Иван Андреевич выступал не только в России, но и в Армении, Германии, Украине, Польше. В 2010 г. ему присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Он входит в состав четырёх диссертационных советов по юридическим и политическим наукам, член редакционных советов научных журналов по юриспруденции

и политологии. Являлся членом первого состава наблюдательного совета Южного федерального университета (2007-2009 гг.), членом Российской криминологической ассоциации».

Научные публикации И.А. Иванникова затрагивают обширный круг проблем теории государства и права, истории русской политико-правовой мысли. Однако наиболее значительным является его вклад в разработку формы российского государства, эффективности и легитимности государственной власти в России.

И.А. Иванников считает, что любая модернизация экономической, политической, идеологической и правовой систем, формы государства не приведёт к положительному результату, если не основана на социальной справедливости. На гуманизме как мировоззрении (уважении к людям, к человеческому достоинству, заботе о благе людей) в идеале должно основываться современное государство и его законы. Предпосылкой построения гуманного государства является создание общества высокой нравственности, народовластия и социальной справедливости.

Редколлегия и коллектив редакции журнала «Северо-Кавказский юридический вестник» горячо поздравляет Ивана Андреевича Иванникова с замечательным юбилеем и от всей души желает ему крепкого здоровья, новых творческих свершений, большого личного счастья!

КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ: «СЕМЬЯ – ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА»

2 ноября в рамках работы XVI Дмитриевских образовательных чтений Отдел по взаимоотношениям церкви и общества Ростовской-на-Дону Епархии Русской Православной Церкви Московского патриархата совместно с профессорско-преподавательским составом различных вузов г. Ростова-на-Дону провел круглый стол на тему «Семья – основа стабильности общества и государства». В работе круглого стола приняли участие: руководитель епархиального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Валерий Волощук, представитель Донской православной миссии Бритвин Николай Николаевич, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Южно-Российского института – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор Баранов Павел Петрович, заместитель руководителя Общественной приемной В.В. Путина в г. Ростове-на-Дону Миляев Владимир Борисович, профессор кафедры отечественной истории новейшего времени исторического факультета Южного федерального университета Венков Андрей Вадимович, доктор юридических наук, профессор Овчинников Алексей Игоревич, преподаватель кафедры теории и истории государства и права РЮИ МВД России Овчиев Руслан Михайлович, штатный клирик кафедрального собора Рождества Христова г. Волгодонска, руководитель миссионерского отдела Волгодонской и Сальской епархии иерей Дмитрий Денисенко, преподаватели вузов, священнослужители и миряне различных приходов Ростовской области.

По итогам выступлений и дискуссии было принято решение подготовить и опубликовать следующий

**Итоговый документ круглого стола
«Семья – основа стабильности общества
и государства»**

в рамках работы XVI Дмитриевских
образовательных чтений

Среди основных проблем современных молодых семей выделяется популярность гражданских браков, большое количество разводов, низкая рождаемость, невысокий процент русских многодетных семей и снижение значимости семейных ценностей в представлении молодежи и общества в целом. Мы должны понимать, что все то, о чем мы говорим, касаясь проблем молодой семьи — это не проблемы, которые можно решить поверхностными, разовыми мерами. Работа должна идти изнутри. Корень лежит в том векторе духовного, нравственного, или, скорее, безнравственного, отношения к жизни, которое превалирует сейчас.

Поддержка семьи всегда в России являлась одним из традиционных и приоритетных направлений деятельности государства. Так было в царской России, так было и в советской России. Среди причин такого отношения верховной российской власти к семье можно выделить три основные причины - это укорененность русской культуры в православном вероучении, которое признает семью малой церковью; необходимость освоения огромных российских территорий; необходимость защиты рубежей от неприятельских вторжений, ведения оборонительных войн, которыми богата российская история.

По нашему мнению, наряду с экономическими мерами по поддержке семьи, государству необходимо уделить пристальное внимание формированию образа крепкой семьи в средствах массовой информации, на телевидении через создание соответствующих телепередач, художественных и документальных фильмов. У государства должна быть своя четкая позиция, которую оно должно реализовать посредством государственного заказа на производство соответствующей видеопродукции.

Если говорить о полноценной семейной государственной политике, то необходима реализация конкретных задач, которые смогли бы улучшить не только демографическую ситуацию в стране, но и

повысили бы значение института семьи. В частности, предлагается:

1. Приравнять труд матери по воспитанию детей к другому полезному труду, установив специальное пособие женщинам по многодетности.

2. Создавать жилищные проекты на строительство жилья для многодетных семей с учетом его близости к образовательной инфраструктуре.

3. Законодательно закрепить возможность летнего отдыха граждан в составе всей семьи.

4. Законодательно принять дополнительные гарантии права родителей на воспитание детей, включая формирование их мировоззрения и образа жизни, а также ограждение их от совершения опасных и безнравственных поступков.

5. Внести в Конституцию РФ особое положение о защите семьи, поддержке многодетных семей. Исключить из законных и подзаконных актов неконкретные основания для вмешательства в семейные отношения, такие как «ненадежное воспитание», «низкий материальный уровень» и др.

6. Рекомендовать в общеобразовательных школах с 1-го по 4-й классы преподавание учителям-женщинам, в старших же классах максимально привлекать к преподаванию мужчин при условии обеспечения достойной заработной платы.

7. Возобновить в образовательных школах страны преподавание начальной военной подготовки.

8. Добавить в школьный курс Основ православной культуры факультативы по этике семейных отношений.

Шансугова М. Д.

КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ»

28 октября 2011 г. в Южно-Российском институте-филиале РАНХиГС состоялась конференция «Актуальные проблемы защиты прав потребителей», проводившаяся кафедрой гражданского и предпринимательского права ЮРИФ РАНХиГС (далее ЮРИФ), Южным филиалом Института государства и права РАН, Северо-Кавказским отделением Российской академии юридических наук, Ростовским отделением Молодежного союза юристов РФ.

С приветственным словом к участникам конференции обратились заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права ЮРИФ, д.ю.н., профессор С. А. Зинченко, директор Южного филиала ИГП РАН, д.ю.н., профессор Д.Ю. Шапсугов, судья Пятнадцатого апелляционного суда В. В. Галов, к.ю.н., доцент Н.А. Сармин, председатель Ростовского отделения МСЮ РФ М.Д. Шапсугова.

В конференции приняли участие студенты 5-го курса дневного отделения ЮРИФ РАНХиГС.

Д. Заикина, руководитель направления по научной работе Ростовского отделения МСЮ РФ посвятила свое выступление законодательству об изменении федерального государственного надзора в области защиты прав потребителей. По мнению Д. Заикиной, с принятием Закона РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 года N 2300-1 получил свое закрепление институт государственной

и общественной защиты потребителей. Для данного этапа характерным было наличие не одного, а нескольких контрольных органов, между которыми распределялись отдельные полномочия по государственной защите прав потребителей, при этом сами полномочия органов, равно и правовые средства реагирования на правонарушения достаточно не регламентировались.

Статья 40 Закона РФ о «О защите прав потребителей» претерпела восемь редакций. В настоящее время осуществление федерального государственного надзора является компетенцией только одного федерального органа исполнительной власти. Закреплена система надзора, аналогичная системе общего прокурорского надзора. Последствия столь серьезного вмешательства государства в регулирование горизонтальных гражданских правоотношений, основанных на равенстве участников гражданского оборота, по мнению Д. Заикиной, покажет практика реализации нововведений.

Вопросы административной ответственности в механизме защиты прав потребителей затронула С. Королева, руководитель направления по работе с общественностью Ростовского отделения МСЮ РФ. Так, за нарушение прав потребителей законодательство устанавливает не только гражданско-правовую, но и административную ответственность. Гражданско-правовая ответствен-

ность вытекает, как правило, из договорных отношений и заключается в основном во взыскании неустойки и убытков. Административно-правовая ответственность является следствием осуществления федеральными органами исполнительной власти своих контрольных функций и состоит в наложении штрафов и выдаче предписаний различного рода на правонарушителей-граждан и юридических лиц.

Рассмотрев основные составы административных правонарушений в области защиты прав потребителей С. Королева пришла к выводу, что положительные сдвиги в экономике страны, перспективы развития предпринимательства, рост доходов населения влияют на состояние потребительского рынка - расширяется ассортимент товаров, услуг. Взаимоотношения предпринимателя и потребителя будут развиваться, что потребует дальнейшего совершенствования их правового регулирования, более четкого закрепления взаимных прав и обязанностей, а также механизма обеспечения и защиты прав потребителей.

Правовому положению лица, использующего товар, как потребителя, посвятил свое выступление Д. Барсуков. Он отметил, что первая редакция Закона «О защите прав потребителей» 1992 года предполагала тождественность понятий «потребитель» и «приобретатель». В результате оказывались ущемленными права тех людей, которые не сами покупали товар или заказывали услугу, а получали, его, например, в качестве подарка. В 1999 г. в закон были внесены изменения, в итоге которых было закреплено, что потребителей может быть несколько и покупатель совсем не обязательно становится единственным потребителем приобретенного им товара, заказанной работы или услуги. Теперь приобретатель оказывается полноправным потребителем подаренного товара. Цели, для которых приобретается товар, заказывается работа (услуга), должны быть исключительно личными (бытовыми, семейными, домашними). Не является потребителем гражданин, который, приобретая товары (работы, услуги), использует их в деятельности, осуществляемой им самостоятельно на свой риск с целью систематического извлечения прибыли, для осуществления предпринимательской деятельности либо в связи с приобретением товаров, выполнением работ и оказанием услуг в целях удовлетворения потребностей предприятий, учреждений, организаций. В соответствии с содержанием ст. 39 Закона РФ «О защите прав потребителей» в случа-

ях, когда договоры об оказании отдельных видов услуг по своему характеру не подпадают под действие гл. III Закона РФ «О защите прав потребителей», регулирующей отношения при выполнении работ (оказании услуг), применяются правовые последствия, предусмотренные ГК РФ и другими законами, регулирующими отношения по договорам об оказании таких услуг. К таким договорам, в частности, относится договор банковского вклада, а также договор страхования и отношения, вытекающие из договора государственного займа. При этом, поскольку ни органы государственной власти, ни органы местного самоуправления по определению не являются субъектами правоотношений, регулируемых Законом РФ «О защите прав потребителей», отмена или признание недействительными (оспаривание) изданных ими правовых актов, не соответствующих потребительскому законодательству, могут и должны осуществляться по общим правилам, установленным Гражданским процессуальным кодексом РФ.

Актуальные проблемы защиты прав потребителей при дистанционном способе продажи рассмотрел Е. Рязанцев. По его мнению, в целях преодоления недобросовестного поведения продавцов и пресечения возможных попыток злоупотребления с их стороны, необходимо:

1) внести изменения в Правила продажи товаров дистанционным способом. Установить обязательные требования для продавца, указывать по аналогии с вывеской, полную информацию о лице, осуществляющем продажу. При такой ситуации, потребитель будет иметь возможность ознакомиться с фигурой продавца заранее и сделать осознанный выбор, а так же быть уверенным в возможности защитить свои права, располагая необходимым минимумом информации.

2) передать контроль экономической деятельности интернет-магазинов из сферы ведения государственных органов компаниям, предоставляющим доменные имена и серверы. Ввести субсидиарную ответственность таких компаний за причиненный ущерб в случае выявления нарушений прав потребителей со стороны сайта.

3) создать бесплатные торговые реестры интернет-магазинов, в которых будут содержаться актуальные сведения о наименовании, адресе, ОГРН, контактных телефонах и ответственных лицах продавцов, вступление в которые будет иметь обязательный характер.

Однако мы можем пойти другим путем. В США и странах Западной Европы интернет магазины уже давно пользуются популярностью. При этом в конкурентной борьбе остались всего несколько крупных интернет-магазинов, каждый из которых заинтересован в защите своих клиентов от нарушений их прав. У подобных магазинов существует целая система урегулирования споров, при которой претензия подается самому интернет-магазину (который, ничего не продавая сам по себе, является посредником между сетью малых продавцов и покупателей), а тот в свою очередь самостоятельно связывается с продавцом и проверяет степень обоснованности претензий. Существует и система рейтингов, в ко-

торой у покупателя, заключившего договор, имеется возможность оценить качество обслуживания конкретным продавцом. В такой ситуации продавец заинтересован в высоком качестве своих услуг, так как это автоматически становится достоянием общественности. Необходимо законодательно закрепить дополнительные гарантии прав потребителей при продаже товаров дистанционным способом. И интернет-рынок будет существовать на принципах добросовестности, защиты прав потребителя, своевременного досудебного урегулирования споров и саморегулирования.

Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М.

«Елису и Горный магал в XII – XIX вв.» Махачкала, 2010; 9,7 п. л.

Как известно, любое явление, событие, процесс отражается и воспринимается в общественном сознании сначала как новость, потом по системе - «хорошо» - «плохо», а затем наступает время оценок, исторических и социальных параллелей, выводов.

Монография Т.М. Айтберова, Ш.М. Хапизова «Елису и Горный магал в XII – XIX вв.» по-настоящему актуальна, а проблемное поле ее чрезвычайно широко, так как последние важные, но явно противоположные события и «манеженщина» и съезд в Дагестане показали, насколько актуальна проблема межличностного, межнационального общения, незнания истории, адатов и традиций.

В работе речь идет о Елису, расположенном на территории Азербайджанской Республики – в Кахском районе, на границе с Российской Федерацией, который сейчас мало кому известен. Однако в XVI-XIX вв. данный топоним хорошо знали и в Иране, и в России, и в Турции, и в Грузии. Об этом свидетельствует хотя бы то, что Елису, как и восточнокавказскому «султанству», центром которого было это азербайджанское селение, где говорили в прошлом по-аварски, выделялся отдельный параграф в знаменитом российском издании XIX в., именуемом «Акты кавказской археологической комиссии».

В XIX в. российские власти обнаружили, что селение Елису и жившие там дагестаноязычные аристократы, предводители которых носили титул «султан», были вовлечены в активную политическую жизнь региона, являлись адресатами иранских шахов и турецких султанов. Им посылались именные указы, жалованные грамоты и иные официальные документы из столиц Ирана и Турции, считавшихся великими державами тогдашнего мира.

После окончания Кавказской войны официальные документы иранского и турецко-османского происхождения, датированные XVI – XVIII вв., были переданы елисуйской аристократией российским властям, функционировавшим на Кавказе, для урегулирования Империей земельных отношений на левобережье Алазани и утверждения в дворянском достоинстве членов султанского рода Елису.

Как результат, указанные документы (иранские и турецкие) стали доступны лицам, занимавшимся тогда историей тех или иных территорий Кавказа.

Первым громко заговорил об этом блоке исторических материалов, написанных арабской графикой, И. Линевич, автор объемистой статьи «Бывшее Елисуйское султанство» (ССКГ. Тбилиси, 1873. Т. VIII). Накануне октябрьской революции 1917 г. его положения развил В. Линден («Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края»), а в 1934 г. вышла в свет монография молодого тогда историка-марксиста И. Петрушевского «Джаро-Белокавказские вольные общества в первой трети XIX столетия». Положения, представленные на страницах его сочинения, написанного с опорой на вышеназванные работы, прочно утвердились позднее в среде советских историков XX в. При этом в трудах последних практически не видно было новых фактов. Мало того, опубликованный в дореволюционную эпоху ценный материал (данные переписи, карты и т. д.), не учтенный почему-то И.П. Петрушевским, пропущен без какого-либо внимания советскими историками.

Монография «Елису и Горный магал в XII-XIX вв.» выделяется прежде всего тем, что авторы вводят в научный оборот целый блок неизвестных ранее памятников арабографической эпиграфики XII/XIII-XIX вв., местных документов на арабском и персидском языках (XV/XVI - первой половины XIX вв.), топонимы и предания. Материал этот, безусловно, очень важен для современных кавказоведов. Особое внимание привлекают подлинник послания крымского хана (XVIII в.) жителям Присамурья, а также русские публикации (XIX в.), игнорировавшие их предшественниками. Это позволило авторам по-новому взглянуть на историю Елису и султанства, центром которого было данное селение в XVI-XIX вв.

Авторы монографии, Т.М. Айтберов и Ш.М. Хапизов, убедительно обосновали ряд научных выводов. Их главные положения: родным языком ели-

суйцев доколхозной эпохи был аварский, а не цахурский; в XIII-XIV вв. в верхнем Присамурье (там, кстати, находилось тогда аварское селение Тарасан, известное по «Ахты-наме» как «Тарса») жили одновременно мусульмане и христиане, стояли и мечети и церкви; султаны Елису были по происхождению этническими дагестанцами, а не грузинами из аристократического рода Вахвахшвили; статус «султанов» приобрели феодальные правители Елису через вступление в административно-политическую систему Сефевидского Ирана, финансирование Ираном влиятельных лиц Сулакского бассейна, в том числе правителей (нуцал) Аварии. Таким образом, распространение там иранского политического влияния шло через султанов Елисуйских, которые, в свою очередь, находились в подчинении у беглярбеков Ширвана.

Очевидно, авторам пришлось в максимальной мере прибегнуть к самоограничению. В самом деле, многообразная проблематика избранной им темы, обилие использованных арабоязычных и местных источников, чрезвычайно широкие историко-хронологические и политико-географические рамки исследования - все это в немалой степени усложняло задачу раскрытия темы. Следовательно, успех во многом зависел от умения авторов отобрать необходимое, оставив за скобками все второстепенное, хотя, возможно, и небесполезное. Они преодолели эту трудность, тем самым еще раз доказав, что фундаментальность и теоретическая весомость научного произведения зачастую далеко не совпадают так сказать, с его физическим объемом.

Ясность стиля, точность языка - несомненное и явное достоинство рецензируемой монографии. Важно еще отметить, что историко-теоретическая актуальность монографии основана на апробированных теоретико-методологических источниках, глубоко продумана авторами. Тандем авторитетного востоковеда Т.М. Айтберова и уже известного молодого, но талантливого журналиста, писателя

– Ш.М. Хапизова, представил на суд читателей замечательную работу, где описан исторический путь региона, заселенного къесерами, в контексте истории политико-правового развития других народов Дагестана, дал великолепный результат в виде данной монографии.

Нельзя не отметить, что авторы основывались на многочисленных материалах, поэтому их выводы оказались убедительно аргументированными.

В то же время следует признать, что представленное монографическое исследование «Елису и Горный магал в XII-XIX вв.» не лишено, естественно, определенных упущений:

а) в тексте имеются опечатки;

б) структура книги выиграла бы, будь она несколько иной, в частности, публикуемые арабграфические источники, ранее не известные кавказоведению, желательно было бы сконцентрировать в одной части, лучше – в конце книги;

в) хорошо было бы авторам дать в наборе их варианты чтения рукописных арабских текстов, причем всех, а не лишь некоторых;

г) отдельные источники (фотокопии документов), например, послание крымского хана Аслангеря следовало бы дать крупным планом.

Тем не менее указанные замечания носят в основном частный и дискуссионный характер и не умаляют общей, весьма положительной оценки монографии, ее теоретического и практического значения. Прделанная авторами работа свидетельствует о серьезном их вкладе в науку. В работе очень удачно представлена система логически взаимосвязанных, теоретических положений, характеризующих генезис и эволюцию. «Елису и Горный магал в XI-XIX веках», представляет интерес для специалистов по истории права, отечественной истории, по этнографии. По нашему мнению, эта книга войдет в основной фонд исследований по истории национальной государственности народов Северо-Восточного Кавказа.

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО

ХАСАН МУХТАРОВИЧ ДУМАНОВ (1942–2011)

7 декабря 2011 года ушел из жизни Хасан Мухтарович Думанов. Он родился в 1942 году в селении Каменноостское Зольского района Кабардино-Балкарии. Здесь он провел свои детские и школьные годы. В 1962 г. Хасан Мухтарович поступил на историческое отделение КБГУ, а в 1967 году успешно окончил его.

В 1968 г. Х.М. Думанова приглашают в сектор истории КБНИИ в качестве младшего научного сотрудника и направляют в аспирантуру Института этнографии Академии наук СССР. Здесь под руководством известного кавказоведа - профессора В.К. Гарданова, Х.М. Думанов много и плодотворно работает в Центральных архивах и библиотеках Москвы. Пристальное внимание будущего ученого привлекают материалы, посвященные нормам обычного права, действовавшим в Кабарде в до-реформенный период. Результатом этой научно-исследовательской работы Х.М. Думанова становится защищенная им в 1972 году кандидатская диссертация на тему «Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX века)». Это научное направление, плодотворно развивавшееся в XIX в. М. Ковалевским и др., и в XX в. М.О. Косвеню и А.М. Ладыженским, В.К.

Гардановым, было практически забыто в советские годы. Лишь в 1970-е ряд ученых вновь начали разрабатывать проблемы, связанные с эволюцией обычного права на Северном Кавказе. Таким ученым стал и Х.М. Думанов. Его работа была посвящена трансформации норм адата кабардинцев под влиянием норм шариата и российско-имперских судебных преобразований.

В том же 1972 г. Х.М. Думанов возвращается в Кабардино-Балкарский НИИ в качестве старшего научного сотрудника отдела этнографии. Здесь он продолжает исследования в области юридической антропологии. Его монография «Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в.», легшая в основу докторской диссертации, защищенной им в 1992 г., представляет собой глубокое и всестороннее исследование обычного права и его связи с социальными аспектами кабардинского общества. В нем Хасан Мухтарович обратился к архивным материалам более раннего исторического периода - первой половины XIX в., к достоверным разнообразным документальным источникам. Значительное место в этой работе отведено анализу форм собственности и форм эксплуатации зависимого населения. Указанные вопросы изучены через призму обычно-правовых норм, которые регулировали семейные, личные, хозяйственные и, в целом, общественные отношения. Это дало возможность автору сделать вывод, что в Кабарде процесс захвата общественных земель феодалами и закрепощение крестьян завершился уже в XVIII в.

Эта фундаментальная работа явилась заметным вкладом в историографию адыгов. В 1998 г. ее автор был удостоен высокого звания лауреата Государственной премии КБР в области науки и техники.

Важное место в научной деятельности Х.М. Думанова занимало изучение проблемы общественно-политической мысли Кабарды первой половины XIX в. Его монография «Якуб Шарданов» (1988) посвящена жизни и деятельности видных деятелей Кабарды Ш. Б. Ногмова и Я. Шарданова.

Не менее важное значение в деятельности Х.М. Думанова занимает опубликование архивных материалов. Сборник «Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII-начале XX в.» (1992) составлен на основании архивных документов цен-

тральных и региональных архивохранилищ Москвы, Тбилиси и Нальчика.

В сборник «Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII-первая половина XIX в.)» вошли извлеченные из Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК) ценнейшие и уникальные документы, раскрывающие трагические события, связанные с завоеванием и колонизацией царской Россией народов Северного Кавказа.

Диапазон исследований профессора Х.М. Думанова не ограничивается и этим. Его книга «Вдали от Родины: к 130-летию окончания Кавказской войны (1864-1994 гг.)» (1994) повествует о переселении кабардинцев в Турцию в 50-60 годах XIX в.

В последние годы Х.М. Думанов обратился к анализу современной ситуации в Республике. В 1999 г. совместно со своими коллегами В. Кажаровым и А. Боровым он издал фундаментальную монографию «Современная государственность Кабардино-Балкарии».

Х.М. Думанов является одним из авторов обобщающего труда «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев» (1986).

Перу Хасана Мухтаровича Думанова принадлежит более 200 научных и общественно-политических статей. Его работы публиковались в центральных журналах – «Государство и право», «Этнографическое обозрение», «Вестник РАН», «Научная мысль Кавказа», в «Северо-Кавказском юридическом вестнике», в ряде международных изданий. Совсем недавно вышел в свет составленный им новый сборник, куда вошли архивные записки и произведения русских авторов XIX в.

Работая в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований, Х.М. Думанов прошел путь от научного сотрудника до директора Института. В 1992 году он стал заведующим отделом истории института. В 1993 г. Х.М. Думанов был выдвинут на должность председателя Государственного комитета КБР по делам национальностей, которую занимал до 1997 г. Большая организаторская деятельность Думанова на этом посту способствовала укреплению и стабилизации межнациональных отношений, этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарии. В середине 1997 года он возглавив КБИГИ. Результатом его плодотворной деятельности на этом посту стало присвоение Институту гуманитарных исследований КБР статуса академического.

Будучи директором КБИГИ в 1998–1999 гг., Хасан Мухтарович Думанов по совместительству являлся советником Президента КБР по межнацио-

нальным отношениям и работе с общественными объединениями, ответственным секретарем Комиссии по межнациональным отношениям и работе с общественными объединениями при Президенте КБР.

В 1999 г. профессора Х.М. Думанова на III конгрессе этнографов и антропологов России избрали Президентом Ассоциации этнографов и антропологов Российской Федерации.

Большим вкладом в изучение межнациональных отношений стал двухтомник «Политика и право в сфере этногосударственных отношений в Кабардино-Балкарии» (2001 г.). Сборник подготовлен Хасаном Мухтаровичем в соавторстве с С.И. Аккиевой. В нем обобщаются процессы становления кабардино-балкарской государственности.

Труды Х.М. Думанова широко известны на Северном Кавказе, в России и странах Ближнего Востока. Они имеют фундаментальный, концептуальный характер, отличаются новизной, богатством идей и мыслей. В них сформулированы новые направления в историко-этнографической науке Северного Кавказа.

Активная научная и общественная деятельность Х.М. Думанова заслужила достойное признание общественности Кабардино-Балкарии. В 1995 году ему присвоено высокое звание Заслуженный деятель науки КБР, в 2004 году Заслуженный деятель науки РФ, он награжден дипломами и Почетными грамотами Российской академии наук.

В 2007–2009 гг. Х.М. Думанов работал советником Президента КБР по межнациональным вопросам, в 2009-2010 гг. возглавлял отдел этнополитических исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

С 2009 года профессор Х.М. Думанов принимает активное участие в издании многотомной «Антологии памятников права народов Кавказа» в качестве члена главной редакции и составителя 1, 2, 3, 4-го томов названного издания.

Ушел из жизни выдающийся деятель отечественной науки, но остались его фундаментальные труды, написанные профессиональным ученым, настоящим патриотом, в трудах которого историческая правда и любовь к отечеству оказались скрепленными навечно.

Коллектив отдела этнополитических исследований
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук
Редколлегия журнала СКЮФ

**УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» в 2011 году**

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	
<i>Баранов П.П.</i>	
Проблема соотношения морали и права в политико-правовой мысли России XV-XVI вв.	4
<i>Величко А.М.</i>	
Идея права Византии	1
<i>Гуруев Д.К.</i>	
Институт кадия и этноправовые особенности возникновения и развития союза сельских обществ Акуша-Дарго в XVIII - первой половине XIX века	2
<i>Гутарова Н.А.</i>	
Применение метода периодизации в теории права: на примере эволюции основных понятий и представлений о праве народов на самоопределение	4
<i>Дзидзоев В.Д.</i>	
Законодательные акты СССР и Грузинской ССР о правовом статусе Юго-Осетинской автономной области (1924-1936 гг.)	2
<i>Зинков Е.Г.</i>	
Пространство и право	1
<i>Исаев Ш.М.</i>	
Общее понятие и виды источников обычного права Дагестана	3
<i>Кахбулаева Э.Х.</i>	
О проблемах, прогнозах и перспективах государственной миграционной политики России	1
<i>Костишина С.А.</i>	
Мировоззренческие основания русской социологии права	3
<i>Комова Н.Б.</i>	
Институт царской власти в русском государственно-правовом и духовном пространстве XVII века	4
<i>Лисовская Г.В.</i>	
Возникновение и развитие идеи национального государства в политической философии Нового времени	3
<i>Мартыненко А.Б.</i>	
Правосознание и правовой менталитет граждан в государстве переходного периода	3
<i>Мартыненко Б.К.</i>	
Этиология политического насилия	3

Мартыненко Б.К.

Сегодняшние метаморфозы развития политического насилия 4

Мартыненко Б.К.

Насилие и правосознание: грани корреляции 1

Магадова З.М.

Правовой плюрализм как фактор устойчивого развития общества и государства:
теоретико-методологический аспект 1

Нагаев А.А.

Основные этапы становления российского управления на Кавказе (1785-1899) 1

Овчинников А.И.

Цель права в христианской культуре русского народа 1

Павкин Л.М.

Вопросы бюрократии, общественного идеала и права в мировоззрении
Ф.М. Достоевского (К 190-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского) 3

Садовая Г.А.

Логика производства и внутренней структуры презумпций 3

Сихаджок З.Р.

Становление административного аппарата Кавказского наместничества(1845-1867) 1

Сергеев В.Н.

Формирование общероссийской государственной
власти на Дону в октябре 1917-1918 гг. (роль партии кадетов) 1

Скрынник А.М.

Транспортная (морская) безопасность в системе национальной и
международной безопасности. Правовое регулирование 2

Супатаев М.А.

Цивилизационное осмысление права: в контексте модернизации 4

Супатаев М.А.

Право и модернизационные стратегии в Китае. Цивилизационное измерение 1

Шапсугов Д.Ю.

Правовой мир Кавказа: понятие, формы существования, социальные функции 2

Ярошенко В.А.

Публичная политика и антитеррористический дискурс в современной России 4

Яхьяев Г.Я.

Памятники нормативно- правовой культуры народов Дагестана. Гидатлинские адаты 4

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО, ТРУДОВОГО И

ФИНАНСОВОГО ПРАВА*Авдякова В.А.*

Правовая природа корпоративных прав 2

*Андрянчик Р.В.*Особенности правового регулирования налогообложения
малых инновационных предприятий ..... 3*Дробышева Н.А.*

Гражданско-правовая характеристика договора о развитии застроенной территории 3

*Жерукова А.Б.*Правовые аспекты и социальные проблемы регулирования трудовых отношений
в России в условиях мирового финансового кризиса ..... 1*Зинченко С.А.*Банкротство отсутствующего должника и прекращение недействующего
юридического лица: вопросы соотношения ..... 1*Косинков В.В.*

Правовая природа права на обнародование произведения и особенности его наследования ... 3

Медведев С.Н.

Владение в итальянском гражданском праве 2

Медведев С.Н.

Конструкция владения в новейших кодификациях гражданского права 3

Мирошник С.В.

Бюджетно-правовая ответственность как институт бюджетного права 3

*Сулейманова Г.В.*Нерешенные вопросы защиты права собственности работодателя с
редствами трудового законодательства ..... 3*Ткачев И.В.*

Частноправные начала энергетической политики России в условиях глобализации 1

*Шапсугова М.Д.*Становление института индивидуального предпринимательства
в законодательстве СССР и РФ до принятия Гражданского кодекса РФ ..... 3**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО**

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ И
ПРОЕКТА ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РФ»
ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА, ПРОВЕДЕННОГО КАФЕДРОЙ
ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА**

Зинченко С.А.

Корпоративные правоотношения в реформируемом
гражданском законодательстве России (проблемные вопросы) 2

Тарасова А.Е.

Совместимость природы корпоративных отношений с принципом добросовестности 2

Галов В.В.

О подведомственности спора о восстановлении на
работе руководителя корпоративной организации 2

Акопов Д.Р.

Правовой статус единоличного исполнительного
органа хозяйственного общества (трудоправовой аспект) 2

Ломидзе Э.Ю.

Способы защиты в системе корпоративных отношений 2

Сармин Н.А.

Пути совершенствования законодательства о корпоративных отношениях 2

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Бондаренко О.В.

Судебная практика и уголовное правотворчество 1

Луценко О.А.

Хищение денежных средств с банковских счетов
при проведении операции с пластиковыми карточками 1

Мишина Н.В.

Правовые аспекты политического управления в сфере железнодорожного транспорта 1

Нагаева Т.И.

Продолжающиеся преступления 2

Попова Ю.Ф.

Проблемы применения особого порядка принятия судебного решения при заключении
досудебного соглашения о сотрудничестве 2

Рогачкина Е.А.

Понятие, функции и значение способа совершения преступления 1

Садовая Г.А.

Понятие и признаки презумпций 2

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ

ОСОБЕННОСТЯМ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ

Алауханов Е.О.

Проблемы юридического образования в Казахстане 4

Бойко А.И.

Особенности подготовки магистров уголовно-правовой специализации 4

Бойко А.И.

Содержательные требования к подготовке магистров уголовно-правового профиля 4

Карягина А.В.

Производственная (педагогическая) практика в
контексте подготовки магистерской диссертации 4

Лукашов А.И.

О магистратуре и подготовке магистров уголовно-правового
профиля в Республике Беларусь 4

Мелешко Н.П.

К вопросу о проблемах развития юридического образования
в России и концепциях его специализации 4

Пащенко Е.А.

Индивидуальный подход или современные педагогические технологии:
эффективность применения в магистратуре 4

Попова С.А., Бокова И.Н.

Применение интегративного подхода в преподавании дисциплин криминального цикла 4

Разогреева А.М.

Образовательные технологии в практике реализации магистерских программ 4

Ратьков А.Н.

Магистерское образование: кто в лес, кто по дрова 4

Фоменко А.И.

К вопросу подготовки специалистов в области борьбы
с преступлениями в сфере высоких технологий 4

Чентеш И., Лазарева Н.

Юридическое образование в Словацкой Республике:
опыт университета Коменского (г. Братислава) 4

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО, КОНСТИТУЦИОННОГО И

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Акопов Л.В.

Понятие административного регламента в юридической науке и практике 4

Волова Л.И.

Деятельность международного уголовного суда и трибуналов ad hoc –
новый этап в развитии международного гуманитарного права 3

Овсеян Ж.И.

Субъекты конституционно-правовой ответственности (конституционной деликтоспособности) в системе судебной власти 2

Рассыльников И.А.

Основы бюджетной деятельности в Конституции Испании 1978 года 1

Рустамова С.М.

Элементы административной юстиции в надзорной деятельности Сената и
других органов власти в первой половине XIX века 4

Силкин М.М.

Социально-правовые аспекты борьбы с социально опасными и
социально значимыми заболеваниями 3

Старчикова В.В.

Формы публично-правового контроля над деятельностью государства 3

Тимошенко И.В., Вова К.П.

Процессуальные основания административной ответственности в
области дорожного движения 1

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Митусова О.А.

Модернизация формального языкового образования студента-юриста
через развитие европейской идентичности 4

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Баранов П.П., Малиненко Э.Б.

Круглый стол на тему:

«Проблемы перехода к новой системе формирования представительных органов
муниципальных образований в Ростовской области» (на основе проекта
областного закона Ростовской области «О выборах депутатов
представительных органов муниципальных образований в Ростовской области») 2

Баранов П.П., Овчинников А.И.

Круглый стол на тему: «Семья – основа стабильности общества и государства» 4

Данилов А.Г.

К юбилею П.А. Столыпина	1
Небратенко Г.Г.	
О международной научной конференции «Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее»	1
Шансугов Д.Ю.	
Заявление участников международной научной конференции «Правовой мир Кавказа: прошлое, настоящее, будущее»	1
Шансугова М.Д.	
Итоги Окружного тура Всероссийской студенческой юридической олимпиады – 2011 по ЮФО	1
Шансугова М.Д.	
Конференция «Актуальные проблемы защиты прав потребителей»	4

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Акопов Л.В.

Джагарян Н.В. Муниципальная представительная демократия в России: конституционно- институциональные аспекты. Монография. Ростов-на-Дону. Изд-во ЮФУ. 2010. - 168	1
---	---

Исмаилов М.А.

Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М.«Елису и Горный магал в XII-XIX вв.» Махачкала, 2010; 9,7 уч.л.	4
--	---

ПЕРСОНАЛИИ

Поздравляем с юбилеем!	3
Магомедсагиду Абдулмуслимовичу Исмаилову – 50 лет	3
Муромцеву Геннадию Илларионовичу – 75 лет	4
Поздравляем с юбилеем!	4
.....	

НАШИ АВТОРЫ

Акопов Леонид Владимирович - заведующий кафедрой административного и служебного права Юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор. Тел. 2-62-77-90.

Алауханов Есберген Оразович – декан факультета журналистики КазНУ им. Аль-Фараби, доктор юридических наук, профессор.

Баранов Павел Петрович- заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Тел. 2-69-62-10.

Бойко Александр Иванович – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор юридических наук, профессор. Тел. 2-69-62-39.

Бокова И. Н. - доцент кафедры уголовного права и криминалогии Нижегородской правовой академии(института), кандидат юридических наук.

Гутарова Наталья Александровна – аспирант кафедры теории и истории права и государства Юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы. Тел.89185825443.

Исмаилов Магомедсагид Абдулмуслимович – заведующий кафедрой теории государства и права Дагестанского государственного университета. Руководитель лаборатории обычного права ЮФ ДГУ. Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор. Тел. 88722674266.

Карягина Анжелика Владимировна – преподаватель кафедры Уголовного права и процесса Таганрогского Института Управления и Экономики.

Комова Наталья Борисовна – доцент Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук. Тел. 22-939-06.

Лазарева Наталья Юрьевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического

института Северо-Кавказской академии государственной службы, кандидат юридических наук. Тел. 2-69-62-39.

Лукашов Алексей Игоревич - профессор академии МВД Республики Беларусь (г.Минск)., доктор юридических наук.

Мартыненко Борис Константинович – профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия (г.Краснодар), кандидат юридических наук. Тел.89882465290.

Мелешко Николай Петрович – заведующий кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» Института управления бизнеса и права г.Ростова-на-Дону, профессор, кандидат юридических наук. Тел. 89185966693.

Митусова Ольга Анатольевна – заведующая кафедрой иностранных языков и речевых коммуникаций Северо-Кавказской академии государственной службы, кандидат педагогических наук, профессор. Тел.2-69-62-59.

Овчинников Алексей Игоревич – профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Кавказской академии государственной службы, доктор юридических наук. Тел. 2-78-61-03.

Пащенко Елена Анатольевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы, кандидат юридических наук. Тел. 89185250607.

Попова Светлана Александровна - доцент кафедры уголовного права и криминалогии Нижегородской правовой академии(института), кандидат юридических наук.

Разогреева Анна Михайловна - доцент кафедры уголовного права и криминалогии Южного федерального университета, кандидат юридических наук. Тел.89054597730.

Ратьков Александр Николаевич – доцент Сочинского института РУДН, кандидат юридических наук.

Рустамова С М - доцент кафедры гражданского процесса Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук. Тел.89289705834.

Супатаев Мурат Абды-Касимович - ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства ИГП РАН, кандидат юридических наук. Тел.89250252060.

Фоменко Андрей Иванович - доцент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины» Института управления бизнеса и права г.Ростова-на-Дону, кандидат юридических наук. Тел.89185577340.

Чентеш Иозеф – доктор права, доцент юридического факультета Университета им.Коменского, заместитель начальника Управления по вопросам уголовных преступлений Генеральной прокуратуры Словацкой Республики (г.Братислава).

Шапсугова Мариетта Дамировна – старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права Юридического института Северо-Кавказской академии государственной службы. Тел. 2- 69-62-64 .

Ярошенко Виталий Андреевич – аспирант кафедры политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы. Тел.2-18-08-54.

Яхьяев Г.Я. - аспирант кафедры теории государства и права Дагестанского государственного университета. Тел. 88722674266.

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

2011, № 4

Сдано в набор 24.10.2011. Подписано в печать 30.11.2011.
Гарнитура Таймс. Формат 60x84 1/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15.
Бумага офсетная № 1. Тираж 250 экз.
Заказ № 140.

Ростовский юридический институт
Северо-Кавказской академии государственной службы.
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

Отпечатано в типографии «Альтаир»
г. Ростов-на-Дону, пер. Ахтарский, 6.
Телефон: (863) 234-19-67.